

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Перерождение

Андрей Назаров

Андрей Сергеевич Назаров

Перерождение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63454597

SelfPub; 2021

Аннотация

В этой книге представлены истории трёх героев: обычный охотник, начинающий маг и эльф-изгнанник по воле судьбы вынуждены противостоять тёмным силам, призванным воскресшим полубогом для одной цели – подчинить земли своей воле. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Ведуница	4
Сверчки и цикады	149
Пробуждение	169
Первый шаг	208
Осада форта Байу	231

Андрей Назаров

Перерождение

Ведуница

275 год (лето) от Союза Пяти Королевств
Республика Левэр

«Вошли без стука. Поднимаются... Раз, два... Трое. Один потяжелее. Другой слегка хромает. Первый этаж. Заходить к хозяйке не стали, пошли сразу в пролёт лестницы. Так, идут спокойно, не семят, не смягчают шаг, чтобы их не услышали, не торопятся», – он немного выдохнул и снова откинулся на мягкой кушетке, обитой хлопковой тканью изумрудного цвета. Как только рука его потянулась к оставленной на полу книге «Искусство наведения морока» с закладкой на главе «Морок окостенения», пришлось снова сконцентрироваться на усилении чувствительности слуховых нервов. «Всё-таки ко мне», – с грустью подумал он.

Шаги троих незваных гостей уже миновали второй этаж, где жила семья сапожника и откуда доносились громкие возгласы его дочерей, играющих в прятки. Был выходной. Соседи только что проснулась и уже в третий раз пыта-

лась собраться на завтрак всем семейством.

«У того, что потяжелее, уже появилась одышка, – ухмыльнулся он. – Интересно, кто главный? Ага – значит хромой».

В дверь вежливо постучались.

– Прошу!

Ручка двери повернулась, и в комнату вошел, чуть прихрамывая, седовласый мужчина. По обеим сторонам на его небритых щеках шли глубокие борозды морщин, что придавало лицу значительность. Небольшая борода. Одет он был в гражданское – богатый кафтан с воротником-козырем, прошитый золотыми нитями. За ним вошли остальные двое и остановились чуть позади. Было видно, что это охрана. Хромой чуть поклонился.

– Доброго утра, господин Снорре, да согреет Вас свет Семиликих Богов. Моё имя Видогост Удельный. Я представляю интересы градоначальника Ларракии – благородного Торчина дэ Лилля.

Из шаткой тени большой гостиной комнаты, в которой два из трёх окон были наглухо зашторены, вышел молодой человек. Его непослушные каштановые волосы игольчатыми прядями упали на лоб, и он отбросил их кивком головы.

– Прошу, господин Видогост, присаживайтесь сюда, на стул. Только аккуратнее с этими колбочками на столе, я вот уже какую неделю вывожу кое-какой рецепт. Что Вас привело ко мне в столь ранний час?

– Торчин дэ Лилль поручил срочно отыскать Вас. Просил

простить его, что не смог зайти сам.

– Не смог так рано проснуться?

Видогост смутился.

– Нет, у него прием делегации из Айнах Ад’Дира. На восточной границе снова напряженность. Вы, наверно, в курсе. Но мы здесь не поэтому. В настоящее время нас больше волнует сильное влияние Культа на юге.

– Культ Савошских ведьм, – задумчиво произнёс молодой человек, – Что конкретно?

– Конкретнее, хмм, – Видогост закашлялся. – Извините. Конкретнее – на юге Республики участились случаи самоубийств, буйства, одержимости. Люди уходят в Савошские болота и не возвращаются. В деревнях поговаривают о том, что виной всему заговоры и козни тамошних ведьм. Приверженцы Культа, по словам наших доносчиков, получают практически любые блага: немалые деньги, женщин и даже земельные уделы. Мы пока не знаем, как точно распознать этих сектантов, но знаем, что немало из них, может оказаться, находятся на довольно высоких должностях в Республике. Сейчас ведутся наблюдения за теми князьями, которым слишком рьяно сообразовала удача за последние несколько лет. Те, которые высоко взлетели, если вы понимаете, о чем я. Эти сектанты приносят жертвы ведьмам и подрывают устои нашей светлой Республики.

– Что нужно ведьмам?

– Власть – как конечная цель, полагаю. Насильственное

обращение наших граждан в Савошский Култ. Это страшная... Нет, я не могу назвать это религией, господин Снорре. Говорят, они мучают людей, принося их в жертву каким-то темным силам. Они черпают силы в мучениях и страхе истязаемых, считая, что при этом высвобождается самая мощная энергия, которую может, так скажем, вырабатывать человек. Ведьмы питаются этой энергией – используют её для производства снадобий, заговоров, в общем, магии, стараясь держать бедолаг как можно дольше в живых.

Посланник замолчал. Видя, что вопросов не возникло, он продолжил.

– Масштабы бедствия велики – случаи одержимости учащаются. У Республики нет сил на организацию рейда для поиска источников этой заразы. Все силы сейчас стоят у восточных границ. Да и сложно будет гоняться за дымом – это работа для опытного волхва.

– Польщён... Значит, Вы хотите, чтобы я отправился на юг и нашел источник зла. С этим понятно.

– Вы единственный учёный волхв в ближайшей округе, который смог бы с этим справиться. С Вашим слухом и чутьём будет не сложно найти, откуда распространяются недуги и наговоры. Безусловно, мы обеспечиваем Вас провиантом и выделим в охрану людей. У нас так же имеются зацепки, где надо искать, но это Вы найдёте в письме.

Видогост вынул из небольшой кожаной сумки конверт и, привстав, протянул Снорре.

– Информация конфиденциальна. Прочтите и направьте ответ с посыльным в замок, можно голубиной почтой, если желаете.

Тон представителя власти начинал походить на наставления, не допускающие возражений, хотя Снорре ещё не согласился взяться за дело. Умеренный нажим всегда значился среди излюбленных приемов в Республике Левэр.

«С властью лучше не спорить, – думал волхв, – тем более, если она пока оплачивает моё размещение в этом прекрасном доме, и, тем более, если ещё можно подзаработать. Но про оплату говорить пока рано. Надо набить цену».

– Господин Удельный, Вы же в курсе, что тамошние топи издревле были рассадником всяческой нечисти. Культ известен всем. Да, в наши тёмные времена он распространяется быстрее, чем сто или даже пятьдесят лет назад. Но даже если мы и найдем одну ведуницу, останется еще с десяток. Как Вы планируете поступить с ними?

Видогост наклонился к Снорре и понизил голос.

– Вы не глупый человек, господин волхв. Должны понимать, что народ в столице волнуется. Вчера прошла волна протестов рядом с замком Верховного Титула. Мы должны показывать результаты. Мы считаем, что одной головы ведьмы будет достаточно, чтобы успокоить толпу. По крайней мере, для начала. Далее, если потребуется, мы привлечём армию.

Удельный выпрямился и уже обычным голосом перешел

к заключительной части.

– Пятьсот дукатов сейчас, при согласии, конечно. И пятьсот дукатов за голову ведунницы. К голове никаких особых требований нет. Сделаете дело, Совет Чернокнижников подтвердит подлинность, и деньги ваши. К тому же, как мне намекнул Торчин дэ Лилль, в письме будут описаны некоторые другие бенефиты, которые, возможно, будут для вас даже более интересны, чем просто деньги.

Он поднялся и протянул руку Снорре для рукопожатия.

– К сожалению, у нас не так много времени. Это всё, что мне было поручено передать. Очень надеемся на ваше согласие. Ответ будем ожидать в течение двух дней. Прощайте.

Они пожали руки и отдали честь знаком «Служу Республике» – перекрещенные перед грудью руки со сжатыми в кулаки кистями, которые повторяли герб Левэра, представляющий собой те же скрещенные кулаки на ярко красном щите, от которого тянутся желтые лучи солнца.

– Благодарю за предложение. Я пришлю ответ в установленный срок. Не волнуйтесь. Прощайте, – сказал Снорре Видогосту и помахал рукой охране – Пока парни! Было приятно познакомиться!

Вся троица молча вышла, и волхв снова остался один в приятной тишине и полумраке.

Снорре снова опустился на кушетку: «Мда, а поторговаться-то и не пришлось. Эко как всё быстро обставил и слова не дал вставить.»

Он зевнул и подумал, что неплохо было бы прогуляться утром по берегу реки и, возможно, даже прочесть письмо в закусочной «У Старого Ежа». Недавно хозяин выставил несколько столиков прямо у берега Дóована. Пока солнце еще не так жарит, и народ не высыпал на улицы, можно будет насладиться прекрасным утром и подумать о дальнейших планах.

Снорре не так давно перебрался в столицу Республики, и это было следствием серьёзных заслуг на поприще знахарства и ведовства. Вот уже несколько сотен лет все Пять Королевств, а многие считают, что и земли за их пределами, переживали времена, когда высокая магия почти повсеместно исчезла. Дефицит великих чародеев наблюдался везде. В Республике Левэр действительно сильных волхвов можно было посчитать по пальцам одной руки, а единственный высший маг Хафель Дир Исан, как говорят, доживал последние дни на восточной границе государства, поселившись отшельником в степях Ильгукк. Многие уже забыли, как маг умел повелевать стихиями, видеть будущее, обладал способностью разговаривать с животными, духами и на расстоянии силой мысли выправлял покосившиеся от старости дома и сараи односельчан.

Снорре же был тем избранным, кто с рождения был спосо-

бен воспринимать и направлять ману – ту сверхъестественную силу, которой наделены некоторые места, люди, звери или даже предметы. Он чувствовал их, а иногда мог использовать в своих интересах. По сравнению с другими народами пяти королевств, люди обладали, пожалуй, меньшей тягой и способностями к магии, но в то же время очень одаренные волхвы обладали одним уникальным даром, которого не было у других народов, – они умели приручать духов-покровителей своих родовых домов: домовых, дворовых, колодечников, мельничных или овинников. Это были сильные духи, обитавшие из поколения в поколение рядом с человеком и поэтому близкие ему. Одни помогали человеку по хозяйству, другие могли баловаться, озорничать и даже наказывать человека, например, за пьянство или брань. Так или иначе, при некоторых обстоятельствах духи могли служить людям. Умелые волхвы брали их себе в помощники путём всяких ухищрений и магии, но в последние десятилетия в Республике этого не случалось. По крайней мере, насколько мог знать Снорре, а Снорре был самым преуспевающим ведуном на здешних землях в области общения с «тонким» миром духов. У него не было своего духа-помощника, но он уже несколько раз был близок к тому, чтобы приручить его.

Уже сидя за столиком таверны и наблюдая как заспанная кельнерша, спотыкаясь, несёт ему горячий омлет и три толстых, шипящих на сковороде сосиски по-ильгуккски, Снорре размышлял: «Ничего, мне только тридцать с небольшим,

а великий Нел приручил своего знаменитого колодечника в сорок пять! Еще есть время. Надо просто продолжать искать и пытаться.»

– Благодарю, – Снорре принял сковородку, украдкой поглядывая на оголенные загорелые голени подавалки.

– Осторожно, господин Снорре, очень горячо.

Волхв потянулся, подставляя лицо уже выглядывавшему из-за горизонта солнцу. Тихие волны Дóована как будто снова убаюкивали и тянули куда-то в сон. Чуть заметный ветерок игрался со шторками на окнах кабака. Город постепенно оживал: то запоет вдали петух, то из переулка послышится утренняя семейная перебранка, то звякнет посуда из окна ближайшего дома. Он в который раз подумал, что ему всегда нравилась столица Республики Левэр. Она не была такой шумной, как Твердрек – главный город Речного Народа и столица Дрabanта. Ларракия была всегда немного провинциальной, но в то же время сохраняла стройность архитектурного стиля и, конечно, свой высокий культурный статус. Многими знаменитыми мастерами и искусниками высоко ценились эти невысокие, но тончайшей архитектурной отделки дома из сероватого и белёсого буррского камня, построенные ещё эльфами до третьей волны миграции. Вытянутые и заострённые кверху окна, обширные террасы на вторых этажах и знаменитые чердачные окошки – настоящие произведения искусства Экромского периода. Именно они определяли лицо здания, говорили об авторском почер-

ке зодчего. Каждый дом имел своё уникальное окошко или два, по которому можно было судить о его богатстве и по которому узнавали дом знакомых или родственников. Например, совсем рядом с таверной «У Старого Ежа» красовался жилой двухэтажный дом с круглым чердачным окошком зелёного цвета, окаймлённым удивительной рамой из огромных морских раковин, переливающихся перламутром. Дорогущие раковины со Смирного моря, а возможно не только с него, завезённые когда-то эльфами, так и играли на солнце. Этот дом много лет назад принадлежал семье известного мореплавателя. По словам старейшин города, хозяин дома переехал сюда жить уже в престарелом возрасте. Он так скучал по морю, солёным ветрам и буйным волнам, что попросил местных умельцев построить ему дом в морском стиле. Старожилы Ларракии рассказывают, как рассказывали им их деды, что бывший капитан дальнего плавания жил один, а по утрам частенько открывал оконце, высовывался на улицу и прикладывался ухом к одной из раковин послушать, как с ним говорит море. Снорре не проверял, но, опять же по слухам, раковины завезены с разных морей и звучат они все совсем по-разному. По крайней мере, так утверждает теперешний хозяин дома. Возможно, набивает цену, а может и правда.

Ну и как же при рассказе о Ларракии не сказать о климате?! Он был удивительно мягким, с недолгой, почти беснежной зимой и умеренно жарким летом. Вот и сейчас го-

род благоухал цветением гортензий и акаций. А на самом юге столицы Республики Левэр попадались даже прекрасные пальмовые рощи и банановые деревья. Многие считали здешний климат наиболее благоприятным во всех пяти королевствах.

Мокрый нос бездомного пса-попрошайки вытянул Снорре из задумчивости. Он лениво отогнал пса ногой, вынул из сумки футляр и письмо от мэра. Щёлкнул замок, и он достал из футляра очки: «Хм, попробуем».

Снорре захрустел конвертом, расправил его и начал читать, попеременно прикладываясь то к стакану с морсом, то к завтраку.

«Здравствуй, Снорре!

Давненько не виделась. Я слышал, после практики в Падуйской пустоши ты вернулся в столицу. Извини, так и не нашел времени забежать в гости.

Надеюсь, пребываешь в добром здравии, мой друг. Знаю, что ты не любишь долго рассусоливать, поэтому перехожу к делу.

Видогост наверняка ввёл тебя в курс самым чётким и кратким образом. Это он умеет. От себя добавлю, что эта миссия для меня лично очень важна. Верховный Титул и сенат ждут результатов. Я чувствую, как усиливается влияние Нела – главный волхв и советник уже принимает решения

за многих сенаторов. Теперь метит заполучить Ларракию в свое владение, расшатывает подо мной стул.

Снорре, ты помнишь, как я отобрал тебя из сотни одаренных сорванцов в Игмешской школе чернокнижников и как помогал тебе добиться наставничества мудрого Даливана Кобургского, да будет мягок мох на камне с его именем? Надеюсь, отплатишь добром и примешь моё предложение. Не беспокойся, монетой не обижу – даю к тому, что озвучил Видогост, ещё пятьсот дукатов за голову проклятой ведьмы.

Буду считать, что ты согласен! Дальше читай внимательно: для этой миссии, я направлю тебе трёх воинов для охраны. Двоих я подозреваю в служении Культы, и поэтому позвал их. Подозрения не сильные, но! Памятуя о твоих способностях, я подумал, что ты смог бы незаметно «прослушать» их во время пути и по их реакции определить, насколько они лояльны или же вовлечены в Культ, если, конечно, мои опасения оправданы. К тому же, наверняка это помогло бы тебе вызнать побольше о самом Культе, если расколешь предателя. Хотя, возможно, это всё мои фантазии. Понимаю, что риск для тебя имеется, дорогой друг, но пойми – мне предельно важно проверить этих людей.

Яробуд Ретивый – бывший лесоруб с западных земель Драбанта. Лет пять назад переселился в Левэр, поступил на службу. Три года отслужил на южных границах, а значит, знает те места вдоль и поперёк. Но, во-первых, докладывали, что частенько он отлучался на день-два в тамошние леса да

болота. Куда – никто не знает. А во-вторых, много жаловались о его тёмных делишках в пограничном отряде – кажется, незаконно приторговывал чем-то магического свойства. Присмотрись к нему. Возможно, он наведет тебя на след, если удастся его спровоцировать. Не мне тебя учить. С другой стороны, если он не в Культе, то будет в помощь – парень не то чтобы храбрец, но с секирой управляться умеет.

Далее – Ратко Гой. Из моей личной охраны. Лучший мой боец, но сколько в нем отваги, столько и секретов. Так и не расколол, что за птица. Что было с ним до того как поступил мне на службу, я точно и не выведал. Знаю только, что он из северо-восточной части Драбанта – с прибрежных земель Изыхской Стыни. Там жизнь людей закаляет, поверь мне. Только слышал я, что он у эльфов на службе был – на восточных границах Айнах Ад’Дира, долго Линию Несвернувшейся Крови от орков защищал. Мне очень интересно, что ты про него скажешь, когда вернешься. Представляешь, он дерётся не моргая! Вокруг бой, кровь рекой, а он как заговорённый и ни разу не моргнет! И тоже, как Яробуд, уходит – пропадает, только не на дни, а на недели. Потом, говорят, отсыпается, похудевший, измотанный, у себя в халупе, в пригороде Ларракии. Я, конечно, прощаю. Мне такого второго воина не сыскать, но сейчас он нужнее тебе. Последи за ним. Я ощущаю в нём... что-то нечеловеческое.

В последний момент попросился идти с тобой рыцарь самого Верховного Титула – Драган Болеславович. Много о

нём не знаю. Это может быть как шпион Верховного, так и просто аристократишка, который захотел славу на язык попробовать, да перед девками потом хвостом крутить. Слышал, он парень молодой, честный, прямой, не идиот.

Последнее: отправляйся по южному тракту напрямик до Медовых Зориц. Мои гонцы говорят, что деревня наполовину опустела. Через неё из Савошских топей идёт сейчас больше всего умалишенных – одержимых, значит. Некоторые становятся чуть ли не людоедами от этого страшного недуга. В общем, большинство дикого люда прёт из тех мест на юге – юго-востоке нашего прекрасного королевства. Твоя задача – найти эту ведьму, что поселилась у болот к югу от Медовых Зориц и выведать у неё побольше о Культе и их планах, прежде чем выпустишь ей кишки.

Остановишься у мельника, на краю деревни. Зовут Гуно Манчак. Парни подъедут туда через два-три дня, как только я получу от тебя весточку о согласии. Сам выезжай на следующий день, как вышлешь мне письмо с ответом. С мельником я договорился и уже оплатил твой ночлег на неделю. И самое интересное. На мельнице, по слухам, обитает очень сильный дух – мельничный. Тебе будет интересно!

Бывай, Снорре! Удачи!

Торчин дэ Лилль

Градоначальник г. Ларракия »

Снорре сложил конверт и вытянул руку с бумагой за перила, огораживающие берег. Он попытался сконцентрироваться и попробовал поджечь письмо парой простеньких заклинаний, которые он так усердно заучивал в школе чернокнижников, но заклинания на огонь ему редко удавались. Бумага лишь почернела по краям, чуть-чуть обуглившись. «И почему мне даётся лучше баловство со льдом?! Чёртов огонь, видать, мне никогда не подчинить», – подумал он и легко перенаправил ману в стихию холода. Волхв быстро визуализировал тёмно-синие льды северных морей и тот холод, который таится в самых тёмных их глубинах.

Письмо мгновенно покрылось коркой инея, а потом и льда. Снорре раскрошил его в руке и бросил осколки в воду. «Видимо, сказывается зов предков, – хмыкнул он. – Недаром отец родился в холоде Бурых гор на землях гномов».

Он, конечно, уже давно решил принять предложение давнего друга Торчина. После того, как он перебрался в столицу, волхв только и занимался просьбами горожан об урожае, излечении от болезней, успехах на брачном ложе или о любовных приворотах. Ничем из этого он как не любил заниматься, так и не умел, разве что научился врачевать некоторые недуги. Основой его индивидуального обучения в Игмешской школе, в которой он провёл без малого шесть лет, были работа над обострением всех чувств, (и только с обострением зрения он не справился), психосенсорика и умение говорить с духами и существами тонкого мира, а

также работа над стихией холода и стужи. Именно эти качества, по мнению Совета Чернокнижников, были заложены в Снорре с рождения. И Снорре, действительно, был одним из немногих, кто мог бы, при некотором везении, приручить духа, а уж заморозить предмет за считанные секунды ему не составляло труда.

Итак, решено! Попрощавшись с кельнершей и оставив ей на чай полдуката, он легко зашагал в сторону дома готовиться к скорому отъезду.

Солнце стояло в зените, что для путника южного Левэра почти всегда было в тягость. Холмистые долины постепенно начали сменяться полями, засеянными пшеницей и кукурузой. Иногда навстречу шла повозка или небольшая группа рабочих. Они искоса посматривали на незнакомца в тёмно-синем лёгком льняном кафтане. И хотя путник приветливо улыбался, большинство крестьян, утомленные работой в жаркий полуденный день, в ответ только щурились от солнца и тихо между собой переговаривались.

Всадник не торопясь подъехал к женщинам и, чуть нагнувшись с коня, произнес: «Богатого урожая! Не подскажите путнику, где мне сыскать хозяина здешней мельницы – Гуно Манчака?»

Женщины, прикрывая глаза ладонью от ярких лучей, с интересом смотрели на путника. «Холеный. Явно из столи-

цы”, – думали они.

– И вам здравствуйте, господин. Водязый-то наш? Как не знать Гуно. Он на самой окраине Зориц живет в доме. К самой мельнице пристроен дом-то. Да там его и сыщите, господин, не потеряетесь. Отседова до конца поля доскачете, потом налево и по тропинке до забора красного. Оттуда уж и шум – водица шумит, услышать можно. Там мельница, значит, на берегу Бравки.

– Спасибо, барышни, – всадник тряхнул каштановой шевелюрой и так же не спеша поскакал в сторону, куда указывали работницы.

Спустя пятнадцать минут он и вправду услышал шум реки и работающей вдали водяной мельницы. Основное деревянное здание мельницы возвышалось в два этажа. К нему был пристроен небольшой бревенчатый жилой дом мельника с одной стороны и просторный крытый сарай на сваях, в котором размещались возы и лошади помольцев, с другой. Вокруг густо рос ивняк и ольха, бросая на часть постройки приятную тень.

Мельница стояла у самого порога реки. До порога Бравка текла размеренно, а после уже начинала петлять, завихряясь на поворотах и белея барашками на обтёсанных временем валунах.

Дверь открыли почти сразу.

– Доброго дня, хозяин! Меня зовут Снорре. Вам должно было прийти письмо от достопочтенного Торчина дэ Лилля

о моем прибытии и о приезде еще троих моих спутников.

Мельник улыбнулся и впустил внутрь.

– Здравствуйте, господин волхв. Конечно-конечно. Входите. Я уж всё подготовил. Вам постелил на втором этаже мельницы. Место тёплое, чистое, не беспокойтесь. Остальным в сарае на чердаке. Меня зовут Гуно Манчак.

Гуно оказался высоченным широкоплечим мужчиной лет пятидесяти. Гордой прямой осанкой, седыми коротко стриженными волосами и бородой он явно должен был выделяться из общей массы местных селян. Чуть горбатый нос и крупные, пропорциональные черты лица придавали ему вид близкий к старцам-друидам, о которых рассказывала Снорре в детстве его бабка. Но все же он не был щупловат и костляв как все уважающие себя старцы, а наоборот, видно было, что мельник силён и здоров. Широкие плечи его еле входили в дверной проём приземистой хаты.

– Вы наверно проголодались с дороги. А я вас ждал. Уже и рыбку пожарил с лепёшками. Там умывальник, а если в уборную, то из хаты и направо.

Снорре, действительно, слишком устал от многочасового пути и поэтому решил не тревожить Гуно долгими расспросами. Они спокойно перекусили почти в молчании. Видно было, что мельник немного смущается столичного гостя, да ещё и настоящего ученого волхва, к которым люди всегда относились с особым уважением, если вообще доводилось их видеть. Гуно с любопытством посматривал на улыбчиво-

го молодого человека и даже немного с недоверием подмечал его простые привычки собирать по тарелке коркой хлеба остатки рыбьего жира или чертыхаться, когда он чуть не подавился костью. «Эко, совсем как наш», – думал он.

Снорре объяснил хозяину, что ему придется остаться максимум на три ночи. Завтра или послезавтра должны подъехать его спутники, а на четвертую ночь он никого уже ждать не будет. Дело не терпело отлагательств. Торчин торопил.

Оставшиеся полдня Снорре гулял по деревне, стараясь подметить всё, что могло выбиться за рамки обыденной сельской жизни. Под вечер он вернулся ни с чем, но в хорошем настроении. Деревня жила своими заботами, и вид пасущихся коров, кудахтающих кур и бегающих за ними ребятишек был как-то по-особенному приятен. Тем не менее, часть домов пустовала, как будто их совсем недавно покинули. Особенно бросалось в глаза, как заросли травой и сорняками сады вокруг покинутых изб.

Постепенно вечерело. Снорре и Гуно уже немного освоились, попривыкли друг к другу и быстро перешли на ты. После ужина они взяли по дымящейся чашке с мятой и вышли из хаты. Дойдя до того места, где река с порога шумно обрывалась вниз метра на полтора, они присели на деревянный настил и свесили ноги над речным потоком.

– Так что с вашей деревней не так, Гуно? Не вижу особых бедствий.

– Да как тут увидишь? Жизнь-то продолжается. Не будешь же плакать по пропавшим-то днями напролёт... А призадуматься есть над чем.

– Над чем же?

– Ну как. Да, считай, пол деревни сгнули. Девки многие пропали. Мужики работающие были, а сейчас кто пропал, а кто и одичал совсем. Ведьмины всё происки, говорю тебе. Одни уже служат им, приносят щедрые жертвы, уходят в болота. Другие, кто победнее, «сокх» пьют. Слышал о таком, небось.

– Слышал. – помрачнел Снорре, – В Ларракии эта дрянь быстро распространяется.

По большому счёту именно сокх был главной причиной столь пристального внимания к ведьмам и Культу со стороны верхушки Республики. Это был напиток, похожий на малиновый морс с нотками тины и он был наркотиком. По слухам эссенция была получена несколько лет назад из уникальных водорослей, которые растут только на дне Великого озера Тáйдушо, что на южной окраине Савошских Топей. Люди, принимавшие его, обычно проходили три этапа: в первые месяцы регулярных приёмов сокха человек испытывал необыкновенное чувство единения с окружающим миром, обострялись все чувства, наступала эйфория по малейшему незначительному поводу, человек влюблялся в жизнь заново; затем, на втором этапе, наступала пора возмездия – человек впадал в апатичное состояние, многие уходили в полную де-

прессию и отрешение от мирской жизни, другие доходили до крайне агрессивных состояний. На третьей стадии у людей начинали появляться признаки необратимости процесса – тёмные с синеватым оттенком выделения. Люди начинали харкать ими, жижица могла течь из ушей или носа. С появлением этих признаков становилось ясно, что подсевшего на сокх уже не спасти. Вскоре человек пропадал. Он просто уходил и больше не возвращался домой. Многие видели, как вконец потерявшие человеческий облик несчастные бродили, бормоча что-то себе под нос, будто бы ведомые какой-то силой. Кто они? Из какого города или деревни? Понять по их виду уже было невозможно. А подойти и спросить – страшно. Но большинство пропадали полностью. Сокх появился на юге Республики около пяти лет назад и начал распространяться приверженцами Культа савошских ведм. Можно было догадаться, что зелье было одним из способов заработать большие деньги, но Снорре понимал, что за этим стоит что-то более значительное. Особенно непонятно было, куда деваются пропавшие, ведь трупов почти никогда не находят. Лишь немногие возвращались из лесов и болот – бесноватые, одержимые, голодные, вплоть до людоедства, но в большинстве случаев тяжело больных не находили нигде.

– А знаешь, как сокх действует на эльфов? – сощурился Гуно, надеясь хоть чем-то удивить Снорре.

Волхв отрицательно помотал головой.

– Моментально! – заключил мельник. – Они слишком,

как это, чувствительны что-ли. Короче, никакого иммунитета против этой заразы. Мы тут с Ливеллией не то чтобы бок о бок, но недалече – много слышим. Говорят, сокх и там по деревням ходит. Куда только смотрят их маги-теурги?

– Не знал. А на бородатых не испытывали? – усмехнулся Снорре.

– Гномам хоть бы хны. Они этот сокх ещё бараниной закусят да пивом зальют.

На глубине реки под ними блеснул пятнистый бок форели и снова пропал в водорослях.

Хозяин мельницы вздохнул и долгим взглядом смотрел на закатное солнце, розовым и алым играющее с волнами Бравки. Берега медленно темнели. Тени от деревьев становились всё длиннее, пока вконец не слились с наступающей темнотой.

– С женою мы давно разошлись... Ушла из деревни. К другому. Жили с дочей. Растил её. Учил её, как хозяйство вести. Умная девка была, за помолом следила: ведь много зёрен подашь на жернова – мука крупной выйдет, мало подашь – можно и «сжечь» – перемолоть то бишь. Потом и просевом занималась. Умелая...

Снорре молчал, давая договорить мельнику. Понятно было, что дочери рядом уже нет. Волхв понимал, что конец у этой истории печальный.

– Не стало её пару годков назад. Как Культ пришёл, так сразу многих мы потеряли...

Гуно замолчал и отвернулся, а Снорре не стал расспрашивать о подробностях.

В тот вечер Снорре видел, как хозяин поднимался на небольшой холмик на берегу реки, где стояла поминальная семёрка в честь Семиликих, какие ставили в память об ушедших в другой мир. На верхней жёрдочке семёрки покачивалась уже почти выцветшая тряпичная кукла и, как показалось Снорре издалека, колты – девичьи подвески округлой формы.

Стало уже совсем темно, когда Гуно вернулся и проводил гостя на второй этаж мельницы, где была разложена низенькая кровать, специально поставленная здесь для гостей – в основном тех, кто приезжал за мукой из других деревень.

Снорре немного почитал прихваченный с собой труд Дориана Норгвильского «Об искусстве слежки» и вскоре задремал под шум журчащей воды.

Он проснулся от того, что почувствовал несильный толчок в бок. Несильный, но как оказалось, достаточный, чтобы волхв чуть не свалился с края кровати. Он успел опереться рукой о пол. По скрипучим доскам еле слышно протопали шаги, и Снорре успел обернуться, чтобы увидеть, как контур белой высокой фигуры скрылся за мельничными жерновами. И хоть шум от реки и работающих жерновов был достаточно сильный, волхв успел обострить слух, чтобы различить, куда побежал ночной гость. Больше посторонних звуков не после-

довало. Он сел на кровати, свесив ноги. Наэлектризованные волосы на руках, лёгкие покалывания в кончиках пальцев и неожиданный холод в помещении дали Снорре повод призадуматься: «Так-так. Кто это тут балуется?» Оглядевшись, чародей увидел на краю кровати и на полу мучной порошок, а пройдясь немного по просторному второму этажу, он заметил и едва намеченные следы.

«Мельничный! – Снорре удивился не столько наличию духа, сколько его силе и своим ощущениям. – Так просто выйти из тонкого мира, толкнуть меня и быстро скрыться!? Хм. Должно быть старый, очень старый и мощный дух. Наконец-то повезло!».

Молодой чародей давно не встречал действительно сильных духов и, конечно, при первой же возможности хотел снова попытаться приручить его – сделать своим духом-оберегом или духом-покровителем. В голове у Снорре лихорадочно замелькали способы вызвать и привязать духа, которыми он пользовался раньше, но все они были никуда не годны: «Так, если не получалось с более слабыми, то уж с этим точно не пройдет. Думай, Снорре, думай!!!»

Он немного походил взад-вперед. Облокотился на подоконник открытого окна, выходящего на реку и другой берег, поросший ивами. Вдохнул свежий ночной воздух. Вдали ухнула неясность. «Ладно, завтра почитаю, что про это пишет Фоки Эдвинетт. Прямо, как чувствовал, что надо было захватить пару книг по теме, – заулыбался себе Снорре и,

натягивая одеяло под подбородок, снова растянулся на кровати. – Нет, ну, а быстрый же, засранец... Ммм, надо его подкормить, что ли...» Спустя пять минут он захрапел. В дальнем тёмном углу взвилась мучная крошка, и во тьме медленно открылись зелёные, немного печальные глаза. Волосинки на руках и голове у Снорре снова начали подниматься, но он крепко спал.

– Слушай, Гуно, мне вчера ночью твой дружок совсем не по-дружески откровенного пинка отвесил.

Умытый и довольно ухмыляющийся Снорре уплетал ещё шипящую от жара яичницу. Мельник вразвалочку сидел рядом и допивал из глиняной кружки молоко, только что принесённое соседкой.

– Это что за дружок? – не понял он.

– Да мельничный твой, неужто не догадался?

Гуно помолчал. Покачал головой.

– Не думал, что так скоро выйдет. Да и зачем ему? Послушай, этот дух с нашим родом уже третье столетие. Как мой прадед построил эту мельницу, так, говорят, он сразу тут и поселился. По всему южному Левэру такого не сыскать. Да и Левэра в те времена ещё не было, а дух мой был. Вот с тех пор он нам и помогает. За порядком на мельнице следит.

– А где больше появляется?

– В омуте под мельничным колесом живет. Да зачем тебе?

Ты его не трогай, и он тебя не тронет. С гонором он. Понимаешь? Я как пьяный по молоду возвращался-то на мельницу, так он мне каверзы ещё те устраивал. Ууууй... Молоть по ночам не давал. То будто жернова заклинит, то муку раскидает, бывало и гостей пужал до обморока. Но шас всё у нас по-доброму. Помощник он.

Снорре кивнул.

– Это хорошо. Я почувствовал очень мощную энергию. Мельничный должно быть действительно с годами набрался силы. Гуно, ты же знаешь, что волхвы могут приручать духов, близких к людям. Я хочу попробовать поговорить с ним. Не могу сказать, что у меня получится, но если выйдет, он может сильно помочь мне. Помочь в борьбе с Культom. От тебя не убудет.

– Не знаю. А как это будеть-то? Не уйдёт от меня мой мельничный?

– Нет. Если получится приручить, дух-хранитель будет приходить ко мне только на время, если я его вызову, – Снорре встретил недоверчивый взгляд мельника. – Ну не буду я его вызывать, чтобы за пивом в харчевню сбегать, Гуно. Таким не злоупотребляют. Духи как бы перемещаются к своему «побратиму» и помогают в трудную минуту. Понимаешь? Тот же принцип когда гномы вызывают чуров – своих предков. Но чур может прийти один раз, а духи приходят когда позовут...Ну, пока сами не передумают. Бывает несколько раз за жизнь, а бывает, обидятся и не приходят больше. Сам

знаешь, какие они «тонкие натуры».

– Хорошо, господин волхв, – мельник ударил ладонями по коленям и встал. – Коли мой мельничный признает тебя, примет за хорошего человека, да послужить будет готов, то-му и быть. Пусть он и решает.

Гуно встал и пошёл собираться на рынок. Был день, когда завозили с других деревень свежее мясо, которое жители Медовых Зориц часто выменивали на мёд и рыбу.

Снорре услышал, как уходя Гуно всё ещё бубнил себе под нос: «Надо ж чего удумали, приручать духов. Интересно, конечно...»

Весь день волхв готовился к тому, как бы выйти на контакт с духом. Он достал свежий хлеб и сало, молоко и пирожки, чтобы подкормить мельничного. А главное вычитал у известного в прошлом колдуна и заклинателя джинов Фоки Эдвинетта, что лучший способ – обвалиться с ног до головы в муке и из той же баклашки при удобном случае сыпануть мукой на духа. Так мельничный может принять человека за своего и не скроется сразу. После этого надо было, прочитав пару лёгких наговоров, постараться остановить духа, приблизиться к нему и быстро произнести короткое заклинание-просьбу быть помощником в беде, а самому взамен пообещать оказывать помощь всем мельничным хозяйствам, которые будут встречаться на пути.

«Хм, вроде всё просто», – думал Снорре. Решено было не

откладывая дело и этим же вечером осуществить задумку по всем канонам достопочтенного Фоки. Для начала Снорре набрал полное ведро муки и подвесил прямо над входом на второй этаж, где располагались жернова, отверстия для засыпки зерна и его кровать. Теперь, если кто-то вошел бы внутрь, то на него сразу бы упало ведро с мукой.

Был уже вечер. Снорре крикнул мельнику из окна пожелания доброго сна и показал рукой, что, мол, все он уже подготовил и беспокоиться не надо. Сам же вернулся на свою кровать, зажег лучину, надел очки и погрузился в чтение, время от времени прислушиваясь к звукам работающей мельницы. За окном поднимался ветерок. Волхв вспомнил, что слышал ближе к полудню как лес шумел без ветра – к дождю. «Ночка похоже выдастся прохладной», – подумал он и закутался в одеяло. Первый день у мельника пролетел быстро за разговорами с хозяином, рыбалкой на реке и приятными заботами вокруг небольшого хозяйства мельника, и Снорре было немного жаль, что уезжать придётся так скоро.

«Приступим», – Снорре обсыпал себя мукой, как рекомендовалось в книге, и начал ждать. Прошел час с небольшим, как он услышал шаги. Кто-то медленно поднимался по лестнице. Снорре крадучись подошёл к двери и притаился. Он обострил чувства и ощутил еле уловимое особое движение маны, которое заставило его призадуматься. Это была не совсем человеческая аура, но как будто бы и не аура, которую источает дух. Что-то было не совсем так, но Снорре

не знал, как на это среагировать. Дверь начала открываться, и ему оставалось только наблюдать и надеяться, что способ Фоки Эдвинетта сработает.

Стоя в засаде, волхв смог заметить только высокий тёмный силуэт входящего. Когда полное ведро муки со звоном шмякнулось о голову гостя, надежда волхва на удачу снова загорелась. Но где-то на середине между сразу последовавшим после удара комментарием «Твою ж мать!» и «Со всем ах...л, что-ли!», надежда начала угасать. Снорре уже совсем не хотелось хватать чертыхающегося и пытающего отряхнуться от муки гостя и тем более шептать ему на ухо мольбу быть помощником в беде, ну или предложить срочно отведать припасённой подкормки – молочка с ватрушкой.

Волхв осторожно зажег лучину, поднял руку и вгляделся в ночного гостя. Тот тоже, наконец, протёр глаза и устался на Снорре, обсыпанного мукой с ног до головы. Прошли секунды.

– Я – Ратко Гой... А ты должно быть долбанутый волхв. – выдавил гость и протянул руку для рукопожатия.

Снорре ничего не оставалось, как молча встретить протянутую пятерню.

Облачко муки взвилось от крепкого рукопожатия двух мужчин.

– Кто это у Вас так гогочет в избе? – любопытная Злата,

зашедшая, как обычно, с утра за мукой, покосилась в сторону дома.

– Это гости мои. С недельку назад гонцы самого городничего из столицы приезжали, просили разместить этих следопытов. Да и монетой не обидели... Ведуницу искать идут. Может и найдут, а, Злата?

Женщина попыталась скрыть пробуждающееся любопытство.

– А мне почём знать? Коли голова есть на плечах, так с помощью Семиликих и найти можно. Только я тебе вот что скажу, Гуно. Если даже её найдешь, то без колдовства-то не одолеть, иначе она морок наведёт, ооой-йooo! Костей не соберём потом по болотам.

– Да есть тут один... Хм-хм, – закашлялся Гуно. – Всё хочет моего мельничного приручить, да что-то, хм-хм, силёнок что-ли маловато.

Мельник помог взвалить мешок с мукой на повозку Златы и стукнул широкой ладонью по крупу лошади: «Но! Пошла!» Злата заулыбалась и помахала ему на прощанье рукой.

На Гуно давно поглядывали как на завидного жениха. Конечно, он был уже не молод, зато держал себя в потрясающей форме и вёл хозяйство стабильно – хлеб и рыба в доме всегда были. Однако, после того, как ушла жена и исчезла дочь, Гуно в деревню особо не заглядывал. Жил уединённо, хотя и не был угрюм или озлоблен на мир.

Мельник проводил повозку взглядом и вернулся в дом.

Там всё еще ржали Снорре и Ратко, вспоминая вчерашний случай. Ратко особо веселился.

– Не, Снорре, я говорю ему: «Мельник, ты мне скажи, где волхв разместился? Я хоть отчитаюсь, что прибыл». А он мне спросонья в сторону мельницы машет рукой-то «там, мол, иди».

Гуно, проходя мимо, проворчал в их сторону.

– Да мне рази упомнить было, что там господин Снорре задумал. Я уже третий сон видел, когда Вы пожаловали.

– Ладно, Гуно, не твоя вина, – Снорре поднес ко рту горячую чашку со сбитнем. – Мы всё уладили. Видать не судьба мне твоего мельничного заарканить.

Волхв вздохнул и добавил.

– И вообще мы же с тобой на «ты» перешли. Давай без «господина».

На этом они решили закрыть тему духов и, пока доедали завтрак, больше болтали о житейских пустяках. Осталось дождаться ещё двоих, и на это у охотников на ведьму была пара дней. На рассвете четвёртых суток путники решили, как бы не сложились обстоятельства, отправляться в путь. Вскоре к мельнику была доставлена депеша от Торчина. Он торопил экспедицию вперёд, отмечая, что в столице становится беспокойно. Нел с Верховным Титулом удалились из столицы в загородную резиденцию Верховного, и уже вот как неделю оттуда нет вестей. Сенат до резиденции не пускали. Это было не что иное, как очередной знак ослабления реаль-

ной власти сенаторов. В письме Торчин выражал беспокойство, что в стране грядут перемены в верхах власти и как предлог, чтобы сместить его с поста мэра, могут воспользоваться отсутствием результатов миссии.

Снорре решил расспросить Ратко о ситуации в столице, и тот подтвердил волнения в верхах власти и напряженность в городе. Сокх уже давно добрался туда и теперь разъедал низы общества, а городские дружинники, следящие за порядком, ничего не могли предпринять, потому что источник наркотика не был известен. Всё что знала разведка – это, что искать его надо на юге, в Савошских топях или на юго-востоке в лесах эльфийской Ливеллии.

На второй день, ближе к вечеру, прибыл Яробуд Ретивый. Голубоглазый, широкоплечий блондин. Он был примерно того же роста, что и Снорре – чуть выше среднего, но в ширину и по массе мускулатуры ему не было равных. Видимо, поэтому он приволок с собой лабрис – тяжеленный двусторонний боевой топор, которым богатырь орудовал как пушинкой. Весь вечер Снорре с удовольствием следил, как Яробуд и Ратко тренируются на лужайке у реки, недалеко от мельницы. Сам же он решил ограничиться получасом упражнений, безуспешно пытаясь всё это время отбиваться от лабриса Яробуда и двух кописов Ратко – изогнутых небольших мечей около семидесяти сантиметров длиной. Бой на мечях не был его коньком, и он это знал, но послушать советы настоящих рубак было действительно полезно. По тому, что

наблюдал Снорре, было видно, как невероятно быстр Ратко. Немного сутулый, с чёрными слипшимися волосами до плеч, Ратко удивительно ловко уворачивался от мощных рубящих ударов Ретивого. Блондин уже начинал злиться. Весь в поту, он всё больше и больше вкладывал силы в свои, уже перестающие быть такими уж «тренировочными», удары, но никак не мог настигнуть воина из Изыхской Стыни. Ратко, не смотря на свой высокий рост, – а был он почти на голову выше Снорре и Яробуда, – пружинистыми шагами, иногда даже перекатами через голову, уходил от свистящего лабриса и уже два раза плашмя легонько касался лезвием своих кописов сначала плеча, потом и шеи раскрасневшегося Яробуда. Да, как и рассказывал Торчин дэ Лилль, Гой бился, не моргая и даже не щуря глаза. Он как будто ни секунды не терял даром, рассчитывая каждое движение. Каждый взмах руки, поворот тела или неудобное положение ступней противника он видел и старался использовать для контратаки. Его стиль боя можно было бы назвать свехатакующим, если бы ни большое количество обманных движений и уходов в полузащиту, из которой он опять атаковал.

В конце концов, совсем обессилевший Яробуд плюхнулся на землю и вытер пот, обильно стекающий со лба.

– Хорошь, Ратко. Уфффф... Не помню, чтобы меня так кто-то уделывал.

Ратко Гой только усмехнулся, крутанул мечами в воздухе и молниеносным движением загнал их в ножны за плечами.

Шмыгнул своим большим, немного горбатым носом и завязал растрепавшиеся пакли в хвост синей лентой с орнаментом.

– Чернокнижник, а ты кроме меча, чем ещё в бою похвастать можешь? – спросил Яробуд.

– Хе, а мечом он может похвастать? – сделал изумлённую гримасу Гой. – А я думал, он им от комаров отмахивался.

Волхв решил пропустить очередной подкол Ратко.

– Видишь ли, – он отложил книгу и встал. – При желании могу поморозить.

– Попробуем? – Яробуд неожиданно встал и быстрым шагом пошёл на Снорре, раскачивая лабрисом. – Вот, к примеру, на тебя неожиданно нападают. У тебя несколько секунд!

Волхв хоть и не ожидал атаки, но ему было достаточно пары секунд, чтобы произнести в уме мантры для создания минимального эффекта заморозки. Впрочем, этого должно было быть достаточно, чтобы остудить пыл нападавшего. Снорре присел на колени и быстро выбросил руки ладонями вперед. В этот момент Яробуд Ретивый уже начал поднимать топор над своей головой. Конечно, он не собирался рубить. Здоровяк хотел только припугнуть, остановив секиру прямо у шеи волхва, но... Из рта вояки вместе с дыханием вдруг вырвался пар, как будто он только что вышел из хорошо протопленной избы на мороз... Лабрис задрожал в руках, так полностью и не поднявшись.

– Аааау! – закричал Яробуд, отступая на шаг назад и

быстрыми массирующими движениями потирая себе руки и грудь. Его кожа приобрела синий цвет, а местами и покрылась лёгким инеем, на ресницах начали таять льдинки. – Это что за херня!?

Снорре встал, отряхивая колени от земли. Он сам немного не ожидал такого эффекта. Так как бывший лесоруб напал внезапно, волхв просто не успел соразмерить силы. Даже очки, которые он не успел снять, теперь запотели с внутренней стороны.

– Ты же просил продемонстрировать. Вот научно выражаясь, трансформация маны – магической эссенции – в силу холода. Моя основная страсть, можно сказать, ну и способность.

Он потряс рукой, которой направлял заклинания.

Яробуд всё никак не мог согреться, прыгая с ноги на ногу.

– Д-д-д-д. А эт-т-о надолго?

– Не могу сказать, – почесал затылок Снорре. – Думаю пару часов.

Ретивый, стуча зубами и чертыхаясь, поплёлся греться в избу, благо дымок из трубы ясно говорил – Гуно что-то готовит на ужин, а значит, у печки тепло.

Волхв снова встряхнул руками, снимая небольшую онемелость. Сам принцип магии почти у всех колдунов заключался в том, что получая извне и преобразуя ману в ту или иную форму заклинания, человеку приходилось и «отдавать» или другими словам платить за магию. Например, при заклина-

нии заморозки средней силы у Снорре немела рука, направляющая чары. Ну а если заклинание было действительно мощное, могло занеметь и пол тела. Этот принцип баланса распространялся на всё вокруг, ведь за всё надо было платить: если ты накануне сильно пьянствовал местную медовуху под незамысловатым названием «Зорицы», то к утру у тебя обязательно будет трещать по швам голова, если ты не жалея сил скосил весь луг, то к вечеру будет ломить спина. Ну, а ежели сильно баловался магией, будь добр, жди самых разнообразных эффектов. Всё зависело от обстоятельств и силы чародея.

На третий день Снорре и Ратко снова прошлись по деревне, опрашивая местных старожилов о случаях бешенства или пропажи людей, но никто ничего нового так им и не рассказал. Да, люди пропадают чаще. Да, некоторых сводит с ума сокх. Но ни ведьмы, ни её приспешников никто толком не видел. Вечерело. Несмотря на начало лета, после захода солнца было прохладно. В основном из-за северо-восточного ветра. Ветер шевелил кронами кипарисов и диких черешен. Вдали на тёмно-синем небе, почти не двигаясь, парил коршун, как будто он заснул на высоте или кто-то остановил время. Снорре снова невольно подумалось о том, что он мог бы, наверное, остаться здесь надолго... Когда-нибудь после. После того, о чём он сам ещё не ведал.

Той ночью он заснул почти сразу. Ему ничего не снилось, но было непривычно холодно. Не прошло и часа, как он проснулся и поёжился под тонким пледом. «А ещё силами стужи владеешь», – подумал он, недовольный холодом. Он приподнялся на локте, поискал глазами, чем бы ещё накрыться, и тут же замер – на углу его кровати тихо сидел высокий и худой старик с седой бородой и длинными белыми волосами, почти скрывающими тускло светящиеся зеленые глаза. Голова была чуть опущена в задумчивости, будто он ждал чего-то и задремал. Всё его тело, голова, одежда, как и та половина кровати, на которой он сидел, были обсыпаны мукой. В руке он держал длинный посох с железным набалдашником в виде клюва ворона. Не поворачивая головы, старик заговорил.

– Волхв, – голос был сух, короток, пуст. Из рта выбилось облачко муки. – Ты искал... Тебе нужен дух-хранитель.

Снорре сел на кровати. Он медленно соображал, был ли это вопрос или утверждение. Маг чувствовал силу духа и ещё он чувствовал, что мана, исходящая от духа, была “доброй”. От мельничного не исходила агрессия или зло. Снорре попытался сообразить, что ответить, но дух продолжил.

– Твое дело... Важен путь твой, – только сейчас дух повернул голову, и глаза их встретились. – Но я не буду служить тебе, если хозяину мельницы ты услугу не окажешь. Услугу для хозяина... Для Гуно.

– Какую... какую услугу? – тихо, осторожно подал голос

Снорре.

– Ты узнаешь. Но ты не должен слышать сейчас. Хозяин гниёт изнутри тоской, – мельничный медленно встал. Сейчас его глаза не отрывались от волхва. – Помоги ему. И я послужу тебе... Собери муки в бутылку, чтобы носить с собой плоть мою. Плоть оживет, как только ты рассыплешь щепотку из бутылки. Если кончится мука, заезжай сюда и наполняй снова. Но прежде – сделай дело своё! Как только поможешь Гуно, узнай у него имя моё.

В долю секунды – сразу после того, как старик договорил «моё» – его не стало. Только лишь мука на секунду зависла в воздухе в форме фигуры высокого старика с посохом и тут же осыпалась вниз на пол.

Снорре сразу почувствовал, как воздух снова стал теплеть. Он прилёг и еще долго думал, чем же таким он может помочь мельнику, но в голову ничего путного не приходило. «Ладно, чего гадать. Завтра спрошу напрямую, хоть он этой темы и не любит», – подумал волхв и перевернулся на бок. После ветреного дня ночь оказалось на удивление тихой. На утро решили отправятся в путь, уже не дожидаясь Драгана Болеславовича – третьего из охраны, обещанного Торчином дэ Лиллем. Надо было спешить.

Как только рассвело, они шумно засобирались. Хозяин тоже уже был на ногах и готовил им в дорогу немного мяса, сыра и хлеба с зеленью. Они быстро перекусили и вышли из до-

ма, держа лошадей под уздцы. Гуно пошел их немного проводить и на ходу давал наставления, как быстрее пройти к болотам. У околицы деревни все четверо остановились: прощаться. В сторонке стояли несколько зевак, которые пришли поглазеть, как бойцы отправляются в странствие. Не каждый день в Медовых Зорицах видишь настоящего волхва и искусных воинов. Конечно, хождения Снорре по деревне да его расспросы не остались незамечены. Любопытные соседи тут же под предлогом закупки муки заглядывали к Гуно в гости и начинали выпрашивать, что за люд диковинный к нему пожаловал. Мельник не стал ничего скрывать. Вот и пошёл по деревне слух быстрее пожара во время засухи. Через пару дней и стар и млад знал, что путники идут избавить народ от того зла, что приходит с болот.

Пришедшие провожать были немного возбуждены и тихо между собой перешептывались. Несколько женщин передали в путь липового мёда и пирожков.

– Уж вы возвращайтесь целёхоньки, солдатики. Не сгиньте в болотах-то, – говорили одни.

– Да вы хлавное в глаза, в глаза ейные не смотрите. Ооой, заколдует, касатики, – качали головой другие.

Волхв тронул Ратко за плечо.

– Вы идите пока, я сейчас догоню. Мне с Гуно кое о чём поговорить надо.

– Ясно, – Ратко, почесал в бороде, одернул свой неизменный чёрный плащ, обрезанный у колен, и накинул капюшон

на голову.

Снорре же отвел в сторонку мельника.

– Гуно, я знаю, эта тема тебе не по душе, но ко мне вчера приходил твой мельничный. Он согласен стать моим духом-покровителем, если я сослужу тебе службу, – Снорре наблюдал за реакцией Гуно. Это было важно для него настолько, что он даже подключил свои способности и начал вслушиваться с биение сердца мельника. – Чем я могу тебе помочь, Гуно? Мельничный мне не сказал ничего конкретного.

Сердце мельника встрепенулось на пару биений громче обычного и потом снова застучало ровно, без колебаний. Гуно Манчак был спокоен.

– Не могу сказать, господин волхв. Жизнь моя вот уже пару лет течет ровно. Желаний особых нет. Никуда не бегу, да и не отстаю от остальных-то. Своё дело мельничное знаю, – он поднял немного грустные глаза на Снорре. – Ты вот что... отомсти за нас ей...

– Гуно.

– Иди. Пусть за тобой присмотрят Семиликие.

– До свидания, Гуно, – проговорил Снорре и взобрался на коня.

Он понимал, что мельник говорит правду и сам не знает, что имел в виду дух: «Ладно, надеюсь, дело действительно в мести. Свернем шею старухе и увидим. Как же не просто с этими мельничными». Снорре прищпорил коня и поскакал догонять Ратко с Яробудом.

После вспаханных полей пошли рощи редко стоящих раскидистых вширь дубов, увешанных гирляндами лишайника, называемого в пяти королевствах «левэрский мох». Дубы были старые и вместе с покачивающимися на ветру прядями мха напоминали древних старцев. Влажность в этих местах особенно летом была высокая. Через десять минут Снорре пришлось снять накидку с плечей и остаться в одной льняной рубахе. Он уже догонял товарищей, пустивших лошадей неспешным шагом, когда услышал отдалённый топот копыт. Кто-то приближался. Он обострил слух. «Всадник. Один. Спешит. Минут через пять-семь должен поравняться с нами», – подумал волхв и потянул вправо поводья, разворачивая коня.

– Стооой, – крикнул волхв Ратко и Яробуду, шедшим чуть впереди. – У нас гости. Вернее, гость. Будет через минуту. Явно за нами. Постоим – подождём.

Остальные были не против. Они подъехали к Снорре и усиленно вглядывались в дорогу, петлявшую между разросшимися дубами и кедрами.

– О, я сейчас тоже слышу, – пробормотал Яробуд. – Несётся прямо, ты смотри.

Всадник низко припал к белому скакуну, красиво идущему галопом по едва намеченной дороге. Он ловко обходил или перепрыгивал встречающиеся на пути поваленные ветви деревьев. Всадник был в лёгких доспехах. Даже издали поблескивали его нагрудные пластины, посаженные на чёрный

кожаный панцирь. Увидев, что путники его ждут, он сбавил бег и уже лёгкой рысцой приблизился к выехавшему вперед Снорре.

– Доброго дня! – приветствовал всадник, распрямляя плечи и откидывая назад плащ. На правом металлическом наплечнике, как и полагается всем знатным рыцарям, был выбит родовой герб – горноста́й держит в лапах пойманную птицу. На груди герб Республики Левэр. Судя по лицу ему не было ещё и тридцати. По серым глазам с прищуром и широким скулам можно было назвать лицо волевым. Таким лицом должен обладать человек решительный, знающий себе цену.

– И Вам того же, достопочтенный! – Снорре ограничился приветствием и дал незнакомцу самому озвучить цель приезда, хотя волхв уже догадывался, кто это мог быть.

– Я – Драган Болеславович. Второй сын рыцаря Болеслава Экко – командующего западной армией. Смею предложить Вам свою помощь в поимке ведуницы из Савошских болот. Торчин должен был предупредить.

– Предупреждал. Только мы ждали Вас, как и было условлено, – три дня.

– Знаю и прошу извинить. – Драган подъехал поближе к волхву. – Были неотложные дела в столице. Сейчас там чёрт знает что творится.

Они неспешно тронулись в путь. Снорре представился и представил остальных путников.

– Что сейчас в столице? – повернулся к Драгану Яробуд.

– Я давно не видел отца, чтобы рассказать более точные сведения, так скажем, из первых уст. Из того, что слышал и видел, могу сказать, что на востоке стоят наши лучшие войска. Основная армия мобилизована. На верхах поговаривают, что Верховный меньше месяца назад принял гонца из эльфийского Айнах Ад’Дира. Горные эльфы явно пришли не с хорошими новостями, потому что после их аудиенции началась мобилизация. Сейчас же Верховный с Нелом заперлись в своей норке «Лунный Серп» – любимой резиденции нашего владыки. Хм... Никогда меня туда не приглашали... Говорят, Верховный ценит приватность своей семьи и мало с кем заводит близкие контакты. Ну, а сенат, как обычно, в стороне. Они уже вряд ли что-то решают. Мне кажется, они там теперь только и делают, что философствуют, да выдвигают дурацкие инициативы, типа отправлять пойманных контрабандистов на реабилитацию в лагеря или запретить ввоз целебных рогов, срезанных с бесов из Эльневара, потому что они, якобы, подрывают торговлю местных знахарей.

– Торчин мне писал, что Вы хорошо знаете Верховного Титула. – Снорре попробовал попросупывать рыцаря, посмотреть, не лукавит ли он. Лёгкие сбои в движениях сердца, ускорение ритма – всё может дать намек на эмоциональное состояние человека. Волхву было нужно лишь послушать сердцебиенье Драгана, чтобы уловить правду он говорит или врёт, и Снорре был в этом хорош. Но на этот раз сердце рыцаря не изменило скорость бега.

– Должно быть, господин дэ Лилль допустил небольшие домыслы и рано пришел к выводам. Да, я знаю Верховного, но не часто его вижу. Раз в полгода на военных маневрах, когда он проводит смотр войск. Мой отец, напротив, по долгу службы общается с ним лично довольно часто.

– Понятно...И всё же почему Вы решили пойти с нами? Экспедиция не то чтобы лёгкая и безопасная.

– Вы знаете, – задумался Драган. – дух приключений, наверно. И, конечно, хочется попробовать себя в настоящей схватке. В наше мирное время... Да что говорить, воевали мы в последний раз лет двести назад – скучно, знаете ли. Я уверен, что и это стояние на восточных границах – всего лишь недоразумение. Ну не орки же перешли Долину вепря, обрушили все замки Айнах Ад’Дира и ломаются к нам.

– Это вряд ли, – крикнул сзади Яробуд. – Если бы эльфы пали, это бы точно не на раз-два случилось. Тут бы война такая разошлася. Уууу! Мы бы уж давно на передовой куковали.

– Есть ли слухи из союзных королевств? – продолжал интересоваться Снорре.

– Из других краёв знаю только, что на севере продолжается сильный голод. Говорят этой зимой на западе Бурых гор несколько деревень полувывмерло, другие переселились поближе к столичному Фъяндхайму, который получал провизию из Драбанта. Гномам совсем туго пришлось.

Так за неспешными разговорами всадники прошли доб-

рую половину дня. Снорре кратко ещё раз рассказал их план двигаться на юг по указанному мельником пути вплоть до заброшенной деревни. Там они должны были отклониться немного на восток и еще через полтора дня пути уже высматривать обитель ведьмы. Волхв заверил товарищей, что через обострение чувств он должен засесть источник тёмной маны. Обычно ведьмы оставляют за несколько вёрст предупреждающие знаки. Найти их будет не так сложно.

Сам же Снорре надеялся на немного другой сценарий.

Из рассказов местных жителей, которых они успели опросить за три дня, у него, конечно, было примерное представление о том, в каком месте может находиться жилище ведьмы. Основное направление – на юг. Там, где кончаются дубы с кедрами и начинаются кипарисы причудливых форм. Там, где простираются болота, по ночам можно слышать, как поют девы-трясавицы, а тяжелый мрак озаряется мерцанием зеленых светлячков, будто кто-то рассыпал волшебные изумрудные бусы, камешки которых все еще плавают в воздухе, так и не найдя место, где бы упасть. Там начинается царство той самой ведунницы, которая, как утверждают местные, крадёт людей и напускает морок.

Однако больше он надеялся на то, что кто-то из его свиты всё же окажется замешанным в тёмных делах Культа. Наверняка, если кто и был приверженцем культа, то его задачей является отвести охотников за ведьмой как можно дальше от места её обитания. Он должен либо настаивать на другом

пути, либо, если это не удастся, просто выдать себя, проявив сильное волнение при приближении к жилищу ведьмы. Он должен нервничать, планировать, чувствовать опасность или приближение битвы. Что угодно. А Снорре уловит всплеск адреналина. Услышит через обострение чувств учащённое сердцебиение или почует усиливающийся запах пота и страха. «Надо только уловить момент, – думал волхв. – На развилке дорог, на перепутье. Задать им правильный вопрос – качнуть весы выбора в ту или иную сторону и почувствовать реакцию каждого на этот выбор».

Все трое были пока не совсем понятны. Драгана он уже поверхностно проверил – он не врал про Верховного. Храбрый малый. Оказался серьёзным, вдумчивым собеседником. Похоже, он достиг почти всего, что хотел. Отличная карьера. Понятное дело, не хватало приключений. Ратко был немногословен. В основном только с ним. Был часто мрачен, но иногда любил и сальную шутку выдать или подколоть. Матерился от души. Снорре не почувствовал в нем и тени тревоги или других эмоциональных колебаний. Яробуд наоборот, говорил много. Но видно было, что он чего-то опасается. Если сказать просто – скорее всего, он боялся встречи с неизвестной лесной ворожеей. Этот страх был понятен. С другой стороны, был ли это страх ведьмы или страх чего-то другого? Почему другие не выказывали тревоги?

«Ладно. Рано еще задавать вопросы. Поглядим. Послушаем», – решил про себя Снорре, оглядывая окрестности.

К вечеру добрались до покинутой эльфийской деревни. Гуно говорил, она была разрушена во времена Великой Войны, то есть ещё до создания Союза Пяти Королевств. В разгар войны люди сожгли её почти всю. Эльфы бросились на восток, в те земли, которые потом стали называться Ливеллией. Здешние места уже тогда, триста лет назад, были заболочены, поэтому даже после заключения пакта о ненападении и Вечного Союза королевств никто не стремился туда возвращаться. Да и возвращаться было не к чему. Чёрные бока сараев с торчащими к небу балками были похожи на обуглившиеся скелеты. Повалившиеся заборы. Заросшие папоротником и хвощом огороды.

К вечеру завели свои разговоры лягушки, передразнивая друг друга. Настоящие топи ещё не появились, но Снорре уже ощущал их запах. Километров через двадцать-тридцать они начнутся.

Расположились под сенью широкого дуба. Запалили костёр и приготовили ужин. После небольшого перекуса, особо не задерживаясь за разговорами, завернулись в свои спальные мешки и заснули.

– Комары задрали ночью, – ворчал Ратко, накидывая капюшон.

– Болота же. Куда без комаров? – ухмыльнулся Снорре. – Больше отвлекает писк, чем всё остальное. Я просто умень-

шаю восприимчивость к звуку.

Путники только закончили умывание и завтрак. Не торопясь собирались в путь. Солнце уже всюду нагрело влажный воздух, пробиваясь сквозь листву кипарисов.

– А как же бдительность? Если леший решит тебя по приказу старой карги на маленьких волхвят порвать? – повел бровью Ратко.

– Очень смешно, Ратко, – скривился чародей, – Во-первых, лешие – дикие создания. Они не подчиняются никакой силе, даже если это был бы морок сильной ведуницы. Во-вторых, на что мне другие чувства?! Я оставляю осязание обостренным. Почувствую дрожь земли, если кто крупный приблизится.

– Эко, какой чувствительный... Надеюсь, я не помешал тебе, когда поссал воон в те кусты ночью, – заржал Ратко Гой и подстегнул кобылу.

Тронулись.

– Господин волхв, мне кажется, если позволите, этот Гой ведет себя чересчур нагло, – сказал немного погодя подъехавший к Снорре Драган. Если хотите, я поговорю с ним.

– Не надо, Драган, думаю, это будет бесполезно. Его отравление хамством давно не лечится. Похоже годы на Линии Несвернувшейся Крови не прошли бесследно.

– Хорошо. Но хочу Вас предупредить, – Драган понизил голос и чуть наклонился в сторону Снорре. – Ночью я видел,

как он просто сидит у дерева и смотрит куда-то в небо. Мне показалось, его потрясывало... ну, как больного.

– Ясно, что потом?

– Потом он лёг... Я тоже заснул.

Снорре задумался.

– Спасибо, Драган. Я послежу. Если заметите что-то ещё, скажите, – доверительно кивнул ему волхв.

Природа вокруг начала меняться. Могучие кедры и дубы мельчали и постепенно начали уступать место кипарисам, опутанным лианами и левэрским мхом, который, как и прежде, свисал до земли длинными, лёгкими, почти прозрачными косами. Ехали теперь медленно. Копыта лошадей погружались всё глубже в мягкую, влажную почву и уже с усилием и чавканьем выдёргивались из земли. След на секунду оставался сухим, а потом наполнялся тёмно-зелёной жижей...

Вот кончились и дубы, остались лишь древние тысячетлетние кипарисы, привставшие на корнях прямо над водой. За сотни лет им пришлось приспособливаться к условиям здешней природы. Корневая система менялась. Толстые корни расходились над водой в разные стороны и только потом в метре от поверхности воды собирались в ствол, таким образом, являясь опорой дерева. Деревья чем-то были похожи на огромных пауков, приподнявших на своих могучих лапах, чтобы не замочить брюхо. Мох ещё более густыми паклями

неизменно колыхался на ветвях. Лучи солнца, пробиваясь сквозь него, заливали тусклым зеленоватым светом внутренний мир болота, по которому, озираясь, нетвёрдо ступали нежданные гости.

Савошские топи! Это имя с детства помнит весь Речной Народ – все, кто проживал в Республике Левэр и в королевстве Драбант. Ведьмами с Савошских топей издревле пугали малышей во всех землях от Бурых гор на севере до южных окраин Ливеллии. Топи занимали немало территории и простирались на триста вёрст от границы Левэра до верхнего берега Великого озера Тайдуюшо.

Во многих местах земли Савош были полностью затоплены. Через них можно было проплыть только на лодке, и путники это знали. Они умело обходили зеленовато-синеватые воды, из глубин которых время от времени поднимались газы. То тут, то там булькнет коротко и глухо и тут же замолкнет. В остальном воды были неподвижны. Мертвы. И от этого становилось еще жутче. Невольно путник начинал прислушиваться к звукам топей, слышать то, что можно было объяснить – крикнет вдали цапля или завоет выпь – и то, что объяснить нельзя.

В самых непроходимых местах приходилось прорубать буреломы топориками. Сухие ветки как обломленные ребра давно почивших чудных животных торчали из застывшей глади. Из-за недостатка света трава в здешних местах почти не росла, уступая место мягким как перина мхам. Порой ка-

залось, что единственные обитатели здесь – змеи, аллигаторы и комары.

– Да чтоб тебя! – Яробуд шлёпнул очередного комара на мокрой от пота шее, – Сучьи дети! С горного тролля выма- хали, ей богу!

Они спешили и вели коней под уздцы. Стало вечереть. Зардевшее солнце скатывалось по вершинам кипарисов к горизонту и окрашивало багрянцем болотные воды. Ратко остановился.

– Слышите? – он поднял руку вверх.

На минуту все встали, и звуки чавкающих сапог, копыт, позвякивающей сбруи и переваливающейся на спинах лошадей поклажи прекратились. Лишь пару раз всхрапнул конь Драгана.

Сначала они ничего не услышали.

Подождали.

И вот чётко раздался звук топора. Раз. Два. Три. Пауза. Потом снова.

– Пойдём, – решил Снорре. – Это, должно быть, какой-то отшельник. Нам надо где-то заночевать. Сегодня мы точно не доберемся до неё.

– А когда доберемся? – спросил Яробуд.

– По моим расчётам завтра к вечеру.

– А может это старуха дрова заготовливает? – не удержался Ратко.

– Пойдем.

Двинулись восточнее, в сторону звука. Вскоре заметили темнеющую среди стволов хижину. Потом еще одну. Из трубы третьей хижины вился слабый дымок. Заборов почти не было. Лишь несколько участков грубо сколоченных друг с другом досок, вбитых в землю, намечали небольшую территорию поселения. Видно было, что деревянные срубы поставлены не так давно, не особо искусно и не слишком крепко. Мельком путники насчитали более десятка домов, из которых несколько уже покосились из-за подмывающей их воды. Местами топи подступали почти вплотную к стенам.

Снорре краем глаза заметил, как Ратко шевелит губами, считая жителей и обводя взглядом границы поселения. Рука Драгана медленно опустилась на серебряную резную рукоять меча.

– Спокойно. Мы только поздороваемся, – произнёс волхв.

Приближение людей на лошадях сильно озадачило поселенцев. Высокая блондинка в тёмно-сиреновой простой рубахе, увидев их, вскрикнула от неожиданности и побежала в дальнюю хижину, которая казалась чуть больше остальных. Мужик с топором, который до этого был занят заготовкой дров, выпрямился и уставился на непрошенных гостей напряжённым взглядом. Ещё пара девушек, занятых небольшим и скудным огородом, тоже разогнули спины, но никуда не побежали. Видимо, посчитали, что блондинка позовёт кого надо. Однако в воздухе чувствовалось напряжение, как

будто жители были смущены, что их застали на этих болотах.

– Мы только хотим поговорить... Со старостой общины. Кто у вас главный? – крикнул Снорре, медленно приближаясь к ближайшему дому и застывшему возле него хозяину.

Волхв хотел продолжить, но увидел, как из дома, в который вбежала блондинка, спешно вышел громила. За ним вышли ещё двое мужчин. Троица напрямик направилась к вновь прибывшим. Шли спокойно, но быстро. Оружие было только у одного, да и то не боевое – лишь небольшой топорик, заткнутый за пояс. Блондинка семенила сзади и любопытно поглядывала на троих путников из-за спины здоровяка.

Мужчины подошли на безопасное расстояние. Все были в засаленных тёмных рубахах и длинных портках, подпоясанных верёвками.

– Куда путь держите? – подал голос тот, который, похоже, был местным главой – двухметровый бугай с длиннющими руками-лопатами и тёмными, длинными, растрёпанными волосами. Голос был грубый, чуть взволнованный. Взгляд его немного выпученных карих глазниц напряженно вглядывался в Снорре, который вышел чуть вперёд, давая понять, что он будет вести диалог.

– Доброго вечера! Мы не хотели тревожить. Направляемся в Дебитмэль с поручением от правительства Левэра.

– В Дебитмэль из Республики есть более короткие пути.

– Аха, и более безопасные, – поддакнул лысый коренастый

мужик справа от здоровяка и обнажил в ухмылке рот, в котором явно не хватало нескольких зубов.

– Мы впервые в этих местах. Хотели немного отклониться и на полчаса зайти в топи, полюбоваться известными болотами Савоша, – ведь про них ходит столько легенд, – но заплутали и не смогли найти путь назад. Слава Семиликим, на вас набрели, – вполне уверенно произнес волхв, включая свои актёрские навыки.

– Ха, это было глупо вообще входить в топи, если ты не знаешь, что от них ждать, – оскалился двухметровый. – Я Сожин, это – Кнут и Креслав.

Он показал на лысого и на другого – щуплого человека в кожаной шапке, прикрывающей уши.

– Вас трое?

– Да, – ответил Снорре, – Господин Сожин, если у Вас найдётся место для ночлега, и если Вы покажете завтра утром, как выйти из этих мест, мы будем очень благодарны. Я понимаю, что это наша ошибка... Дураки... Решили, будет что рассказать детям, когда вернемся, а тут вот как обернулось...

Мужики переглянулись, и, недолго думая, Сожин махнул им следовать за собой.

– Пойдем. Есть ещё не обжитой дом.

Они прошли пару перекошенных изб и через несколько минут добрались до тёмного сруба, в котором, в отличие от других, не теплился свет в окне. Пока они шли, Снорре и путники заметили, как их процессию провожают удивлён-

ные взгляды женщин, занятых во дворах стиркой.

– На баб не смотрите, они давно никого с большой земли не видели, – проворчал Сожин и открыл незапертую дверь.

Яробуд проводил их глазами и, как только все скрылись за дверьми избы, снова опустил заросли кустарника. Он присел на землю в своём укрытии в нескольких десятках метров от поселения и, как ему наказал Снорре, начал ждать. Мысль у волхва была простая. В этих местах, очень близких к жилищу ведьмы, могли селиться только безумцы. Это могли быть либо изгнанные за какие-то повинности люди или...

«Приверженцы Культа, – сказал Снорре. – теоретически они могут здесь быть. Охранять. Или просто жить. Я не знаю, но мы не можем рисковать всей миссией. Надо перестраховаться. Для одного из вас будет задание».

Путники посоветовались и решили, что Яробуд останется последить за деревней издалека. Этот «козырь» должен быть разыгран в качестве подстраховки, если жители деревни будут действовать недружелюбно.

Для понимания, где лучше устроиться на ночлег, чтобы обзор за домами был максимальным, Яробуд обошёл скопление хижин вокруг, аккуратно пробираясь через буреломы. Ему хватило тридцати минут, чтобы найти небольшой пригорок с хорошим видом на избу, куда повели его соратников. Он прилёг и начал ждать, короткими взмахами руки отго-

няя комаров: «Чёртовы тварюги, не видать мне покоя сегодня ночью. И надо было забраться в такую глушь?! Главное, чтобы никакая гадюка в штаны не заползла».

Тем временем всех троих разместили по комнатам. Ратко отвели место на тесном чердаке. Драган и Снорре оставили вещи в двух основных комнатах.

– Через часок заходите в баню, а опосля в трапезную. Я пришлю Златку за вами. – сказал перед уходом Сожин, почёсывая давно не мытую шевелюру спутанных волос, и добавил. – Гостей у нас не бывает обычно, так что не обессудьте, если что не так.

Здоровяк вдруг закашлялся и сплюнул в окно. Потом развернулся и ушел.

Через час зашла Златка – та самая высокая блондинка со светлыми узковатыми глазами, которые казались немного затуманенными. Путники заметили, как она была красива, хоть и не опрятна: волосы шёлковыми прядями спадали чуть ниже плеч, широкий таз, тонкая талия и полные груди. Было удивительно, как такая красавица решила переселиться в эту дыру. Все трое переглянулись и, кажется, прочитали мысли друг друга. Она же тихо поздоровалась и попросила следовать за ней.

Когда их компания подошла к бане, дверь вдруг открылась, и из неё в клубках пара спешно вышел, по-видимому, последний посетитель. Среднего роста молодой человек, не поздоровавшись, повернулся к ним спиной и, придерживая

рукой полотенце, засеменял к своей хате. На его мокрой спине красовалась умело выбитая татуировка. И хотя было уже темно, при свете факелов Снорре всё же смог различить основной мотив. Наколка начиналась между лопаток, доходя до шеи, и представляла собой необычную картину. Это был карлик-горбун, из ног которого тянулись в землю корни, а из горба росла ввысь сосна. На вершине сосны сидел ворон.

В бане они были одни. Путники старались не затягивать купание, желая побыстрее растянуться на своих кроватях и заснуть. Да и нехорошо было париться после полуночи. Люди верили, что в это время к духу этого места – баннику – приходит разная нечисть, которую он моет и парит. Если же оказаться именно в этот момент в бане, то дух может перепутать и запарить человека на смерть.

Пока Ратко Гой окатывал Драгана из кадушки горячей водой, Снорре уже обтирался полотенцем.

– Видели выбитого на спине карлика? – заговорил волхв.

– Конечно, Снорре, не слепые. Ну ка, Драган, хорош мылить причендалы, дай-ка холодненькой на меня, – прикрикнул Ратко.

– Я думаю, знаю что это.

– Ну.

– Там, в Медовых Зорицах один старик мне рассказывал, что видел такие же у людей, прибывавших из-за леса. Тех помешанных. А ещё, если верить энциклопедии чёрной магии Хорга дер Бура, в каждом из этих символов по отдель-

ности есть смысл.

– Выкладывай, какой там смысл, если у тебя из горба ёлка пойдёт, – оскалился Гой, обтирая волосатую мускулистую грудь.

Драган хрюкнул от смеха, но через секунду сдержался.

– Карлик по местным поверьям приносит удачу, богатство и власть, – продолжил Снорре. – Держать карлика во дворце у богатых семей юга Левэра и Ливеллии считается нормальным. Он и помочь в домашних делах может, и выступает в роли шута, но, главное, – он живой символ благополучия. Отсюда смысл – привлечение успеха и власти. Скорее всего, это главные цели Культа. Либо тот фасад, те козыри, которыми они завлекают простых людей на свою сторону. Но это не всё. В то же время оккультисты проповедуют возвращение к жизни в гармонии с природой. Отсюда на татуировке ель. А над всем этим...

– Ворон.

– Да. Если начать с начала, то карлик – это богатство – то, что ведьмы обещают дать людям и эльфам. Но вы обратили внимание на корни, растущие из ног? Карлик не свободен. Корни не дают ему сдвинуться. Корни – путы, удерживающие всех подвластных Культу под контролем ведуньи или того, кто возглавляет Культ. Ель олицетворяет единение с природой. И ворон – символ ведьм и ведовства. Получается ворон – властитель нового мира – над елью, ель – над людьми.

– Значит, – заключил Драган, – эти люди... Последователи. Значит Культ здесь.

Ратко молчал.

– Похоже, да, – сказал Снорре уже на пороге, – но они приняли нас и думаю, что поверили. Они не собираются нас убивать. Если всё пойдёт спокойно, нам не нужно лезть на рожон сейчас.

– Их немало, – тихо согласился Ратко, – а наша задача – убить ведьму.

Драган кивнул. Они накинули полотенца и пошли одеваться в свой сруб. Скоро их ждали в трапезной, откуда уже доносился грубый мужицкий смех и весёлые визги девушек.

На пути к трапезной, представляющей собой хижину более длинную, чем обычные срубы, им встретились две девушки. Они полупьяные, хихикая, пробрели мимо мужчин, украдкой на них поглядывая. И снова путники заметили, какие красивые в этой деревне женщины. Все они были необычайно хорошо сложены и явно были моложе большинства из их мужей. Но, как и у Златы, взгляды девушек были немного с поволокой, как будто мыслями они были далеко.

Когда путники вошли в зал, они увидели, что девушек в общей едальне, а значит скорее всего и во всей деревне, было почти в два раза больше, чем мужчин. Большинство из них разносили еду и прибирали со столов. Но были и те, кто сидел рядом или на коленях у мужиков и просто пили и ве-

селились вместе с ними. Удивительно, но при такой скудности местных почв и фауны, столы не выглядели бедно. Тут были и зажаренные цапли, и рыба, и даже немного мяса аллигатора. Вечер как обычно для этих краёв выдался влажным и душным. Местные были одеты в основном лишь в лёгкие майки или рубашки. Девушки носили свободные неплотные блузы, порой расстёгнутые по пояс. Порой бесстыдно просвечивающиеся и подчёркивающие все женские прелести. Дети, подростки или старики в трапезной отсутствовали, как не было их и на улице, что показалось странным для Снорре и компании.

Все трое сели в углу зала и обменялись парой фраз с соседями со скамьи напротив, на которой сидел лысый Кнут. Ждать долго не пришлось. Через две минуты они заметили, как к ним подходит милая девушка с кувшином козьего молока. Она посмотрела на них и с лёгкой улыбкой спросила, что желают.

– Вам цапли подать или рыбки?

Её чуть припухлые губы снова тронула улыбка. Она повернулась к Снорре, и в бирюзовых глазах её проскользнул отблеск свечи. Широкие скулы придавали лицу немного строгости и чёткости. Длинные темные волосы, когда она наклонилась налить молока, ещё больше очертили приятный овал лица.

Рядом, ухмыляясь, кашлянул Ратко, и Снорре встрепенулся.

– Мне, мне. Эээ. Рыбу, пожалуйста.

Она чуть задержала взгляд на Снорее, выкладывая ему на тарелку рыбу со сковороды, затем повернулась к уже потиравшим руки Ратко и Драгану. Запах свежего обжаренного с луком окуня приятно отзывался урчанием в животе у проголодавшихся путников.

– Понравилась? – не удержался Гой, искоса наблюдая как Снорре провожает взглядом девушку.

– Хм, – почти не смутился волхв. Снял очки и положил рядом на стол. – Да тут я посмотрю, девиц вообще хватает. И почти все как на подбор хороши. Не понимаю, что они тут нашли.

– Согласен, господин волхв, – кивнул Драган и потянулся за солью. – Странно это как-то.

В трапезной их почти не замечали. И всё-таки все трое чувствовали некоторую напряженность в редких взглядах мужиков, ужинающих за другими столами. Явно гости были им не по душе. Не сговариваясь, Снорре и его компаньоны быстро прикончили поданный ужин и не стали дожидаться добавки. Они встали, попрощались с ближайшими соседями по столу и поблагодарили молодую кельнершу. Девушка проводила их до двери и тихим голосом попрощалась.

Выйдя на прохладу ночи, компания направилась к своему дому. «И все-таки гиблые здесь места», – подумал Снорре. Вокруг было слышно, как пищали тучи комаров. К ним замешивалось беспрестанное кваканье лягушек, звучащее, ка-

залось, со всех сторон. Только в паре окон горели свечи. Так как домов было немного, они довольно быстро сориентировались в какой стороне их ночлег. Сытые и довольные, переговариваясь шепотом, они подошли к срубам. У двери дома, к их удивлению, ждал Сожин.

– Всё понравилось? – глухо спросил он. – Мы – если надо, люди гостеприимные.

– Мы заметили. Спасибо! – ответил Драган, вглядываясь в тёмную фигуру. – Еда была превосходная. И должен вам сказать, если позволите, у вас очень красивые женщины. Теперь знаю в каких местах невесту искать!

Молодой рыцарь улыбнулся, стараясь, чтобы его фраза не прозвучала двусмысленно.

– Хм, – Сожин на секунду призадумался, – у нас свои правила, други. Берём от природы всё, что даёт... и баб тоже. Тут у мужика их может быть и две и три, если захочет или если прокормит. У нас всё, что мужику надо, есть. Надоть только взамен кое-что дать нашим покровителям... Видишь, мы не молимся Семиликим, – он обвёл взглядом остальных. – У нас свой покровитель. Если хотите ...

– Спасибо, милсдарь Сожин, но мы очень устали, – решил оборвать его Снорре, чтобы поскорее закончить неудобный разговор. – Завтра рано утром мы выезжаем. Еще раз спасибо за добрый прием.

Сожин помялся с ноги на ногу.

– Ну, если что надо, говорите. Коли потолковать всё же

захотите, то стучитесь в мою хату. Нам люди нужны, – он снова испытующе посмотрел на каждого, – Ежели понравилось тута, то всё у вас будет: и хата, и жратва от пуза...Лады... А ежели бабу на ночь надо, Креслав приведет.

Сожин уже было хотел уйти.

– Я не откажусь, – вдруг быстро согласился Драган, – не костлявую, только.

Ратко Гой сначала глянул на Снорре, но тот молчал. Потом почесал в затылке. Потом тоже кивнул. Сожин посмотрел на волхва.

– Спасибо, господин Сожин, но мне надо выспаться, – ответил Снорре.

– Добро. Бывайте, гонцы. Прошу о нашем поселении не говорить в столицах. Не хотим беспокойства мы. Хату утром не запирайте. Коли в сортир пойдёте ночью, вона палка в ведре, постучите спервой по сортиру-то, чтобы змей, если заползли, попужать. А опосля ссыте сколько надо. Удачи!

Он развернулся и растворился в поднимающемся ночном тумане.

– Ладно, – чуть погодя уже в доме сказал Снорре, – завтра в пять встаём. Думаю, ночью нечего бояться. Похоже, они нам поверили. Да и им самим неприятности не нужны. Видят, что мы не простые крестьяне из деревни. Если с нами что-то случится, они понимают, что нас хватятся и будут искать.

– Интересно, как наш Яробуд, – задумался Драган. – Если

они поклоняются Культу, то могут знать ведунницу. Могли отправить кого-то её предупредить на всякий случай.

– Завтра узнаем. Ежели кто вышел, его должен был остановить наш белокурый здоровяк, – ухмыльнулся Ратко. – Я его лабрис в деле видел, он справится... А вот дверь не закрывайте, к нам ещё девы зайдут.

Они разошлись по своим комнатам. Драган – в гостевой угол, Ратко – на чердак, а Снорре остался в гостиной, где ему был положен старый матрац, набитый соломой.

Через десять минут чародей уже начал проваливаться в сон, когда услышал, как легонько скрипнула дверь, и кто-то явно босиком тихо вошел в дом. Снорре привстал, всматриваясь в мерцание свечей в руках у вошедших. Он уже было потянулся за мечом, как увидел, что это были две девицы. Одна – высокая брюнетка, была абсолютно голой. Другая – рыжая с довольно внушительной задницей и грудью, была завернута в полотенце. В свете свечей было видно, что девушки только что вышли из бани – на их спинах все еще не обсохли бусинки воды. Они тихо перешептывались, озираясь по сторонам и привыкая к темному помещению. Потом рыжая приоткрыла дверь в гостевой угол и наклонилась посмотреть, протиснувшись головой в проём между дверью и стеной. Снорре заметил, что под полотенцем девица тоже была не обременена нижним бельём. Из комнаты незамедлительно донесся голос Драгана: «Заходи, курочка, не стесняйся». Вторая встретилась глазами со Снорре и он молча

показал ей пальцем на лестницу, ведущую на чердак, где её ожидал Ратко.

Снорре снова попытался заснуть, но, как и следовало ожидать: и с чердака и из соседней комнаты к нему начали проникать звуки любовных утех. Особо усердствовали наверху, так, что ножки кровати начали ритмично поскрёбывать пол прямо над ложем волхва. «Мда, подумать над завтрашним планом действий придётся завтра», – решил он и с помощью нехитрого заклинания притупил себе слух на пару часов. Снорре недолго терзался, согласиться или нет с предложением Сожина. Оно было привлекательным. Чертовски привлекательным! Ведь девушки в деревне были все более чем аппетитные. Многие в трапезной вообще весь вечер стреляли на них глазками украдкой, что заводило ещё больше, но... Игмешская школа проповедовала высокую мораль и нравственность. Только волхв чистый от «похотливых помыслов» и имеющий «умеренный любовный рацион», как гласил Кодекс школы, может усилить свои магические способности и, например, приручить домашнего духа. А это было сейчас важнее. «Ради сиюминутного удовольствия нельзя рисковать тем, к чему я шел все эти годы. Мельничный должен быть моим. Чёрт!» – думал, засыпая, Снорре. Он вспомнил милую девушку, которая им подавала ужин: её широкие бёдра на тонкой талии, покачивающиеся справа налево, пока она шла к ним и обратно. Постепенно её образ начал растворяться, теряясь во сне. Её запах... Кажется запах специй и кост-

ра...или дымок от обжаренного мяса... Как она посмотрела...

Встал он не сам. Сквозь сон почувствовал, как за плечо его легонько кто-то тормошит. Он открыл глаза и увидел улыбающегося Болеславовича. Тот уже успел побрить свой широкий аристократичный подбородок и от этого казался ещё более молодым. Но даже без щетины Драган выглядел более местным, чем все остальные путники. «Наверно из-за темноватого цвета кожи и серых глаз, которыми наделены почти все жители южного Левэра», – подумалось Снорре.

– Господин волхв, нам пора, если мы хотим сегодня до заката успеть в гости к ведунье... Похоже, вы любите поспать, – дружелюбно произнес рыцарь.

– Собираюсь, Драган, собираюсь...

Вскоре они забрали лошадей и быстро зашагали по направлению на восток. Деревня ещё спала. Как только она скрылась из вида, их окликнул Яробуд Ретивый, и все трое двинулись ему навстречу.

– Ну?

– Что было, Яробуд?

Бывший лесоруб повёл плечами. Он выглядел подавленным и не выспавшимся. Покрасневшие веки и мешки под глазами. Приглядевшись, волхв и Ратко заметили кровь на одной штанине и на сапоге. Топор был чист. Почти чист. Все-

таки с рукояти лабриса было тяжело смыть кровь, впитавшуюся в дерево.

– Он выбежал сразу, как только вы вошли в баню, – тихо начал Яробуд. – Быстрый, зараза. Так и попёр трусцой по пригоркам на восток. Он был один. Хорошо я оказался не так далеко.

Он замолчал.

– Дальше, Яробуд, – не выдержал Ратко.

– А. Да. Я понял, что не догоню... Он знал местность и сразу рванул. Но... Я знал его имя. Дунвир. Слышал, пока сидел в засаде, – он сглотнул. – Деревушка здесь маленькая, вот мне и повезло увидеть, как этот волосатый громила, который вас поначалу встретил, что-то обсуждает с мужиком. Я подкрался. Слышу: даёт ему указания, мол «беги к ней, просто предупреди, что могут быть гости, но могут и не быть». Ну не всю фразу уловил, по чести-то сказать. Отдельные слова. Но я во едино-то всё уложил в головушке. Они его послали на случай, если вы охотники за ведьмами, но этот здоровяк, главарь видать местный, был почти уверен, что нет.

– Как ты его догнал?

– Я не догнал, – сглотнул блондин. – Пробежал за ним чуток, чтобы не слышал крики никто, и уже в спину окликнул потом по имени.

– Лёгкая добыча, – сплюнул Ратко. Там, где он жил в свои ранние годы – Изыхская Стынь – там перед боем был обычай высказывать в лицо все обиды и начинать бой только тогда,

когда противник возьмёт в руки свой меч. Эти традиции были похожи на законы северных гномов. Ратко знал, что было дальше в истории Яробуда.

– Я ему крикнул подойти. Он мне: «Житомир, ты что ли?» Я «Угу» говорю. Ну, он подходит. Во тьме то хер поймешь. Рубанул его поперёк шеи. Голова вместе с плечом – в сторону. Не успел понять, наверно, ничего... Зря я думал, что громко будет кричать...

Он замолк. Снорре увидел, как Яробуд был явно не рад такой лёгкой победе. «Видимо, пока он служил на границе, ему не приходилось много убивать, – подумал Снорре. – Да и вообще, кажется, привычный к убийствам здесь только Ратко».

– Хорошо, Яробуд, – волхв положил ему руку на плечо, – это был лучший для нас исход. Быстро и четко. А теперь надо спешить.

– Погоди спешить, – проговорил Ратко. – Куда труп дел?

– Не беспокойся, спихнул в болото, в ближайшую трясину. Он и ушёл под воду к кикиморам, как и не бывало человека... Жуткие места, – будто размышляя сам с собой, пробурчал Яробуд.

Всё утро они шли молча. Каждый думал о чём-то своём. Было видно нарастающее напряжение. К вечеру по их расчетам они должны были набрести на обиталище ведьмы. А что будет дальше... Догадывался только волхв, но он прибегнул инструкции на последний момент. Снорре шёл третьим.

Чуть за ним погружённый в себя, опустив взгляд на землю, шагал на своем вороном коне Яробуд. Вереди них, еле слышно переговариваясь, ехали Драган и Ратко. Солнце уже стояло в зените. Так, почти без осложнений, если не считать моментов, когда чей-нибудь конь попадал копытом в глубокие ямы, затянутые зелёной жижей, прошёл день. Обедать они не стали. Перекусили только уже зачерствевшими пирогами с рыбой. Волхв предупредил, что первая реакция на сильную магию, даже не напрямую направленную на человека, – это тошнота.

– Вряд ли мы застанем её врасплох, – размышлял вслух молодой чародей, – поэтому...

Он улыбнулся:

– Вы точно сегодня искушаете добрую порцию тёмной магии... или ворожбы по-вашему.

– Если её найдем, – буркнул сзади Яробуд.

– Верно, если найдём.

По прогнозам Снорре, скоро должны были начинаться владения ведунницы, и ему уже казалось, что он ощущает некое колебание в воздухе. Некие «аномалии». Его спутники тоже ощущали изменения среды. Чаще стали оборачиваться на звуки, доносящиеся из чащи болот. В некоторых местах дорога стала совсем непроходимой для коней, и им пришлось оставить их на широкой поляне, привязав к деревьям.

– Будем оставлять отметки на стволах, чтобы найти путь обратно, – предложил Драган, и все согласились.

Они прошли ещё около километра, как Яробуд встал как вкопанный. Снорре почти натолкнулся на него, но не это заставило волхва удивиться. Нет.

Снорре давно уже шёл, размышляя, есть ли среди них предатель – тот, кто следует Культу и теперь, в самый последний момент, мог бы открыться и предпринять активные действия. Дело близилось к завершению, и ему надо быть начеку. Волхв обострял чувства и прислушивался к ощущениям остальных путников, попутно уйдя в себя и размышляя над тем, что происходило за эти три дня. «Судя по их реакциям, никто не повёл себя необычно. Не волновался при выборе направления пути к жилищу ведьмы или не пытался ночью прокрасться к жителям той деревни и сдать всех нас, – думал Снорре. – Яробуд убил того горе-посланца, я в этом уверен. Ему не было резона убивать гонца, если бы он хотел, чтобы мы не добрались до ведьмы. Да, было рискованно оставить его сторожить, но... Риск оправдал себя. Теперь можно быть уверенным – Яробуд не предатель... Ратко... Чёрт бы его побрал. Не пойму. От него идёт какая-то сила. И он почти всегда закрыт, непробиваем. Совсем нервов у него нет что-ли? А Драган? Молод. Кажется, честен. Хороший малый. Немного зелен и, конечно, не привык к таким походным условиям, но отлично держится... Да и внутри с реакциями нормально. Почти не волнуется. Надо ...»

– Яробуд, что за...?

Именно теперь Снорре наступил сапогом на пятку Яробуда и с ходу навалился на его широкую спину. Ритм, с которым заколотилось сердце Яробуда, заставил волхва направить взгляд туда же, куда смотрел блондин.

Все встали, всматриваясь вперёд...

К этому их никто не мог подготовить.

Снорре, оставаясь в состоянии близкому к шоку, всё же отметил, что даже сердце Ратко несколько раз стукнуло с необычной для него силой и скоростью.

Впереди, всё ещё частично заслонённая от них мхом и ключими ветками могучего кипариса, возвышалась фигура. Фигура человека находилась в полуметре НАД жижей болота, в полумраке ветвей, но она не левитировала. Тело покоилось на выросшем стволе дерева. У основания земли ствол раздваивался. Пара толстых ветвей входила прямо в стопы человека и пропадала в них. Дерево ВРОСЛО в тело! Где-то там, в глубине живота и грудной клетки жило, ветвилось и потом выбивалось голыми, острыми ветвями из поверхности кожи. Дальше ветки, как ни в чем не бывало, тянулись к солнцу, разветвлялись вновь и прорастали зелёными, радостными листиками. Рост ветвей и их искривления формировали положение тела человека, приподнятого над землёй, как будто распятого природой. Ветви выбивались из боков, рук, шеи. Одно плечо было приподнято, и из него торчал уже бурый толстый отросток основной ветки. Из головы, все ещё покрытой волосами, торчали тонкие веточки с почка-

ми. Из скулы чуть ниже глаза пробивался зелёный отросток. Рот несчастного был полуоткрыт. Можно было бы сказать, что он был открыт в беззвучном крике, но это был не крик, а уже просто безмолвный вечный стон. Но самое страшное. Самым страшным были эти живые, налитые кровью глаза. Они смотрели!!! Перебегали с одного на другого – со Снорре на Яробуда, с Ратко на перекошенное от отвращения лицо Драгана. Из одного глаза потекла кровавая слеза. Снорре слышал тихое и ритмичное биение сердца страдальца. И пальцы! Левая рука была неестественно вывернута и указывала пальцем по направлению на юго-восток. При этом из каждого пальца вырастали по несколько мельчайших, нежных веточек. Будто он показывал путь!

– Что за чертовщина? – сказал тихо Ратко, подходя ближе. Снорре услышал трение клинка о ножны.

– Надо его прикончить. Он ведь живой, – произнес Драган, подходя к человеку-дереву и обнажая клинок.

– Нет, Драган, – Снорре остановил его движением руки, – Мы... Мы не можем сейчас что-либо менять. Всё это. Всё, что вокруг, уже её владения. Я это чувствую. Если что-то изменится, ведьма это почувствует как изменение в некоем её поле, где распространяются Её чары. Она поймёт, что пришли гости. Нам нельзя себя выдать. Мы близко. Оставим его. Двинемся туда, куда он показывает. Возможно, это знак для адептов Культа. И одновременно предупреждение тем, кто забрёл сюда случайно. Вряд ли заблудившийся крестьянин

пошел бы по указанию этого... существа.

– Ты уверен, что нам именно туда? – прищурился Драган.

– Нет... Но других дорог все равно не видно, а тут, смотри, тропинка, вроде бы.

От распластанного на ветвях тела действительно шла еле заметная тропа, петляя между тёмно-зелеными лужами, прячась в кустах папоротника и снова появляясь вдали.

– Как разберёмся с ней, вернёмся тем же путём и закончим его муки, – сказал Снорре, посмотрев на остальных.

Тело чуть дёрнулось. В открытом рту зашевелился сухой язык, похожий на обтрёпанную мочалку, но никакого звука, кроме сиплого стога, не последовало.

Они двинулись дальше в темнеющее чрево болот. Мхи беззвучно колыхались лоскутной пеленой, ласкаемые тёплым вечерним ветерком. В воздухе и вправду висело то, что Речной Народ называл «червоточина миров» – некое полумарево, возникающее то тут, то там. Оно говорило о присутствии сил, необъяснимых, неподвластных простым людям. Сил тёмных...

– Как же он ещё жив? – спросил Яробуд, догоняя Снорре и перешагивая поваленное трухлявое дерево.

– Думаю, его питают соки самого дерева. Ну и магия, конечно. Не уверен, какого типа, но ясно это связано с Культom. А сейчас постойте немного.

Снорре предчувствовал близость встречи с ведунницей. Он остановился дать последние инструкции своим соратникам.

– Это важно, ребята.

Сосредоточенные глаза остальных впились в него. Все были напряжены и возбуждены от ужасающего вида мученика. Всем хотелось побыстрее закончить это ожидание встречи чего-то ужасного, как иногда хочется, наконец, встретиться лицом к лицу со своими страхами, чтобы перебороть их.

– Самое важное. Итак... Ведьма попытается вас убить... НО – не сразу. Сначала ей надо будет ослабить жертву. Ослабить – значит вывести вас из равновесия, напугать так, чтобы вы перестали себя контролировать. Именно тогда, на пике страха, вы уязвимы для её чар. Именно тогда ведьма будет атаковать. Но сперва я вам вот что скажу. Есть у всех ведуниц важная особенность. Они не нападают первыми, ЕСЛИ к ним по своей воле пришли в дом гости. Это – кодекс чести. Мы окажемся на пороге, и она ДОЛЖНА нас принять. Конечно, она всё поймёт. Поймёт сразу, зачем мы здесь и почему, но не нападёт, если мы застанем её дома врасплох. Поэтому первая задача – тихо пробраться в дом. Поняли?

Все замотали головами, а Яробуд возбуждённо забормotal:

– Какого рожна ты нам раньше это не говорил. Мы...

– Тихо! Далее. Она нас примет. Начнет заговаривать, морочить по-всякому. Выводить из себя. Подозреваю, будет пугать всякими трюками. Это они могут. Помните – её главная задача, расшатать нашу психику – довести нас до такого состояния, чтобы мы потеряли контроль и в панике напали на

неё первыми. И тогда у неё будет повод уже напасть на нас, не нарушая Кодекс Ведьм. Не провоцируйте её. И держите себя в руках. Всё что она будет вытворять, это не взавраду. Это не должно быть опасно...хм... поначалу во всяком случае.

– Какой у Вас план, господин волхв? – спросил Драган Болеславович.

Снорре призадумался.

– В общем, план прост. Мы входим. Далее начинаем играть в её игру. Стараемся задавать ей правильные вопросы. Если начнется диалог, она не сможет просто молчать. Нам надо узнать как можно больше про Культ, прежде чем мы её убьем. Вы молчите. Я заговорю с ней сам. Главное – без паники и резких движений, которые могут вывести ведьму из себя или дать повод превратить кого-то из нас в лягушку.

Снорре замолчал. Он хотел улыбнуться, но понял, что шутка была, мягко сказать, несвоевременной. Взгляды товарищей были серьезными, и никто даже и не подумал, что в лягушек уже давно никто никого не превращает, что есть более изощрённые способы напустить морок.

– Хорошо. Дальше, – решил продолжить Снорре. – После всех наших вопросов, как только мы поймем, что узнали достаточно, или что старуха совсем несговорчива, я начну начитывать про себя заклинания – свои «мантры» для произведения максимального удара заморозки. Чем дольше я буду оставаться незамеченным в этом, тем сильнее будет эффект, но, я думаю, ведьма довольно быстро почувствует нараста-

ющую силу маны, исходящую от меня, и будет атаковать. В общем, моя задача атаковать первым. Я брошу заклинание заморозки. Как только она остолбенеет, ты – Драган руби её мечом. Секи голову долой и всё. Остальные страхуют.

Снорре замолчал. Вдали ухнул филин.

– Всё понятно?

Драган первый утвердительно закивал:

– Да, господин волхв, разберемся на месте. В целом, понятно.

– Ты уверен во всём этом? – спросил Яробуд, – Или выйдет как с мельничным?

– С мельничным? А откуда ты зна...

Снорре моментально глянул на Ратко. Тот же спокойно ехал в стороне, будто разглядывая что-то вдали. Нахмуренный, делал серьёзный вид, словно вовсе и не слышал разговор. Однако спустя несколько секунд пристального взгляда Снорре он не выдержал и загоготал. Следом и Драган с Яробудом прыснули со смеху.

А Снорре только и оставалось что укоризненно качать головой.

– Извини, волхв, но уж очень ржачная история вышла. Не мог удержаться, – сказал Ратко Гой и снова упрятал голову в тёмный капюшон так, что были видны только торчащие из-под него спутанные волосы.

Напряжённая обстановка немного разрядилась.

– Скажи честно, Снор? – спросил Ратко по-свойски. – Ты

бывал в серьезных передрягах? Приходилось убивать?

Волхв кивнул.

– Два раза... На Ужорском тракте. Защищали обоз от разбойников недалеко от Игмешской школы... Догадались тоже, ограбить кучку чернокнижников с последнего курса...

Снорре добавил:

– Обычно для магии, связанной со льдом, требуется вытягивать из окружающей атмосферы много влаги для формирования снега или льда. Понимаете? В пустыне я был бы крайне слаб. Даже когда мы тренировались в Медовых Зорицах, я был слабее, но здесь, на болотах, влаги в воздухе более чем достаточно. Я уверен, что смогу быстро и мощно колдовать.

Ратко одобряюще кивнул и больше вопросов не задавал.

Зашагали дальше. Вскоре температура воздуха заметно понизилась. Они уже не ощущали удушливой дневной жары, запертой под тёмными кронами кипарисов и сдобренной болотными зловонными испарениями. На смену жаре под вечер пришла освежающая прохлада, чего не было в предыдущие дни. Но складывалось ощущение, что сама прохлада была противоестественной. Как перед сильной грозой чувствовалось высокое содержание озона в воздухе.

– Можно воды? Что-то горло дерёт, – сказал Драган, подъезжая к Снорре.

Неожиданно у всех началась жажда.

Клубы тумана раскатывались на горизонте, окутывая

вросшие в воду корни древних исполинов. Драган глотнул, и взгляд его неожиданно остановился на трёх неясных фигурах. Его лицо окаменело.

Невдалеке от них стояли, почти касаясь плечами, три полупрозрачные, одетые в лохмотья девы с искажёнными, морщинистыми лицами. Их силуэты колебались во мгле леса.

– Трясавицы! Тихо! – скомандовал Снорре. – Не оборачивайтесь резко. Спокойно, Яробуд, убери к чёрту свой лабрис. Не делайте и шагу к ним.

Они встали. Трясавицы тоже не приближались. Растрёпанные пакли белых волос колыхались на лёгком ветерке под стать свисающим с ветвей обрывкам мха. Светлячки их глаз безжизненно подрагивали. И вот... Одна из них вдруг покачнулась. Вторая тоже дёрнула ногой и задрожала. Воздух вокруг лихоманок завибрировал, и путники увидели, как одна из них сделала шаг вперёд.

– Согреееееййй, – послышалось со стороны трёх дев.

...И они пошли... Медленно. Дёргаясь, как будто от холода. Горбясь и снова распрямляясь. Их головы мотались – чуть вправо, чуть назад, чуть влево.

– Снорре, – Яробуд потной ладонью затряс волхва за плечо. – Останови их. Ч-ч-что им нужно?

– Тихо!!! Пойдем вперёд. Не бегом! Не бегом! Это ведьмины ловушки. Они, должно быть, охраняют её территорию. Трясавицы не должны напасть просто так. Обычно они нападают на пьяных или, например, тех, кто рубит лес. Но эти...

Я пока не пойму... – зашептал волхв.

Путники засуетились. Двинулись вперёд. Лихоманки медленно ковыляли следом, протягивая к ним руки и прося остановиться и обогреть. Пройдя несколько шагов, Яробуд обернулся и увидел, как девы были уже в метрах двадцати. Он в ужасе разглядел их измождённые, как в лихорадке лица. У одной из уголка рта сочилась вода и свисала прядь тины. Они шли плотно друг к другу, будто срослись. А может быть они и были сросшимися?

Яробуд Ретивый вынул свой топор и обтёр запотевшие руки о штаны. Побежал. Но как только он ускорился, все три лихоманки завыли и тоже удивительно быстро заковыляли к путникам, сокращая расстояние. Вот они споткнулись о бугор и упали. Это позволило компании чуть оторваться. Теперь уже обернулся Снорре. Он увидел: правее от него бежит Яробуд, а трясавицы сзади быстро поднимаются..., но не на ноги. Чтобы не терять время они уже опирались на свои костлявые руки, испещрённые синими прожилками вен, и бежали на четвереньках. Преследуемые слышали, как девы захлюпали пятернями по лужам болота.

– Не бежать!!! Так они быстро до нас доберутся. Яробуд, спокойно! – заорал Снорре. – Чем быстрее мы идём, тем больше они чувствуют наш страх и сами ускоряются. Не смотри на них! Дай, я пойду сзади тебя.

– Смотрите под ноги! – кричал Драган, шедший впереди. – Если будет топь, я скажу. Вперёд!

Лихоманки срослись в непонятное существо, напоминающее паука. Было слышно, как они пыхтят, стараясь настигнуть людей. Но как только преследуемые ими путники снизили бег, лихоманки тоже притихли. Встали на ноги. Снова разошлись на три трясущиеся от холода девицы. Медленно зашагали следом.

– Согреееей наааассс. Согрееееййййте!

Они были очень близко. Пять-шесть метров и трясавицы могут дотянуться до затылка волхва. Чернокнижник лихорадочно соображал, чем можно на них воздействовать, ведь заморозить духов вряд ли удастся, как вдруг впереди за стволами деревьев появился просвет.

Алый луч уже садящегося солнца блеснул в расщелинах стволов. Потом снова. И вот они выскочили на поляну. Поляна была погружена в полумрак – частично освещена бардовым светом, который расплавлялся как масло в лужицах болота. Путники повернулись.

Никого.

Только туман стелился порванными облачками по лесу, выкатывался на поляну и ласкал лужицы.

Остановились, переводя дыхание и стараясь успокоиться.

– Вот мы и на месте, – тихо сказал Снорре и указал на виднеющуюся вдали избушку – грубо сколоченный, деревянный дом с покосившейся крышей и почерневшими досками. Рядом с ним небольшая, низкая оградка. Поодаль – строение, похожее на амбар. Еле слышное кудахтанье кур.

– Она не знает, что мы здесь. Это хорошо, что нас не тронули лихоманки и что мы не тронули их. Она бы почувствовала. А теперь осторожно. Не кричать, без лишней болтовни. Всё строго по плану. Пошли, – прошептал Снорре собравшимся вокруг него воинам.

Он чувствовал сердцебиение каждого из них. «Так что же теперь?! Есть среди них тот, кто мог бы быть последователем Культа? – быстро соображал волхв. – Это точно не Яробуд. Здоровяк зарубил гонца из поселения в лесу, а сейчас он явно близок к панике. Лишь бы продержался». Снорре чувствовал учащенный пульс Яробуда и то, как сильно он потеет. Волхв снова и снова прокручивал варианты: «Что с Ратко и Драганом? Гой явно что-то скрывает и ... Что-то в нём есть странное. Что же это? Драган старался помочь и следил за ним все эти дни. Но так ничего и не выведал. При этом в последние дни они держались часто вместе. Почему?» Снорре глянул, как оба воина идут бок о бок и тихо о чём-то беседуют, и старался вспомнить: «Кажется, именно Ратко больше проявлял инициативу. Подходил к Драгану, спрашивал о жизни, как он это называл, «высшего общества». Может, просто хочет найти себе покровителя и перейти на новую службу? Хотя он не похож на жополиза. Что ещё?» Их ритмы сердец были почти схожими. У изыхского воина, правда, он был почти всегда нечеловечески медленным и мощным – будто сердце было больше обычного. Хотя Драган тоже не отличался сбивчивым ритмом. «Значит, храбрец, – ду-

мал Снорре. – Видать, не только вино пил на светских встречах и фуршетах. В любом случае, разбираться будем уже на месте. А теперь надо идти».

Осторожно ступая на землю, они начали пробираться к дому. На луг уже опустился полумрак, но было ещё достаточно светло, чтобы увидеть землю под ногами. Снова зажуужали комары.

– Опять на сладкое летят, – хмыкнул Гой из-под своего капюшона, кивая в сторону Яробуда.

Тот уже снова яростно отмахивался от вампиров, кружащих над его головой и норотивших сесть на белую, мокрую от пота шею. Он сделал ещё пару шагов, явно отвлекшись на вредителей и не смотря себе под ноги. Ещё шаг, и его левый сапог поехал вниз в мутную лужу. На первый взгляд лужа казалась неглубокой, и как только Яробуд Ретивый уткнулся пяткой в дно, его сапог только по щиколотку погрузился в жижу. Белобрысый вояка начал потихоньку вынимать ногу из лужи, но... Вдруг он вскрикнул и упал на колени.

– Тихо!!! – Снорре бросился на Яробуда, закрывая рот ладонью.

Яробуд утробно завыл и задёргал ногой, которую будто что-то увлекало, вниз в жижу, сильными рывками. Опершись о Снорре и о землю, он сам сделал рывок вверх и почти вырвал ногу из мути.

– Что за хрень!!!

Драган и Ратко подбежали к упавшим на землю и увидели, как в сапог Яробуда впилась... РУКА! Она высунулась из ямы, заполненной мутной водой. Теперь было видно, как пальцы руки мёртвой хваткой впились в щиколотку в самом узком её месте и сжимают, сжимают изо всех сил и тянут в топь. Рука была почти вся белая с едва заметными синими прожилками вен. Рука мертвеца! Жёлтые обломанные пальцы всё глубже входили в ткань сапога... почти в плоть, почти до хруста костей.

Драган потянул меч из ножен.

– Нееет! – зашипел Снорре. – Она узнает, что мы здесь. Не руби! Давайте сюда! Драган, Ратко, разжимайте пальцы. Сильнее!

– Мммм... – замычал от боли Яробуд, но сдержал крик. Только зашипел. – Быыыстрее...

Все четверо навалились. Изо всех сил начали разжимать хватку.

– Идёт. Идёт! Тяни ногу, дурень!

Яробуд начал отползать дальше и дёргать ногой, всё ещё заключённой в капкан-руку мертвеца. Снорре чувствовал его панику и понимал, что парень может не выдержать и заорать. Они лишаются эффекта неожиданности и следовательно возможности расспросить ведьму о Культе. Этого нельзя было допустить. Волхв положил руку на макушку Яробуда и быстро проговорил пару простых успокаивающих мантр. Ретивый обмяк.

– Давайте ребятки! – Снорре снова бросился помогать.

Костлявая рука вместе с ногой моталась из стороны в сторону, разбрызгивая зелёную муть болота. Драган не выдержал. Он встал и несколько раз с силой двинул по запястью мыском своего сапога. Пара пальцев мертвеца соскользнули с ноги Яробуда, что дало Снорре и Ратко воспользоваться моментом и, наконец, вырвать ногу. Скрюченная белая кисть на секунду замерла. Затем пука по локоть вышла из ямы и медленно ушла на дно. Лишь только несколько пузырьков болотной жижи и оставленные на земле тёмно-коричневые борозды от сапог вокруг ведьминого «капкана» напоминали о том, что происходило буквально секунды назад.

Все тяжело дышали, сев на землю.

– Спокойно... Спокойно. Уффф, – перевел дух Снорре. – В лужи не ступать.

– Да ладно??? – сделал удивлённый вид Ратко. – А то что?

Они встали. Поправили клинки у себя на ремнях и аккуратно двинулись дальше. На этот раз медленнее и внимательнее.

– Ведьма расставила ловушки. Больше, чтобы задержать и вывести из душевного равновесия непрошенных гостей. Как я вам говорил, главное, не паниковать. Иначе вы будете наиболее уязвимы для чар ведунницы. Яробуд, как ты?

– Хорошо, Снорре, – тяжело дыша, ответил блондин. – Спасибо, что помог. Давайте побыстрее закончим с этим. Мне и вправду...

Его вырвало.

Они подождали пока пройдут спазмы, и пока не выйдет весь завтрак.

Подошли к калитке. В доме, казалось, было тихо. Они не стали отодвигать защёлку, побоявшись, что ворота могут скрипнуть. Перелезли через низенький заборчик и очутились во дворе с неровно скошенной травой. Поодаль – конура без собаки. Пять кур тихо бродили по двору и, кажется, не замечали вторгнувшихся в их владения наглецов. Небольшой цветник с распутившимися ирисами. Две аккуратные грядочки: на одной зеленела петрушка и укроп, на второй наливались тыквы.

– Мило, – прошептал Ратко, оглядывая грядки.

Они завернули за угол дома: туда, где находилось крыльцо с входной дверью.

Перед крыльцом был вбит невысокий колышек с верёвкой. Все четверо замерли. На верёвке за шею был привязан чёрный козёл с крупными изогнутыми рогами. Козёл уставился на них немигающим взглядом.

– А вот это уже не мило, – снова прокомментировал Ратко и тут же замолчал, поймав серьезный взгляд Снорре.

Охотники на ведьму двинулись дальше. Козел же остался на месте, но его взгляд не отрывался от них. Во всей его прямой, неподвижной стойке было что-то жуткое. Он не двигался. Даже хвост, чёрный с белым пятнышком на кончике, просто висел, не шевелясь. И только глаза с прямоугольными,

горизонтально расположенными зрачками следили за каждым движением людей. Когда они медленно начали подниматься по лестнице к двери, голова козла постепенно поворачивалась вслед. Жуткий, похожий на куклу с крутящейся головой, он молчал. И это было главное на данный момент.

Снорре тронул за плечо Ратко и показал рукой, что входит. Остальные тоже перестали смотреть на заворожившего их козла и внутренне собрались. Дверь была не заперта. Снорре выдохнул: «Помогите нам, Семиликие! Смилуйтесь». И вошел.

В ту секунду, когда открывалась дверь, в голове у волхва неожиданно побежали безумнейшие мысли. Они, как свора бешеных собак, словно залаяли громко и резко: «Стоит ли?!?!? Эта треклятая ведьма спалит вас дотла! Ты хочешь рискнуть жизнью? Ради чего? Начитался трудов известных чародеев и чернокнижников и думаешь, справишься с ведуницей? Да половина этих магов была мошенниками и шарлатанами, не умеющими и огня разжечь без спичек. И ты рискуешь ещё этими людьми, ни в чем не повинными жизнями, которые на тебя полагаются! Обернись!!! Это не шутки! Обернись и беги пока не позд...»

Прошла секунда. Или меньше. Мысли не успели закончиться. Их перебила реальность происходящего, которая давала новые вводные. Реальность, которая менялась вместе с

положением тела в пространстве. Тело не слушало мысли. Оно просто шло к цели. И теперь уже мысли стали заложниками новой ситуации, стали подчиняться той новой реальности, которая открылась при входе в дом... И не было пути назад.

Они очутились сразу в просторной прихожей, из которой был выход в столовую и по совместительству кухню. Запах озона и пряных высушенных трав наполнял помещение. Вокруг было достаточно темно, так что их глаза не сразу привыкли к полумраку жилища, несмотря на несколько свечей, уже подготовленных на ночь и теплящихся на столе и на печке с широким горнилом.

Тихо ступая, они вышли сразу в столовую и увидели ЕЁ. Она стояла спиной к ним – высокая, очень высокая, метра под два, но всё же сгорбленная женщина со смолисто-чёрными, растрёпанными волосами – и тянулась за банкой с какой-то приправой на верхней полке, которая была прибита почти под потолком.

Скрипнула захлопнувшаяся дверь, и женщина обернулась. Лёгкий, едва заметный, почти неуловимый, – но только не для волхва – испуг и удивление скользнули в её глазах. И тут же она стала уменьшаться. Уменьшалась. Уменьшалась. Горбилась. Её черты лица, ранее принадлежавшие женщине лет пятидесяти, теперь морщинились до сухого лица старухи. В волосах проступила седина. Волос, два, прядь. Мутация происходила в тот момент, когда ведьма развора-

чивалась к гостям – быстро, словно тление бумаги на огне. Вот она полностью развернулась, уменьшившись в два раза и представ перед ними уже в виде сторбленной карги в оборванном, грязном сарафане: «Б-б-баааатюшки мои. А гостей-то мы и не ждаали. Не ж-ж-ждаали». Старуха явно заикалась. Голос был сиплый, певучий и... древний.

Она прищурилась и с глухим стуком поставила на стол снятую с полки банку, набитую травами. Снорре чувствовал колоссальное напряжение в комнате – напряжение, которое исходило как от самой ведунницы, так и от его товарищей, особенно от Яробуда. Между ними и старухой был накрыт большой дубовый стол. «Это хорошо. Защитит», – подумал Снорре. На столе были разложены пара кружек: одна с молоком, другая пустая, глиняный кувшин тоже с молоком, крынка варенья и миска с творогом – ужин старухи. Чуть поодаль на углу стола – блюдце с налитым для кошки молоком. Бокowym зрением волхв удостоверился, что все встали, как договаривались: слева от Снорре был Драган, левее от Драгана, напротив большого окна, обтянутого бычьим пузырьём, – Ратко. Справа от Снорре встал Яробуд. Поехали...

– Здравствуй, хозяйка, – проговорил Снорре. – Заплутали мы немного в лесу. Дорогу бы у тебя узнать. Да, наперво, познакомимся. Я – Снорре. А тебя бабушка как звать и одна ли живешь здесь?

Ведмино лицо исказила гримаса, как будто она внутренне боролась с чем-то. «Она ответит... Таков закон гостепри-

имства. Она ответит. Просто должна ответить. Надо разговаривать её. Рано атаковать», – твердил Снорре про себя.

– К-к-к-квельма, – через силу просипела она. – Не одна я. Внучк-к-ка со мной.

Она криво, не по-доброму улыбнулась и показала рукой в проём, ведущий в другую комнату. В комнате тоже горели свечи, и была видна скамья-кровать, застеленная тряпьем. На скамье, скукожась, лежало что-то... или кто-то. Было сложно разглядеть, но было видно, что-то находилось на скамье под пледом, оно было повёрнуто лицом к стенке и немного подрагивало, как будто от холода.

Снорре отметил существо в другой комнате как перспективно опасное и снова переключил внимание на старуху.

– Что же ты тут делаешь, бабушка, так далеко от жизни людской?

– Живу т-т-тут, милоч. Не н-н-ужна мне жизнь на селе. Тут у меня дело с-с-сс-своё.

– Какое дело?

– Не н-н-надобно знать тебе, инач-ч-че не воротитесь, – сказала она, снова ухмыльнувшись.

– А ты не беспокойся. Мы рассказы любим. А от гостей негоже тайны скрывать.

Было видно, как она напрягается, борется с собой, но сильные и древние традиции «ведьминого гостеприимства» оказались сильнее.

– Тогда присядь, м-м-милаай. Но помни...– она слот-

нула, встала попрямее и проговорила пугающе холодным и спокойным голосом без запинки, делая большие паузы после каждого слова. – Ты сам попросил.

Снорре присел. Остальные не шевелились. Снорре ощущал холодную напряженность Ратко, улавливал какое-то сомнение и неуверенность Драгана и страх Яробуда, его волхв чувствовал сильнее всего и он знал, что тот же страх уловила ведьма. Она стреляла глазами на каждого из них, мимоходом, почти незаметно... Она искала слабое место. Слабого воина, с которого можно начать. Волхв знал, что она уже убедилась, что каждого... КАЖДОГО из них надо убить.

– Все 3-3-нают Семиликих. Полмира поклоняется им. Все, кроме северных гномьих отступников, с-с-степняков, да и детей пустынь, – заговорила ведьма. – В начале времён была тьма. Из неё вышли семь богов. Семь б-богов создали всё живое вокруг. Они создали океаны, леса и зверей. Они создали человека, эльфа, гнома и других и подчинили их себе, чтобы все жили как одно целое в г-г-гармонии с миром вокруг... Шли века. Боги полюбили свои создания. Особенно тех, что ходили на двух ногах. Они полюбили песни эльфов, выдумки гномов, любовные утехы людей и игры орков. Пятеро богов захотели дать живым существам с-с-свободу, чтобы те без границ развивали свои таланты. Д-д-дуурни. Другие два – Гаár и Шахнáэ – знали, что это ош-ш-шибка. Позже люди прозвали их Мракобесами и почти перестали им поклоняться. Мы же зовём их Творцами, творцами истинного

блага на земле.

В глазах ведунницы появились едва уловимые огоньки злобы, и волхв сразу почувствовал, как она добирается до него, как она прощупывает его слабые места, старается влезть в голову. Он попытался не выдать себя. Не выдать свои колдовские способности. Дал ей немного воли – столько, сколько нужно – и постарался не сопротивляться её гипнозу. «Ещё рано, – думал он. – Надо дать ей договорить. Пока она не опасна. Пока она только ищет с чего начать». И, действительно, вскоре он почувствовал, как ведьмино внутреннее внимание отступает, но взгляд её влажных, светлых глаз оставался на нём. Она продолжила рассказ.

– Люди и гномы взяли свободу и принялись изламывать этот мир по своему образцу: дроб-б-бить скалы, осушать реки, вырубать леса. И только эльфы да орки пожелали сох-х-хранить этот мир первозданным. Началась «Война Первых»: пять богов сразились с Гааром и Шагнаэ на девяти облаках, с-с-семи горах, в пяти лесах, на т-трёх полях и в одной пустыне. В пустыне старший из богов – Нотук – сломал хребет Г-г-г-аару, который хотел снова подчинить людей воле богов и за всю Войну Первых погубил столько людей и гномов, что был наречён богом войны. Гаар был низвергнут в морские пучины и теперь покоится во льдах Северной В-в-воды. После этого Шагнаэ спряталась от преследовавших её богов, – ведьма явно уже говорила через силу, но ничего не могла поделать. Надо было завершить рассказ. – Хитрая

Шахнаэ успела схоронить у себя часть того, с помощью чего боги правили людьми много веков назад. Пятеро верховных богов не з-з-знали об этом. Когда они, наконец, нашли её в самой глубокой пещере самых дремучих гор, боги не смогли окончательно убить Шахнаэ. И всё из-за сильнейшего заклинания, которое она наложила на себя. Каждый раз, когда боги убивали Шахнаэ, на земле наступала несконч-ч-чаемая ночь. Ха-ха-ха! Шахнаэ была умна! Боги вновь и вновь воскрешали Шахнаэ, чтобы посмотреть на мир при свете дня. Они не могли смириться с тем, что их любимый мир покроет вечный мрак. И тогда они сковали Шахнаэ и бросили на дно Великого озера Тáйдушо. Богам приходилось поддерживать к-крупницу жизни в Шахнаэ, чтобы за ночью всегда приходил день. Но теперь...

Ведуница замолчала.

– И что теперь? – спросил Снорре.

На секунды воцарилась тишина.

– Вам не остановить великое возрождение, ВО-ООООЛХВ! – повысила сиплый голос Квельма, кривляясь. Она сделала удивлённое лицо, передразнивая Снорре. – И ч-ч-что теперь?! Думал, я не знаю, кто ТЫЫЫ?

Предметы в комнате завибрировали. Некоторые начали подниматься вверх, плавно переворачиваясь в воздухе, будто ил со дна реки, потревоженный проплывшим мимо налимом. Волхв встал. Он чувствовал колебание магии. Тёплые волны мягко обдавали лицо. «Она сильна, – подумал Снор-

ре. – Пора». Он начал поспешно начитывать про себя заклинание для мощного броска заморозкой. Краем глаза он заметил, как Яробуд вытирает кровь, текущую из носа. Глаза его слезились, но он четко исполнял указание Снорре, держаться до последнего, хотя волхв уже давно почувствовал, что тот почти полностью потерял контроль, поддавшись страху. Что сейчас творилось у него в голове? Тело Яробуда подрагивало. А что слева? – Ратко и Драган стояли как вкопанные. «Ещё немного времени...Ещё есть немного...», – думал чародей.

– Квельма, – открыто заговорил Снорре. – Скажи, кому ты помогаешь? В чём твоя служба?

Дом начало потрясывать. Вдруг все заметили, как свет в окнах померк окончательно, а потом за окнами всё стало наполняться красно-зелёной жижей, будто дом погружался в кровавое болото. В некоторых местах жижа струйками сочилась из щелей, затекая в дом, стекая по стенам и окнам, в других мелкими фонтанами била прямо в дом, на пол, на стол, на людей.

Ведьма стояла молча и улыбалась.

Снорре быстро развернулся к товарищам и коротко бросил фразу.

– Спокойно! Это иллюзия. Стоим! – и вдруг закричал, – **КОМУ ТЫ СЛУЖИШЬ, Квельма?**

Неожиданно всё прекратилось. Законы притяжения вновь обрели земную реальность, а подвисшая в воздухе посуда со

звяканьем упала на поверхность стола. Ведуница медленно наклонилась вперёд, опираясь руками о стол.

– Я в-в-вижу ты знаешь наш Закон. Я скажу т-т-тебе, но за это я сож-ж-жру твою кожу с луч-ч-чком.

Она перегнулась через стол так, что почти касалась дубовой поверхности еле спрятанными в драный сарафан морщинистыми грудями. Послышался хруст, и, разрывая сарафан, из горба старухи вырвались ещё две сухие, но жилистые и удивительно длинные руки. Они медленно выросли, покачиваясь над её головой, вздрогнули, как будто просыпаясь, а потом со стуком опустились вниз на стол. Миски и стаканы звякнули, чуть подпрыгнув. Железные когти рук впились в доски, оставив там глубокие борозды.

Старуха медленно поднимала голову, чтобы взглянуть на них исподлобья взглядом, в котором была замешана свирепость и угроза.

– Мы служим ради возрождения власти Творцов. Мы вернём этому миру Великий Первоисток. Мы под-д-д-арим всем Благодать Творцов – Великий Лад и Вечное Смирение, – плюясь слюной, проговорила ведьма.

– Кто – мы? – произнёс Снорре. Он уже перестал прощупывать состояние друзей, потому что не мог одновременно начитывать мантры стужи и зондировать своих воинов. Он был спокоен за Ратко – тот оставался удивительно холоден к выкрутасам ведуницы. От Драгана исходила тревога, но волхв убедил себя, что рыцарь из дружины самого Верхов-

ного Титула справится с паникой и сделает своё дело. А вот Яробуд... Квельма явно добралась до него. Подмышками и на спине у лесоруба растекались большие пятна пота. Сколько он ещё продержится, было неизвестно, но блондин поддался страху и был уже в тисках магии ведунницы. Она ломала его. «Продержись ещё чуть-чуть! Я знаю, ты сможешь!» – подумал Снорре перед тем как отключиться от него и сконцентрироваться на атаке на ведьму... И это был риск, который он принял.

– Снорр...мне что-то больно...Сно...Я хочу уйти, – тихо-тихо едва смог выдать из себя Яробуд.

Волхв увидел, как его тело всё в напряжении неестественно выпрямилось.

– Минуту, потерпи минуту, – шепнул ему Снорре и вдруг заорал, – Кому ты служишь!!! Имя!!! Скажи ИМЯЯЯ!!

Всё вдруг смолкло. Яробуда отпустило. Он обмяк. И тут все услышали голос. Он исходил из ведьмы, но как будто не из горла, а из груди. Нет, это были два голоса – голос Квельмы и ещё один – низкий, нечеловеческий, грубый голос, от которого у всех забегали мурашки по коже. Механический, монотонный звук. Обрывистый звук, разрывающий слова пополам.

– Мы – ведь-мы то-пей Са-вош и дру-гие....Ско-ро весь МИР! Все Пять Ко-ро-левств! Слу-жим....

– ИМЯЯ!

– Втор-р-рое воплощение Шахнаэ – ГАРУЦА!

Воздух вокруг разрядился. Ведьма, казалось, что расслабилась, как будто скинув с себя напряжение всего разговора, и сделала шаг в сторону Яробуда: он был первым на её пути. В тишине отчётливо раздался звук шаркающих ног, всё быстрее и быстрее. И хотя она почти не приближалась, оглушительный звук шаркающих ног, всё ускоряясь, звучал в ушах людей.

– Спокойно, Яробуд! Она не тронет первой! Она провоцирует!!! – закричал уже Ратко.

Неожиданно четырёхрукая ведьма пропала... и возникла близко-близко перед Яробудом, но уже в облике высоченной женщины со смолисто-чёрными волосами и огненно-рыжими глазами. Она в упор сверху вниз смотрела на Яробуда и друг издала гортанный вопль. Её голова провалилась сквозь вырез сарафана куда-то внутрь, вглубь тела.

– Где найти Гаруцу? – попытался заорать Снорре, стараясь не обращать внимание на ужасающие фокусы ведьмы, но почувствовал, как ком встал в горле.

– Нигде – нигде – нигде – н-н-игдЕЕЕЕЕ! ОНА САМА НАЙДЁТ ТЕБЯ, проклятый волхв!!! – звук доносился сначала из груди огромной безголовой женщины, потом из живота. Вдруг снизу, из-под подола юбки начали вылезать её смоляные волосы. Медленно начала появляться голова – в перевёрнутом положении – морщинистый лоб, рыжие глаза, которые смотрели пристально на Яробуда.

– Ч-ч-что? Больн-н-но, сынок? – произнесла ведьма почти

с жалостью, и Снорре заметил, как на груди у Яробуда расплывается тёмно-бардовое пятно крови.

Ужасная фигура женщины сделала несколько шагов назад и снова зашла за стол, который стал некой преградой между ними. Раздался глухой стук, и голова Квельмы выпала из подола и покатила по полу к ногам Яробуда. Времени ждать уже не было, старуха явно не собиралась продолжать разговор.

Всё оставшееся произошло в течение нескольких секунд. Яробуд, не выдержал ужаса и боли, выхватил свой лабрис из-за спины и замахнулся, чтобы размозжить голову ведунницы. Любое касание оружия – это всё что ей было нужно. Гость нарушил ведьмины законы гостеприимства, а значит, ведьма больше ничем не была связана. В момент тело Яробуда Ретивого взмыло на полметра в воздух и застыло там, неестественно выгнувшись назад. По штанине начало быстро расплываться пятно мочи. Голова запрокинулась, и всех оглушил душераздирающий крик боли вместе с хрустом ломающихся по всему телу костей. Снорре тоже заорал.

– Фригус дан аееен! ВОЛНА СТУЖИИИ!

Волхв высвободил накопленный удар заморозки, вскинув вперёд обе руки. Секущим движением слева-направо: тёмно-синяя волна, от которой во все стороны полетели осколки льда, ударила в стол недалеко от ведьмы. Все фарфоровые кружечки, миска с творогом, маленькая ваза с какими-то травами полетели вниз. Часть из них сразу покрылась ине-

ем и разбилась от удара на мелкие льдинки. Снорре вдруг на секунду пришла очень странная мысль – ему стало жалко всего этого домашнего уюта, который создала женщина, её быт, аккуратно расставленные кружечки, миска с молоком для кота, бережно заготовленное ещё с прошлого года варенье. А теперь пришли они. Волхв в замершем на миг пространстве увидел, как он разрушает чужой дом. И это было только начало!

Волна льда пошла дальше. Замороженный, весь в сосульках стол отбросило в сторону, и магический столб стужи ударил, наконец, в безголовое высоченное тело женщины. Она так и замерла с протянутыми вперёд руками, вся обледенелая. Тело Яробуда тут же расслабилось и с глухим стуком грохнулось о пол. Вся его рубашка наполнилась кровью, суставы были переломаны так, что в некоторых местах из кожи торчали кости. Он был мёртв.

В тот момент, когда Снорре только вскинул руки для заклинания, слева от него кое-что произошло. Снорре не видел, как за его спиной один из воинов выхватил меч и рубящим ударом... нацелил его в горло волхву. Меч прошёл только половину пути, и это Снорре всё ещё не видел. Но он услышал, как клинок Драгана вдруг столкнулся с одним из клинков Ратко. Когда ведуница остолбенела, скованная льдом, Снорре быстро развернулся, одновременно выхватывая свой меч. Он увидел двух сцепившихся друг с другом воинов. Свободной рукой каждый держал ту руку против-

ника, в которой был меч, не давая нанести удар. Кряхтя и плюясь, Ратко саданул каблуком сапога по ноге Драгана. Тот взвыл. Ратко ударил головой по носу противника. Из разбитого носа брызнула кровь, но Драган не потерял концентрацию. Он продолжал удерживать руку с мечом Ратко. Тогда Гой со всей силой потянул на себя тело Драгана, и тот уже не устоял. Вояка с Изыхской Стыни знал этот приём на отлично. Он крутанул потерявшего равновесие Болеславовича на 360 градусов и, завершив круг, отпустил, со всей дури кинув его в окно. Тело Драгана вывалилось из избы в темнеющий двор. В эту секунду Ратко успел вынуть из нагрудного кармана маленький метательный дротик и кинуть его вдогонку в проём окна.

Снорре не видел, достал ли Драгана дротик, но услышал доносящиеся со двора кряхтение и стон. В наступившей тишине Ратко повернулся к волхву, блеснув кольцом в ухе.

– Я эту суку давненько расколол. Удивлялся, хер ли ты всё с ним не кончаешь.

Он глянул за спину Снорре.

– Ну, а уж с этой тварью ты сам разбирайся.

Ратко накинул на голову свой неизменный капюшон, вынул второй копис, крутанул его в руке и ловко по-кошачьи выпрыгнул в окно.

Волхв обернулся. В комнате ничего не изменилось. Перед

ним всё так же с вытянутыми перед собой руками, в тщетной попытке защититься, стояла обледенелая ведьма без головы. Снорре осмотрелся. Самой головы нигде не было. Труп Ярбуда неподвижно лежал рядом с телом ведунницы. Он заметил, как в вечерней летней духоте наколдованная стужа потихоньку начала спадать, и под ногами у замороженной Квельмы уже образовалась лужа. Тогда он сделал два шага и со всей силы двинул ногой ведьме в живот. Окоченевшее тело ещё в полёте разбилось надвое, а потом, ударившись о пол, и вовсе разлетелось на мелкие куски, обнажая выбившиеся из льда куски материи.

И тут он услышал смешок. Тихий, сдавленный. Смех исходил из тёмного и широкого горнила печи. На время изба снова обрела тишину. Снорре пристально всматривался в тьму печи. Он чувствовал пульсацию силы, исходящую оттуда. «Твою ж мать...» – тихо сказал он, увидев, как в печи начали появляться две небольшие щёлки открывающихся глаз. Медленно, ужасно медленно эти щёлки росли, наливались огненной желтизной, пока не образовали два огромных как блюдца жёлтых глаза с вытянутыми кошачьими зрачками. В печи что-то зашуршало, будто несколько мышей забежали внутри, но это были не мыши. Это были пальцы. Пальцы появились сразу с четырех сторон – две пятерни сверху горнила, две снизу. Четыре руки вылезли до локтей. Ухватившиеся за края печи руки потянули из тьмы то, чем стала ведьма.

– Т-т-ты разбудил мою внуч-ч-кууу, – зашипело нечеловеческое создание.

Снорре не успел опомниться, как из противоположной комнаты на него бросилось нечто. Маленького роста, когтистая, лохматая тварь с такими же огромными оранжевыми глазами, как у ведьмы. Она как обезьяна прыгнула на волхва и попыталась защёлкнуть у него на шее свою на удивление широкую пасть, оснащенную рядом острых зубов, но Снорре вовремя отскочил и махнул мечом, норовя разрубить существо. Он промахнулся. То, что было внучкой, покатилося по полу и тут же встало на четыре ноги, поползло по столу, а потом и по стене, как будто не замечая законы притяжения. Снорре держал меч на вытянутой руке. Тварь прыгнула на него, похоже, не особо заботясь о себе. Она лапами взялась за выставленное вперёд лезвие и потянула вперёд и вбок. Кровь не брызнула, но потекла ручьём по лезвию на рукав Снорре. От неожиданности колдун не удержал клинок, ведьмино отродье вырвало его из рук и повалило волхва на пол, клацая зубами прямо перед носом.

Снорре успел выставить правую руку, удерживая тварь за шею на расстоянии. Теперь он видел перед собой только её огромные зубы, чувствовал зловонное дыхание и брызги слюны на лице. Внучка работала когтями обеих лап, как мельница, молотя по груди и плечам волхва и стараясь разорвать кожаный нагрудник. Нагрудник выдержал, а вот плечи попали под рассекающие воздух и плоть когти.

– Одане таааар! – завопил Снорре, собирая ману в левой руке. Он решил, что надо рисковать, даже путём заморозки собственных конечностей.

Волхв мог направлять сильный удар обледенения, только когда льду было обо что опереться. Другими словами, чародей должен был найти вектор, на который лёд мог бы нарасти. Бить мощной и почти неконтролируемой «Волной Стужи» было невозможно – не было ни времени её наработать, ни сил. И поэтому он решил, что только заклинание «Обледенения» даст ему шанс. Начиная с локтя, его рука начала стремительно покрываться коркой льда. Он знал, что через секунду-другую не почувствует руку, поэтому не медлил. Широким замахом он всадил пятерню в грудь навалившейся на него твари, и это было бы совершенно безболезненно, если бы не волна обледенения, которая за секунду прокатилась от локтя до его пальцев. На пальцах, впившихся в грудь, мгновенно выросли острейшие сосульки-ножи. Их скорость роста была настолько стремительной, что они с хрустом впились на несколько дюймов в костлявую грудь существа.

Зубастая bestия взвизгнула, попыталась соскочить с ледяных ножей и уже было завертелась-закрутилась на руке, стараясь отгрызть или расцарапать кисть. Но вся рука выше локтя была уже настолько во льду, что когти существа лишь царапали толстую корку. И хоть Снорре испытывал невероятную боль в месте, где начиналось обледенение, он продолжил.

– Сдохни, сука! – заорал он и ударил новой волной, – Ода-не таааар!

Мгновение и обледенелость на руке стала утолщаться, увеличиваться. Сквозь слой льда уже не было видно человеческой плоти. Лёд стал глубоко-синим. Красивым, как цвет океана перед бурей... Из ладони выбился сначала фонтан осколков льда, а потом и заострённый ледяной кол. Он как лезвие прошил грудь твари и с хрустом вышел из спины. От силы удара тело «внучки» взлетело вверх. Ледяной кол был скользким, поэтому подброшенное вверх тело соскочило с него, шмякнулось о потолок и уже потом тяжёлым мешком рухнуло на пол.

– Иии, – пискнула напоследок лохматая бестия и изо рта её потекла тёмная жидкость. Зубы пару раз рефлекторно клацнули о пол и замерли.

Снорре крутанулся и с криком расколол наросший на руку ледяной кол о ближайшую стену. Надо было срочно отогреть руку, иначе с нею можно было распрощаться.

Он огляделся, растирая пока бесчувственную левую руку. Ведьма была достаточно трусливой, чтобы выбраться из своего укрытия. Огромные глаза внутри горнила печи держались на четырёх руках. Всё остальное – тьма. Последние несколько свечей были повалены после боя с «внучкой». Снорре еле замечал очертания предметов.

Тишина. Только дыхание из печи. Ровное. Древнее.

– И что теперь? – произнёс Снорре и тут же понял, на-

сколько глупо это прозвучало. Станный вопрос, но он действительно не знал, как подступиться к ведьме. Она была слишком далеко. Силы его были на исходе. Втайне он надеялся на то, что вернётся Ратко, и они что-нибудь придумают сообща, но на дворе было тихо, и только кваканье лягушек, вдруг прорвалось из окна в избу, наполненную страхом и напряжением.

Снорре не уходил и не атаковал. С его плохим зрением было слишком рискованно идти вперед во тьму.

Ведьма не вылезала из печи. Выжидала. Она не знала, чего ждать от волхва. В свою очередь и она чувствовала, что от колдуна исходит нешуточная опасность. Сила внутри него хоть и ослабла, но она видела пульсирующие потоки маны, которые он набирал и готов был снова применить.

В тишине что-то зашипело.

Снорре увидел, как в углу печи начала набухать и разгораться большая головешка: то ли от угля, то ли от полена. Карминовые и жёлтые прожилки налились жаром и осветили часть утробы печи, озарив нечетким, пульсирующим светом безобразное существо – ведьму, все ещё держащуюся четырьмя руками за верхний и нижний край горнила. Налитый огнём обломок зашипел и вдруг вылетел из печи прямо в сторону Снорре. Только в последний момент волхв успел отскочить в сторону.

Тут же уже в другом конце печи зарделся новый снаряд, на этот раз чуть меньшего размера.

Снорре не стал ждать. На формирование небольших ледяных глыб у него остались силы. Это можно делать даже одной рукой. Левая рука еще только отходила от заморозки. Он выкрикнул заклинание, и в правой руке его начал формироваться ледяной ком. Вокруг кома мерцал тусклый фиолетово-синий свет. Маг метнул неровную, обледенелую глыбу льда размером чуть больше человеческой головы. Глыба как комета прочертила синий хвост вдоль всей комнаты и врезалась в край горнила, разлетевшись в стороны. Часть глыбы всё же влетела в нутро печи. Послышалось шипение льда, попавшего на раскаленное железо и печной кирпич. Ведьма, видимо, тоже угостилась порцией осколков. Она взвыла. Из печи уже в сторону волхва вылетела новая комета – кусок горящего угля. Снорре успел перевернуть стол и броситься за него, но не избежал ожога на шее от разлетевшихся обломков.

Началась ожесточённая перестрелка льдом и горящими головнями из печи. Комната сразу наполнилась дымом и копотью. В стороне от Снорре загорелась занавеска. Он успел затушить ее брошенным снегом. Горящие головешки озаряли внутренность избы. Начиная траекторию, они высвечивали всё, что попадалось им на пути: перевёрнутые стулья, полочки на стенах, небольшие картины, откуда ни возьмись взявшегося кота, кинувшегося в сторону и никак не находящего себе укрытие. Все это озарялось в местах, где пролетали убийственные кометы, и погружалось в тьму... А потом

снова озарялось голубым сиянием от ледяных глыб. «Это было красиво», – думал потом Снорре. Иногда глыбы и головни сталкивались в воздухе, разлетаясь на мелкие искрящиеся кусочки и наполняя избу оглушительным шипением – звуком столкновения стихий. Ведьма была в более выигрышном положении. Попасть точно в горнило печи было непросто. А вот закидать волхва огнём было куда проще.

Маг понял, долго он так не протянет. Снорре задышался от дыма. В нескольких местах получил ожоги. Часть стола, заслонявшая его, загорелась. Вот он снова выглянул из-за стола, и ему показалось, что тварь вылезла из укрытия и медленно движется к нему... Жёлтые, огромные глаза приближались, озаряемые сполохами от летящих углей. Эти огромные глаза... И страх. Ему никогда не было так страшно, как теперь, эта мысль противной каракатицей скользнула в его голове, но руки автоматически продолжали нарабатывать остатки маны, всё, что можно было собрать для следующего удара. Сердце его билось так сильно, что казалось, вот оно вырвется из груди и запрыгает по полу, по полыхающему столу. И его будет не остановить, не найти, не вернуть. Оно, наверно, пробьет дыру в стене и выпрыгнет на двор...

Заколдованные пылающие угли продолжали лететь в сторону Снорре, обеспечивая ведьме защиту. Ему было почти невозможно высунуться без того, чтобы не получить головешкой по лицу. Часть волос на его голове выгорела. Он попытался к двери и как раз вовремя. Левая половина стола, за

которым он недавно прятался, моментально разлетелась от удара раскаленного ядра. Оставшийся деревянный обрубок вдруг схватила рука ведьмы и буквально швырнула в сторону. «Неужели она так быстро подобралась? Да, вот же эти желтые глаза с кошачьими зрачками... Или меня выключило на время?» – спутанно плыло в голове у Снорре. Дым от огня уже затуманил ему разум. Он боролся с обмороком, полз к двери и лихорадочно думал, как спастись... Она была близко. Осмелела. Выбралась из логова и шла, перебирая руками – две руки шли по полу, две опирались о потолок. Волхв упёрся спиной в стену. В дыму невозможно было понять, где дверь. Он пошарил руками. Пополз наобум. Что-то звякнуло под ногами. Рука нащупала потерянный меч. Надо найти дверь... Темнота...

Снорре очнулся от дикой боли в плече. Сколько прошло? Секунд пять? Или минута? Он попытался подняться. Все еще в дыму, он понял, что на плече у него рука ведунницы. Рука встряхнула его и рывком пригвоздила к стене. Из дыма начали появляться желтые глаза и улыбка, наполненная растущими во все стороны зубами. В руке у Снорре всё еще был меч. В голове на мгновение прояснилось. Он выбросил руку вперед, но меч не достал. Этого и не было нужно.

– Одане тааар! – прошептал волхв и лёд мгновенно нашел вектор лезвия, по которому можно ползти, нарастать, развиваться, бежать! Лезвие в секунду обледенело и удлинилось за счет приращенного ледяного острия. Оно выбросилось впе-

рѣд прямо в глаз Квельме, и Снорре увидел, как глаз в первый раз за всё это время моргнул и налился кровью. Ведунница взвыла и обломила ледяной клинок рукой. Снорре погрузился во тьму. Вынырнул. Секунда?! Крик. Снова погрузился. Что это!? В воздухе появился второй меч – короткий и изогнутый. Костлявая и горячая как кипятик рука, которая держала его плечо так, что на нем начали вздуваться пузыри от ожогов, отделилась от хозяйки и полетела в дым, расплѣскавая кровь по сторонам. Что-то потянуло его назад...

Казалось, прошло совсем немного времени, когда картинка стала проявляться снова. Сначала вспышками: часть крыльца, окна, ступени лестницы, трава, темнота... Снова кусок травы и земли, чья-то обожжённая рука. Потом проступили чувства: онемелость и холод в левой руке, жжение в правой, желудок крутило, голова раскалывалась и не хватало воздуха. Он перевернулся со спины на бок. Его вырвало. Потом ещё раз. Он поднял глаза.

Рядом сидел, ухмыляясь, Ратко Гой. На одной ноге у него, вцепившись мёртвой хваткой в щиколотку, вся в тине, свисала белая рука, обрубленная у локтя. Ратко проследил за взглядом волхва и словно бы сам удивился.

– А, это... Да пришлось тут побегать за Драганом по болотам. Далек, сука, не сбѣг. Да, вот, как видишь, пару раз оступился в трясину. Нахватал «капканов». Порубать при-

шлось изрядно, – проворчал Ратко и не без усилия оторвал обрубок руки.

Культияпка полетела в ближайший куст.

– Ещё бы чуть-чуть... – охрипшим голосом начал Снорре. Он не видел, кто напал на него, а только слышал лязг стали. Волхв начал вспоминать: «Когда я обернулся, они уже сцепились... Так. Потом Ратко убил Драгана и ещё вернулся за мной. Видимо, убил раненую ведьму. Судя по всему, причин ему не верить нет».

– Знаю, знаю, – махнул рукой Ратко. – Но я же успел. С этим козлом долго не пришлось возиться. Вспорол ему живот на втором замахе и сразу обратно. Да у вас там такая круговерть была. Я уж думал не соваться сначала. Гляжу – из окон то головня в огне вылетит, то ледяной крошкой прыснет. Лешего тебе в зад! Думаю, сунусь – не спялят, так в ледышку превратят. Шум, ор. Ведьма орала как тысяча бешеных енотов. Потом стихло вроде. Смотрю, один огонь полыхает. Видать подприжало тебя, ведун. Ну, я и вломился. Делать-то что было!?

– Спасибо. Как же ты её достал? Я смутно помню, что попал ей в глаз ледяным мечом, но, кажется, её это не остановило.

– Да, но задержало точно. Когда я вбежал, она корчилась от боли и пыталась выдернуть ледяной кол из глаза. Ты в отключке был. Эта гадина даже не заметила меня, – ухмыльнулся Ратко. – Ну, я церемониться не стал. Рубанул ей сна-

чала руку долой, а потом и по горлу полоснул... Валяется там прямо у порога.

Волхв глянул на приоткрытую дверь, ведущую во тьму полуразрушенного дома. Из дверного проёма на ночную прохладу мягко выползал серый дым от догорающего жилища. Ратко лег на спину отдышаться. Снорре тоже.

– Хочешь взять трофей?– спросил Гой. – Голова нужна?

– Да, но скорее не для Торчина. Для недовольных в городе. Думаю, помашут ей с балкона сената перед толпой пару раз в доказательство активных действий правительства. Хотя сам понимаешь, что мы сняли только пенку. Там, – кивнул Снорре на юг в сторону самых дремучих буреломов и глубоких болот, – улей можно ворошить и ворошить.

– Да, только уже с армией, – хмыкнул Ратко. – Мы свое дело сделали... Ладно. Отдыхай. Я головой займусь попозже. Думаю, тебе вряд ли захочется снова туда заглядывать.

– Спасибо.

Они раскрыли походные мешки, оставленные у дома, и достали бинты. Ратко помог смазать Снорре обожжённые руки и плечо заживляющим маслом из небольшого походного набора. Плотно замотали раны бинтами. Было уже совсем темно. Ночь наступила уже пару часов назад. Надо было найти ночлег.

– Будь я чуток посильнее, применил бы «нард лук ыр». Короче, это искусственное северное сияние. Размазываешь его по небу, и становится на время светло. Но сейчас точ-

но не смогу, – посетовал Снорре. – Придется искать ночлег впотьмах.

Вскоре Ратко нашёл во дворе небольшой амбар, заполненный соломой. Там они и заснули мертвецким сном.

Разбудил их крик петуха. Птица гордо расхаживала по двору, высоко поднимая лапы со шпорами и возвещая наступление нового дня. Сделав несколько обходов территории, петух осторожно заглянула в амбар, где растянулись на сене два человека. Один был весь замотан бинтами, другой обляпан потемневшей и уже глубоко впитавшейся в одежду кровью и болотной грязью. Кряхтя, они стали подниматься и собираться для возвращения назад. Ратко поймал двух кур, быстро свернул им шеи и положил в мешок. Посмотрел на козла.

– Не. Козла давай не будем трогать, – сказал Снорре. – Ведьмы часто используют их в своих ритуалах. Потравимся ещё.

Гой замахнулся кописом на козла. Сильно рубанул.

Натянутая на шее животного веревка ослабла и упала. Козёл, до недавнего спокойно лежащий на траве, теперь приподнялся на колени передних ног, встал и тихо поплёлся в сторону леса.

– Пусть гуляет, скот, – проводил его взглядом Ратко.

Перед уходом они всё же заглянули в избу. Изувеченное тело Квельмы лежало у порога. Руки и головы не было. Они

валялись в глубине помещения вместе с грудой осколков от посуды, потухших головешек и обломков мебели. В стороне распласталось тело «внучки». Ещё чуть подалее ничком лежал Яробуд. Снорре и Ратко подошли к его телу, взяли под руки и вынесли во двор. В сарае обнаружили лопаты.

Вырыли неглубокую яму за домом. Похоронили.

Надо было собираться до того, как солнце нагреет джунгли Савошских топей и идти будет тяжело.

По меткам шли быстро. Ратко хорошо ориентировался на местности. Подойдет к заросшему мхом холмику. Покрутит головой, поводит своим длинным и острым с горбинкой носом. Покажет на холмик:

– След от сапога Яробуда. Нам туда.

И сама битва, и напряжение постоянных мыслей о предательстве теперь были позади, и волхв чувствовал приятное опустошение на душе. Он доверился Ратко и теперь спокойно шёл чуть поодаль от приятеля, стараясь не обращать внимание на боль от ожогов и начитывая несильные заклинания охлаждения, которые давали облегчение в особо больных местах. Единственное, что его угнетало – это ответственность за смерть Яробуда. Снорре понимал, что если бы он напал чуть раньше, ведьма, возможно, не успела бы схватить блондина своей железной хваткой. Но волхв понадеялся на случай. Информация была важна, но... Важнее ли жизни?

– Ты знал о Драгане? – спросил Снорре, стараясь отвлечься от скверных мыслей. – Вернее, когда ты узнал?

– Он мне сразу не понравился. Тогда и узнал, – сказал Ратко скривив рожу.

Он помолчал пару секунд и продолжил:

– Короче, в бане я увидел кое-что. Татуировку. Карлик, как у того из поселения в лесу. Драган старался стоять всё время правым боком к нам и быть в неосвященном свечами углу, но у меня хорошее зрение в темноте.

– Где была наколка? Почему мне не сказал?

– Была на внутренней части лодыжки чуть повыше костяшки. Небольшая такая... А тебе не стал триндеть, потому что... Да, пёс его знает почему. Хотел удостовериться. С этими аристократами как поступишь-то? Ведь отправить его назад нельзя. Сразу убить без вопросов тоже не по-людски – мы ж не орки какие. Надо было аккуратно. Вот я к нему и присматривался.

– Ясно... А я думал, это вы так сдружились в последние пару дней.

– Ага, дружки, как у нас говорят, и щипцами не растащить, – прохрипел Ратко.

Снорре перешагнул через поваленный трухлявый ствол дерева и поморщился от боли в ещё свежих ранах. Основные ожоги достались левой руке, ногам и плечам. Лицо не пострадало, хотя часть волос сгорела. «Ничего. Отрастут», – не унывал волхв.

– Слушай, – заговорил Ратко. – а как всё ж эта нечистая оклемалась? Я сам видел, что ты её льдом оприходовал по

самый небалуй.

– Вопрос хороший, – призадумался Снорре. – Похоже, она уже была готова, что мы вот-вот нападём. Сколдовала какого-то двойника. Когда она вывернула этот трюк с отвалившейся головой, перед нами стояла уже кукла. Смекаешь? Я заморозил пустышку. Хм, не слыхал я о такой магии...

– Эка-а, – мотнул головой Гой и ухмыльнулся, – ну и работёнка у нас, волхв. Хорошо, конечно, успели из неё кое-что выудить. Хотя, я ни черта не понял. Не, про войну богов то каждый дурак знает. А вот эта, как её... Гаруцца. Что за птица?

– Без понятия Ратко, но теперь у нас есть имя того, кто стоит за всем этим безобразием: Культ, сокх, активность са-вошских ведьм. И не спрашивай, что с этим делать. Не отвечу. Это уже будет заботой сыскной комиссии Республики. Пусть решает Верховный Титул ли, сенат или Совет Черно-книжников. Захотят нас с тобой привлечь, подумаем-поторгуемся.

Ратко Гой кивнул в ответ, видимо, соглашаясь.

Вскоре они нашли оставленных ранее лошадей. Пока поправляли сбруи, посоветовались о дальнейших действиях и приняли решение обойти поселение оккультистов с восточной стороны. Однако, пробираясь сквозь буреломы, вскоре они услышали чей-то крик. Проехав сто метров в сторону звука и приглядевшись, они увидели девушку в ночной пижаме, мечущуюся в панике среди деревьев, и тут же Снор-

ре узнал ту рыжую, которая развлекала Драгана пару ночей назад.

– Гвииинья! – кричала рыжая, озираясь по сторонам.

Увидев двоих путников, она испугалась и уже собралась бежать, но Снорре её остановил.

– Не бойся. Мы не тронем, – крикнул он. – Что случилось?

Видя, что ни Снорре, ни Ратко не предприняли попытку её догнать, девушка остановилась.

– Помогите, – крикнула она, робко подходя к ним. – Я ничего не помню. Где мой Гвиня. Это... Я думаю – это мой муж. Но я не помню. Я очнулась прошлой ночью не в своей постели. Я не знаю, что это за деревня. Там.

Она махнула рукой в сторону и разрыдалась.

– Я ничего не помню. – сквозь слезы лепетала она. – В... в той деревне в лесу. К-к-когда я проснулась, все вокруг кричали. Они били женщин. Я Я убежала.

– Успокойся, – нахмурился Ратко. Он достал свой плащ и накрыл ей плечи. – Постой с нашими лошадьми, а мы проверим, что в деревне. Справишься? Мы тебе доверяем.

Она подняла на него голубые глаза, ставшие ярко-прозрачными от слёз.

– Да, только возвращайтесь.

– Мы быстро, – ответил Снорре и повернулся к Ратко. – Придётся всё ж навестить этих отшельников. Только осторожно. Сначала посмотрим издали.

Волхв снял с коня свой меч. Ратко проверил кописы за

спиной и засунул два дротика в петли на бёдрах. Они быстро зашагали в сторону деревни. Спустя несколько сотен метров Снорре уже различал крики. В основном это были женские отчаянные крики и плач.

– Что там, думаешь, у них? – бросил на ходу Ратко.

Волхв почувствовал, как заводится Гой. Почувствовал его решимость и нарастающий гнев.

– Я вот что думаю, – Снорре трусцой бежал рядом. – Мы убили ведьму, и все её чары, по сути, должны бы рассеяться. Думаю, все эти молодые да красивые девушки не так уж подходили здешним невымытым мужланам. Что-то не сходилось сразу. Я не понял этого. Но теперь думаю, что на девушек ведьма напускала морок забвения. Помнишь, что за служение Культы люди получают то, что пожелают. А что ещё мужику надо, кроме как пожрать да потрахаться? Мужики тут вряд ли жаловались.

– Вот ведь сукины дети! А я то думал, как они с их погаными рылами да таких баб похватали? А на мою харю ни одна в Ларракии не зарится, – мотнул головой Ратко.

– Вопрос в том, что они отдавали ведьме взамен. Возможно, они вербуют людей, подсаживают их на сох и потом отправляют куда-то дальше. Куда? И зачем?

– Не время философствовать, волхв. Смотри.

Снорре и Ратко приблизились к деревне и увидели мечущихся по дворам девушек и мужиков. Большинство девушек уже отловили и собрали у дома старейшины. Прижима-

ьясь друг к другу, они стояли на коленях: в ночных рубашках или попросту наполовину голые. Все грязные от того, что их волочили по земле, со следами побоев, девушки уже просто молчали, испуганно озираясь по сторонам. Они пытались найти хоть одно знакомое лицо, но не могли. И только Снорре догадывался, что как только морок спал, память пленниц могла со временем восстанавливать только то, что было до забвения – деревни, откуда их похитили, родных, мужей, матерей. Вся их, хоть и не долгая, жизнь на болотах растаяла, стерлась из памяти, как сон, который никак не вспомнить.

Чуть поодаль горел дом. Деревня была наполнена всхлипами, грубыми окриками мужиков, испуганным кудахтаньем разбежавшихся кур и кряканьем гусей. С обнаженными мечами волхв и Ратко вышли из-за кустов вереска и спрятались за углом ближайшего сруба.

– Здесь восемь домов, – быстро сказал Ратко. – Девять мужиков и пятнадцать баб.

Снорре вопросительно глянул на товарища.

– В прошлый раз посчитал.

Тут в доме, за которым они скрывались, послышался шум и из двери, падая на руки, буквально вывалилась во двор небольшого роста брюнетка с длиннющей косой. Она попыталась подняться, но не смогла. Пробежала на четвереньках несколько метров и снова упала. Девушка повернулась лицом к открытой двери и округленными глазами уставилась в проём. Глаз брюнетки заплыл от огромного синяка. Из носа и

глаз текло, а подбородок дрожал.

В двери показался долговязый бородатый мужик в одних грубых штанах, подпоясанных бечёвкой. Он подтянул спадающие штаны.

– Чё, Фёкла, не признала кормильца, – вполголоса, растягивая слова, прохрипел кормилец и двинулся с порога на неё. – Забыла, как надо мужика пригреть, стерва. Сейчас напомним.

Заметив Снорре и Ратко, он остановился в недоумении.

– А вы чё здесь забыли?

Снорре не знал, что предпринять. Как убедить мужиков отпустить своих рабынь? Он понимал, что это глупый вопрос, и их скорее пошлют к чертям. Просто так порубать всех жителей, тоже не годится. Да и силы были не равны.

– Ратко, погоди... – было начал Снорре.

Однако у воина из Изыхской стыни был намечен свой план, и он не собирался от него отступать. Видимо, он даже не собирался им делиться с Снорре. В два мягких, скользящих шага он подошел к оторопевшему мужику и молниеносным ударом обоих кописов как ножницами снял ему голову. Девушка завизжала. Гой оглянулся на Снорре.

– Я упростил тебе ситуацию? Теперь гляди в оба.

Пригнувшись, Ратко направился к двум домам справа, стоящим в отдалении от общего поселения. Оттуда доносились крики двоих мужиков. Снорре ничего не оставалось, как поспешить следом. Волхв и Гой прокрались во двор.

Двое – видимо отец и сын – спорили о том, что делать с их рабынями.

– Ведьма паршивая херово колдует. Испортила дев! Подумай, бать, куда мы с ними теперь? Они никак не оклемаются. Надо избавиться от обеих, да в болото. Лучше новых подыщем, а?

– Да, но Кира. Мы с ней уже второй год... – сомневался тот, что постарше.

Его сомнения быстро развеял Ратко. Гой даже не стал приближаться: первый дротик попал чётко в шею молодому. Он свалился на поляну, хрипя и разбрызгивая кровь. Снорре успел увидеть, как блеснул на солнце следующий дротик. Но на этот раз лезвие лишь пропоролло плечо второму. Тот истошно заорал и бросился со двора к дому Сожина.

– Чтоб тебя! – выругался Ратко, и со всех ног ринулся на перехват.

Мужик успел выбежать на выложенную крошеным камнем дорожку, которая вела к подобию главной площади – поляне перед домом Сожина, где располагался деревянный колодец, и куда привели всех пойманных девушек. Справа и слева поляна была окружена кособокими домами поменьше. Собравшиеся в круг мужчины о чем-то переговаривались, поглядывая на заплаканных девиц.

Как только на дорожку, спотыкаясь, выбежал раненый и орущий во всю глотку односельчанин, все обернулись на шум. Они увидели, как Ратко запустил один из своих копи-

сов в спину убегающему, и как меч вышел у него из груди. Они также видели, как Ратко медленно подошел к уже мертвому поселенцу, спокойно вынул копис у него из спины, обтер кровь о штаны убитого, подождал пока к нему не подойдет Снорре и затем двинулся к ним. Только после этого трое из пяти ломанулись в избы за топорами. Оставшиеся двое были Кнут и Сожин. Они были при оружии: верзила Сожин стоял с огромным двуручным мечом наперевес, а коренастый Кнут натягивал тетиву лука.

– А ну стоять, черти? – крикнул Кнут, целясь в Снорре.

Ратко даже и не думал останавливаться. Он чуть пригнулся и кошкой бросился в атаку.

Снорре, готовясь отражать выстрел, уже выводил рукой круговые движения, собирая ману для блокирующего ледяного щита.

Вжжж... Кнут мгновенно спустил тетиву.

– Борваал дан! – выкрикнул волхв, и стрела пробила образовавшиеся в воздухе многослойные корки льда. Ледяные пластины в палец толщиной и метр в диаметре зависли на пару секунд в воздухе. Раз – первая пластина разлетелась надвое. Два – вторая приняла на себя ещё не потерявшую скорость стрелу. До третьей пластины стрела не достала и, застряв во второй, вместе со льдом рухнула на землю.

Когда лёд упал и обнажил, наконец, видимость, пред Снорре открылась картина вертящегося в пируэтах Ратко. Один оборонявшийся уже бился в конвульсиях на траве,

густо заливая её кровью, – Ратко любил удары по горлу. Остальные двое пытались достать Ратко топорами. В стороне Кнут дрожащими руками вынимал новую стрелу из колчана.

Снорре перехватил меч поудобнее и, преодолевая боль от ноющих ожогов, побежал к лучнику так быстро, что тот сразу понял – ему не успеть ни натянуть новую стрелу, ни прицелиться. Кнут попытался выиграть секунды, быстро семеня назад, но вскоре уткнулся спиной в бревенчатую стену дома. Стрела уже была на тетиве, и он начал поднимать лук, когда волхв рубанул его сначала сверху вниз, перебив ключицу, а потом, не дав опомниться, пропорол колющим ударом живот. Волхв вытащил меч из обмякшего тела и быстро развернулся в сторону сражавшегося за его спиной Ратко.

Второй боец, поверженный Гойем, распластался в стороне, широко раскинув руки и ноги. Оставшийся – длинноволосый блондин с испуганными округлившимися глазами – уже хромал на одну ногу и всё норовил зайти Ратко за спину, в то время как сам Ратко отражал разящие удары двухметрового Сожина.

– Вот как вы платите за гостеприимство, падлы! – с каждым ударом выкрикивал Сожин. – Вот как? Вот как?

Ратко Гой экономил силы, стараясь уловить шанс для удара. Короткие кописы не доставали до Сожина, который уверенно держал нападавшего на расстоянии своего длинного меча. Снорре решил, что в первую очередь надо избавить Ратко от назойливого блондина с топором. Видно было, что

он опасался Ратко и принял скорее оборонительную позицию, лишь изредка обозначая нападение, видимо, надеясь, что Сожин сам разберётся с Гойем.

Волхв приблизился к сражавшимся. Лёгкая онемелость в суставах говорила о том, что на ледяной щит (да и вчерашнюю битву с Квельмой) было затрачено много сил, и собрать ману на новую атаку магией быстро не удастся. Придется рассчитывать на умение сражаться мечом.

Блондин развернулся: теперь только его топор против доброго, умеренно длинного меча, скованного гномами Бурых гор и подаренного Снорре по окончании Игмешской школы Чернокнижников пару лет назад. Волхв применял его крайне редко, но когда меч выходил из ножен, то он спасал колдуну жизнь. Поэтому он назвал его «Дарующий Жизнь». Других задач у меча не было. Клинок был облегчен магическим способом и прекрасно лежал в руке. И хоть волхвам не давали углублённого обучения бою на мечах, Снорре сразу после выпуска из академии ещё год совершенствовал боевые искусства в предместьях города-крепости Брунь на самом востоке страны. Это был хороший год.

Выпад. Он был ложным. Без того испуганный блондин повёлся. Махнул топором, чтобы защититься и оголил весь правый фланг. Как вы думаете, что легче поднять – увесистый топор для колки дров или облегченный меч для убийства – Дарующий Жизнь? Снорре крутанулся, наращивая силу удара с помощью корпуса, и молниеносно снёс блондину

голову.

Теперь только Сожин и они двое.

– Молодец, волхв. Давай-ка заходи этому господину в тыл, – подал голос Ратко, отступая от громилы, который вполне умело орудовал своим двуручным мечом. – Пусть теперь он попляшет.

Сожин смекнул, что жизнь теперь его усложнится и решил не ждать окружения. Он прыгнул на Ратко, вложив всю силу в удар. Гой двумя скрещенными кописами смог ослабить рубящий сверху вниз удар. Блок! Кувырок влево. Меч Сожина оказался и там. Блок! Блок! Кописы слишком коротки чтобы достать! Вжжж! Они разрезают воздух в нескольких дюймах от здоровяка. Снова уклон!

Сожин взвыл. Это Снорре зашел, наконец, с открытого фланга и перебил сухожилия на ноге последнего из поселенцев. Но Сожин был крепок. Он устоял. Взмахом меча он отразил следующий удар Снорре, изловчился и плотным ударом левой руки в грудь отбросил волхва назад. Меч остался в руке волхва, но на время он потерял способность дышать и сопротивляться, скорчившись на земле. Сожин снова взвыл. Теперь уже Ратко воспользовался моментом, прыгнул ему за спину и погрузил копис в ребра. Послышался противный хруст. Ратко ударил вторым кописом по руке. Кисть с мечом полетела, кувыряясь, в сторону к перепуганным девушкам, которые ещё плотнее прижались к стене и завизжали. Сожин согнулся пополам, как будто хватая воздух ртом.

Он не закричал. Он ждал конца. Гой не оставил верзилу долго мучиться. Мягкий скачок и резкое движение руки. С перерезанным горлом Сожин повалился на бок и так остался лежать, чуть подрагивая.

Вокруг всё стихло. Снорре еле восстанавливал перебитое дыхание. Присел. Надолго закашлялся.

– Чёрт... Это ж надо... Как же так? Чтобы всех... Они же, по сути... ничего такого... Ратко... – чередуя глубокие выдохи и слова, проговорил волхв.

Тем временем Ратко уже снял свой лёгкий чёрный балахон и выжимал его. Оба обливались потом и были забрызганы кровью.

– Ага, ничего. Только хотели порешить всех баб тут. Да новых понабрать. Этого ты не учёл? – вдруг вспыхнул Ратко. – Да если бы я знал тогда... Сразу б... Поганые скоты.

Снорре молчал. Ратко махнул рукой наподобие тех жестов, которые обычно ставят точку на диалоге, и повернулся к притихшим женщинам.

– Меня зовут Ратко. Это Снорре. Идите, собирайте вещи. Мы доведём вас до ближайшей деревни, а там уж люди постараются помочь вам найти дом, – Гой развернулся к сидевшему на траве Снорре. – Надо отмыться.

Помывшись в бане и переодевшись в чистые рубахи, они начали собирать девушек во дворе. Обходили по очереди избы. Две девушки были обнаружены мертвыми. Остальных они старались успокоить и объяснить произошедшее. Мно-

гие были в шоке и ещё не полностью отошли от последствий морака. Был полдень, и на дворе стояла страшная жара. Вдобавок она усугублялась полным безветрием. Ветру было лень и травинку пошевелить, не то что подарить хоть немного прохлады. Весь двор был наполнен жужжанием мошкеры, кудахтаньем кур и тихими разговорами девиц. Некоторые из них уже собрали одежду и еду в дорогу.

Оставалось проверить последний дом на окраине поселения. Кособокий, он стоял в тишине и пугал своим мрачным видом почерневших брёвен. Вдвоем, стараясь не шуметь, Снорре и Ратко медленно вошли в сени. В доме было темно. Пахло рыбой и сушеными травами. Продвинулись дальше. Только теперь Снорре стал различать тихий плач в глубине девичьего угла, как местные называли комнату, где обычно ночевали женщины. Ступив пару шагов, он споткнулся обо что-то мягкое.

– Тшшш, – поднёс палец к губам шедший рядом Ратко и указал на распластанное тело.

Не без труда они узнали щуплого мужчину в кожаной шапке, которого Сожин при знакомстве представил как Креслав. В животе у него по рукоятку был всажен кухонный нож. Голова была запрокинута. В руке он продолжал сжимать колотушку.

Они переступили через труп и вошли в соседнюю комнату, откуда доносились всхлипывания.

– Тихо, тихо, милая. Мы не тронем, – успокаивающе ска-

зал Снорре и поднял руки ладонями вверх, показывая, что он без оружия. Сердце у него неожиданно забилося.

На него подняла заплаканные бирюзовые глаза та самая девушка из харчевни, которая угощала их козьим молоком.

Ратко осмотрелся вокруг и, не увидев больше опасности, похлопал друга по плечу. Потом он повернулся и тихо вышел из избы, пряча ухмылку в усах: «Ну, ну».

– Как тебя зовут? – спросил Снорре.

– Я... я не помню, – она было снова сморщила носик, чтобы заплакать.

– Ну ничего, ничего. Ты обязательно вспомнишь. А сейчас нам надо уходить. Меня зовут Снорре. Мы постараемся найти твой дом... Здесь не твой дом, – он протянул руку. – Пойдем. Надо собираться.

– Я ничего не помню, что со мной было? – девушка осторожно встала. – Я проснулась здесь и испугалась. А когда начала звать отца. Отец...

Она замолчала.

– Когда я закричала, то появился какой-то мужчина и начал на меня орать и бить меня. Он бы... Он бы убил...

Только сейчас Снорре заметил следы синяков у нее на шее и руках.

– Я знаю. Знаю. Пойдем. Так было надо. Просто не смотри вниз, ладно.

Они осторожно на ощупь прошли к выходу. Солнце ослепило, когда они выходили из избы. Прикрывая глаза от яр-

ких лучей, они подошли к группе собравшихся девушек.

– Ну, кажется все, – проговорил Ратко.

– Кто-нибудь знает, как её зовут? – спросил Снорре, показывая на стоящую рядом черноволосую кельнершу.

– Они не помнят, – выступила вперёд одна из девушек. Она была постарше других. Волосы повязаны синей лентой и собраны сзади в копну вьющихся кудрей. Брови нахмурены. Казалось, она была не уверена, но всё же решилась на что-то. – Я одна жила здесь по собственной воле. Меня не ворожили. Я помню многое. Уже год здесь. Остальные вспомнят только жизнь прежде того, как на них напустили морок, а это было обыкновенно до дня, как их сюда привели. Так мне сказали они. – и она махнула головой на трупы поселенцев.

– Как ты здесь оказалась? – выступил вперед Ратко.

– Угораздило влюбиться в этого, – показала на обезглавленное тело Сожина и быстро отвернулась. – Он привез меня из деревни километрах в ста пятидесяти на северо-восток. Я потом только поняла куда попала, но выбраться было невозможно...

Она сглотнула, подбирая слова:

– Они бы убили меня. Сожин не говорил остальным, что я не заговоренная... Свыклась... Сваля меня зовут.

– Чем занимались эти люди? – спросил Снорре.

– Много я не знаю. Все дела решали за границами деревни, если её можно так назвать. Иногда приводили сильно подсевших на сокх людей, но только на один-два дня. Схо-

ронят воон в том сарае, а потом уведут дальше в болота. Туда, на юг, к границе с Ливеллией.

– Хм, мы слышали много про пытки. Народ поговаривает, ведьмы якобы черпают свою силу из людских страданий. Знаете что-нибудь про это?

Сваля задумалась. Скептически скривила рот в улыбке.

– Нет. Думаю, этот мир обрастает легендами быстрее, чем кролики спариваются. Какой-нибудь путешественник, проезжая очередную деревню, по пьяни чего только не наговорит, лишь бы его бабы заслушались. Короче, о пытках я не знаю, по-моему, брехня всё это.

– Верно, волхв, – вмешался Ратко. – Мы никаких истязуемых там, у старухи, не находили.

– Хм... Но мы и не искали особо. Ладно, зачем наркоманов на юг уводят?

– Не могу сказать, – быстро ответила девушка, как будто ждала этого вопроса. – Послушайте, мы жили тихо. Стряпали, вели хозяйство. Мужики уходили на несколько дней. Потом приходили. Пьянствовали да гуляли. Обрюхатить нас никто не мог, ведуница давала им кое-какое зелье. Мы пили... Вопросы наши мужики не любили, но знаю, что с ведуницей они редко виделись, – её голос заметно стал тише. – Вы убили её?

– Да.

– Хорошо, – выдохнула Сваля. Тут она посмотрела на волхва и заговорщически улыбнулась. – Эту девушку мы зва-

ли Млада, но я не думаю, что это её настоящее имя.

С запада потянуло прохладным ветерком. Ветер принес запах болотных растений, где первую скрипку играл багульник. Чтобы не терять время светового дня, путники шли быстро. Двое мужчин впереди, девушки следом. Сваля по дороге объясняла женщинам, что с ними произошло. Они шли тесно вокруг неё и кивали. Кто-то молча оплакивал потерянные годы, кто-то опустошенно смотрел перед собой, всё ещё не веря в произошедшее.

По плану Снорре они должны были выйти на Виговец – первый крупный городок, почти вплотную примыкающий к северному краю Савошских топей. Там он хотел оставить девиц местному управителю для временного размещения и рассылки запросов о пропавших в ближайшие деревни. Селений было достаточно много, так как юг Республики считался благодатным краем для сельского хозяйства и от этого был густо заселён. Кукуруза, виноград, клубника, артишоки, абрикосы с апельсинами – практически всё росло в здешних местах. Сразу по прибытии Снорре хотел выслать срочное письмо Торчину дэ Лиллю, рассказав о результатах экспедиции. «А потом обязательно заглянуть к мельнику в Медовые Зорицы», – думал он про себя: «Единственная услуга, которую я мог оказать ему и вообще Медовым Зорицам – это

покончить с теми, кто убивал и забирал жителей из их домов. Теперь они отомщены. Надеюсь, мельничный не обманет. Так, что он говорил? Да, надо узнать у Гуно имя духа».

С этими мыслями он прибыл в Виговец, где их встретили так, как будто они выиграли войну. Угощениям и благодарностям не было конца. Одну девушку из группы похищенных сразу узнали и повели к родным. Остальных милостиво принял местный градоначальник и разместил их в единственном в городе постоялом дворе с двумя просторными гостевыми домами. Девушки были рады, наконец, присесть с долгой дороги и очутиться в безопасном месте, где о них могли позаботиться.

Снорре с Ратко задерживаться надолго не хотели. Рано утром следующего дня оба запланировали выезд в столицу.

Вечером девушки бурно прощались со своими спасителями в небольшой апельсиновой роще с фонтанчиком во внутреннем дворе. Большинство из них смущались и ограничивались бесчисленными словами благодарности, но были и те, кто бросились Ратко и Снорре на шею и оставили горячие поцелуи на их небритых щеках. Когда мужчины уже выходили со двора, невысокая девушка, с тонким станом, еще больше подчеркивающим её округлые бёдра, тихо подошла к Снорре.

– Господин Снорре, – тронула она его за плечо.

Волхв обернулся и расплылся в улыбке.

– Слушай, просто Снорре, ладно?

– Снорре, – всё ещё без улыбки серьезно произнесла девушка. – Могу я поехать с вами дальше в Ларракию?

Волхв вопросительно посмотрел на Младу.

– Я чувствую, мой дом не здесь. Не могу просто ждать, пока меня найдут... Ведь это может длиться годами!

Голос и характер у Млады оказались не такими, как представлял Снорре. Её голос не звенел милым колокольчиком как тогда в трактире на болотах. Вместе со снятым мороком изменилась и девушка. Она снова стала собой. Снорре видел, что во Младе есть и твердость, и достоинство, и смелость. Она не заигрывала с ним, а действительно хотела поехать дальше. Ему нравились эти железные нотки в голосе и уверенный взгляд прекрасных бирюзовых глаз.

– Я думаю, тебе решать, Млада. Но что ты будешь делать в столице?

– Хочу... Хочу найти работу, а потом сама буду искать свой дом, – сказала она, не сводя с него глаз. – Я не хочу жить в этом городе, ждать непонятно чего. Мне... Мне просто не сидится на месте после всего. Это, наверно, сложно объяснить. Даже самой себе.

– Думаю, я понимаю, – медленно протянул волхв. – Сегодня мы ночуем здесь, а завтра выдвигаемся в Ларракию. Я постараюсь помочь, чем смогу. Возможно, подключу свои связи в городе. Посмотрим. Спокойной ночи, Млада.

– Спокойной ночи. И... спасибо!

Снорре проводил её взглядом.

Он вынул пузатую зелёную бутылку в четверть литра, купленную у местного травника и оглядел её. В городке была единственная аптека, где можно было найти что-либо подобное – бутылку с толстыми стенками и расширяющимся горлышком. Туда он засыпет муки, как велел мельничный. «Не бог весть что, конечно, но сойдет. Надо будет потом сделать для неё кожаный чехол, а то расколется кто ненароком.» – думал Снорре.

На утро они втроём двинулись по главной дороге на Ларракию. Ратко с накинутым, по обыкновению, капюшоном, казалось, был глубоко в своих мыслях. Волхв непринужденно болтал с девушкой. Он не мог и не умел скрывать своей симпатии к ней. Было видно, что и Младе нравится компания Снорре, но сейчас все мысли её были заняты собиранием тех осколочных воспоминаний, которые всплывали в её памяти, в единую картину. Пока же она делилась с Снорре только некими образами, то ли детства, то ли более поздних лет: уединение какой-то, по-видимому, небольшой деревушки или города, лица, небо сквозь шумливые ивы, вода. Волхв говорил, что всё может вернуться постепенно, а может сразу. Он советовал не торопиться и не расстраиваться, если воспоминания не приходят.

На следующий день Снорре съехал с большака на неширокую дорогу, ведущую в Медовые Зорицы.

– Я догоню вас ближе к Ларракии. Нужно заехать кое-куда

по делам. Ратко, я тебе говорил.

– Да-Да, – проворчал Гой. – Иди приручай своего мельничного.

– Кого-кого? – спросила Млада, но Снорре уже пришпорил коня и удаляясь услышал, как Ратко нехотя начал рассказывать историю.

«Наверняка, не упустит шанс упомянуть про оказию с мешком муки», – подумал он улыбаясь.

На подъезде к Медовым Зорицам на дороге волхву встретились два всадника. Это были эльфы. Их белые волосы с синеватым отливом были собраны сбоку в пучок на манер, как это делали многие жители Айнах Ад’Дира. Светлые, почти прозрачные глаза спокойно наблюдали за приближающимся Снорре. «Странно, по виду вроде бы и торговцы, но оружие уж очень хорошей выделки», – подумал чародей. На плече каждого был вышит герб королевства северных эльфов – голова вепря.

– Здравствуй, волхв! – сказал, остановившись один. – Поздравляю с победой!

Снорре нахмурился.

– Извините, мы знакомы?

– Нет, но молва в здешних краях быстро разбегается. Твои успехи уже известны, пожалуй, всей южной Республике, – проговорил эльф, сдерживая ретивого мерина, который усердно мотал головой и рвал уздцы. – Извини за любопыт-

ство, но не видел ли чего интересного по пути? Говорят, где-то в здешних краях квартируется приграничный отряд Республики.

Волхв задумался:

– Не видал ничего такого. А зачем это знать гостям из далёкого Айнах Ад’Дира? Какими судьбами в наших краях, достопочтенные? – осторожно ответил Снорре.

Эльф дёрнул уголками губ в полуулыбке и пришпорил коня.

– Прощай, герой.

Голос прозвучало довольно саркастично, да и странное неприветливое поведение эльфов немного озадачили волхва. Он глянул им вслед и немного погодя поскакал рысью.

Зорицы жили своей обычной жизнью. Женщины ходили за водой к реке: кто воду набрать для дома, кто одежду постирать. Из местной кузницы слышалась громкая речь и смех. Дети носились в пыли с палками, играя в разбойников и доблестных рыцарей. Рыбаки сматывали удочки и подбирали ведёрки с налимами и форелью, заканчивая утреннюю ловлю.

У мельницы было тихо. Снорре подошел к двери и постучал. Никого. Он позвал хозяина по имени. Тишина. Только поскрипывала где-то не закрытая дверь... Или это были ставни окна. Мельница тоже не работала.

– Эй, мил человек, – окликнула его среднего возраста женщина, проходящая невдалеке сельской дорогой. – Нетуть

ево. Не достучитесь. Теперь уже через недельку ждите.

– А где он, не знаете?

– А в столицу укатил муку толкать. Сей год местные-то маловато у него берут. Вот подзаработать решилси.

– Спасибо, – крикнул в ответ Снорре, помахав рукой.

Женщина кивнула и пошла своей дорогой.

«Надо бы попытаться попасть внутрь», – решил волхв про себя. Он обошел мельницу со всех сторон и нашел дверь с внутреннего двора не запертой. Воровать особо было нечего. Снорре заглянул внутрь. Прошел маховой вал, небольшую хлебопекарню на первом этаже и поднялся на второй к жерновам. Тишина. Только ветерок шевелил листвой у реки. Волхв позвал духа несколько раз, надеясь, что тот выйдет на связь. Без ответа. Только доски поскрипывали от его шагов. Нагретые солнцем сухие брёвна приятно пахли деревом, хотя внутри было прохладно. Чернокнижник обошел второй этаж пару раз.

– Я убил ведьму! – крикнул он. – Чем я ещё могу помочь ему? Я оказал услугу! Да!? Эй!!!

Ни звука в ответ.

Вдруг на первом этаже раздался глухой стук. Снорре быстро сбежал с лестницы, прошёлся по складскому отсеку. В дальнем углу что-то белело. Он подошел поближе и увидел на полу упавший мешок с мукой. Вокруг порванного мешка образовалась овальная мучная клякса. Но самое интересно было то, что на этой самой кляксе – на тонком слое муки

– были выведены слова, как будто кто-то провел пальцем, выписывая кривые буквы. Послание явно предназначалось Снорре.

«МЕСТЬ НЕ ЗАЖИВЛЯЕТ РАНЫ! ЕМУ НЕ НУЖНА МЕСТЬ!»

– Вот чёрт! – выругался Снорре и через секунду добавил: – Так что ему нужно?

Он подождал еще несколько минут, задавая вопросы, на которые никто не давал ответ... и вышел.

Стало чертовски обидно, ведь он готов был пойти на многое ради своей цели. «Ладно... Значит не судьба. Всё что мог, сделал... Идиотские загадки! Не мог мне попонятнее объяснить. Кому нужны эти секреты?» – чертыхался волхв, то успокаивая себя, то снова негодуя на судьбу. Однако делать было нечего. «Возможно, если как-нибудь буду в этих местах, надо будет проведать Гуно и попытать его поподробнее. Может, всё же даст какую-нибудь наводку», – решил Снорре. Затем он взобрался на коня и поспешил в сторону столицы.

Город встретил их прекрасной погодой. Чайки как базарные торговцы галдели на берегах Дóована. Казалось, ничего не изменилось с того времени, как Снорре покинул город. Большая часть административного аппарата Республики по-прежнему находилась в загородной резиденции Верховного. Да, на улицах из-за приезжих было менее спокой-

но, чем обычно. В основном это были эльфы, причём не из соседки Ливеллии, а из более отдалённого северного Айнах Ад'Дира. Многие были похожи на беженцев: бедно одеты, с тюками поклажи. Они не были похожи на обычных путешественников. Где они все селились? Почему приехали? «Надо будет порасспрашивать Торчина», – подумал Снорре. Он также заметил, как улицы снова пополнились зависимыми от сокха наркоманами.

В остальном же Ларракия жила своим размеренным ритмом – изящная и древняя, тёплая и богатая.

Снорре в первый же день подал запрос на приём к Торчину дэ Лиллю и ожидал ответ. По словам секретаря градоначальника Торчин был в отъезде, и поэтому у чародея было время передохнуть. Весь следующий день после приезда он провёл в одной из известных купален столицы, нежась в горячих ваннах под открытым небом и подставив ноги нежным массажисткам. К вечеру они договорились с Ратко засесть в пивной с простым названием «Жаровня», которая располагалась в спокойном районе ростовщиков Гельветт Вагна вдалеке от шумного центра города.

Когда Снорре зашел туда, кельнер проводил его в отдельную подвальную полутёмную комнатку. Ратко, видимо, ещё не прибыл. Официант огласил меню и удалился за пивом. Помещение было уютно освещено свечами в подвесных подсвечниках. Волхв откинулся на спинку стула и закрыл глаза, наслаждаясь спокойствием и тишиной. Хорошее тёмное

пиво и каре ягнёнка. Как же давно он их не пробовал! И ведь заслужил, а? Снорре улыбнулся сам себе. Однако вскоре он будто почувствовал чье-то присутствие. Он нахмурился и обернулся к небольшому камину за спиной. В углу комнаты стояла скрюченная темная фигура в капюшоне ростом не больше метра и подрагивала.

– Я пришшла отомстить тебе, глупый волхвишка! – начала разворачиваться фигура. – Трепещи перед Внуч-ч-чкой!!! Волхв на секунду остолбенел.

Из-под капюшона выбилась непослушная черная борода. – Дурачина! – крикнул, волхв. – Ни с кем не шути так, Ратко!

Ратко Гой распрямылся во весь свой недюжий рост, от души веселясь.

– Ну што, обоссался от страха поди? – не унимался Гой.
– Странный ты человек, Ратко, – проговорил Снорре с улыбкой. – Вроде серьёзный, а такими глупостями занимаешься, как малец.

При свете свечей волхв увидел, что Ратко, наконец, отмыл свои вечно слипшиеся космы и привел в порядок усы и бороду. «Видимо, ненадолго», – подумал Снорре, глядя как его друг уплетает огромную рульку, которая в «Жаровне» называлась почему-то «Одинокий воин», и вытирает жир со рта рукавом кафтана. Вскоре подошла Млада. Втроем они выпили и закусили, оживлённо болтая и строя планы на будущее.

– Хочешь, я порекомендую тебя одной своей хорошей зна-

комой? Она квартирует несколько девушек, – спросил Снорре у Млады, прожевывая говяжью сардельку с кровью.

Ратко посмотрел на него сначала вопросительно. Потом неодобрительно. Покачал головой.

– Что? – засмутился Снорре. – У неё прядильное дело. Цех небольшой, на пять-шесть человек. Здесь, почти в самом центре. А ты что подумал?

– Хм... Я так и подумал.

Млада рассмеялась.

– Хорошо, мне кажется, для начала это было бы неплохо. Спасибо. А ты чем дальше займёшься, Ратко?

– Нууу, мне, подруга, одна дорога. В казармы Торчина. Снова на личную охрану. До следующих распоряжений. Хотя... думаю за голову-то этой курвы можно и небольшой отдых поклянчить. Может, съезжу на Стеффские холмы к родственничкам.

Так они просидели весь ужин, напоследок закусив сладкими булочками с кофе, а затем вместе вышли на улицу.

– Ладно, чай не в разных городах живём. Свидимся, – пожалуй, уже третий или четвёртый раз за вечер улыбнулся Ратко, что в целом, казалось, перевыполнением его планов на улыбки за год.

Ратко и Снорре обнялись на прощанье. Разошлись.

Волхв решил проводить девушку до заезжего двора, где она остановилась на пару ночей, пока хватало денег, выданных ещё в Виговце всем вырученным из неволи женщинам.

Они шли через главный рынок, наполненный шумом от торговцев, зазывающих попробовать лучшие местные помидоры, самых жирных угрей и щук, самые сладкие ватрушки, свежавыжатый апельсиновый сок. На прилавках красовались только что завезенные из Ливеллии абрикосы, знаменитые лечебные травы из предгорий Айнах Ад'Дира, оленина из Ильгукка и даже такие редкости, как сушеная печень омгла –огромной человекоподобной обезьяны с земель орков.

Не прошло и пяти минут, как Снорре уже пожалел, что повёл девушку именно этим путём. Несмотря на вечерний час народу было очень много, и им было сложно протолкнуться к нужной улочке. Снорре взял Младу за руку, чтобы не потеряться, и она была не против.

Неожиданно в мельтешении торговцев и покупателей мелькнуло знакомое лицо. Высоченный, седой, но ещё не старый торговец предлагал муку и свежеиспечённый хлеб. Крупные черты открытого лица и большой орлиный нос. Волхв присмотрелся. Не было сомнений.

– Гуно! – крикнул радостно Снорре, узнав мельника, и замахал рукой. – Это Гуно, мой знакомый.

Они начали пробиваться сквозь толпу в сторону прилавка с мукой. Снорре увидел, что Гуно тоже узнал его и с широкой улыбкой ждал, уперев руки в бока. Однако, по мере того, как они приближались, выражение лица мельника изменилось. Улыбка спала, а лицо будто окаменело. Оно просто перестало выражать что-либо. Гуно словно не верил своим глазам,

глядя через плечо Снорре. Волхв и девушка остановились напротив прилавка. Любопытствующая бойкая бабушка уже второй раз спрашивала, сколько просят за килограмм муки, а Гуно всё так и стоял, как будто увидел приведение.

– Глухой что-ли? – снова крикнула бабка с корзинкой, а потом и вовсе махнула на него рукой. – А, будто муки не у кого в городе купить. Понаедут больные невесть откуда. Ишшо на рынок пускають.

Снорре смутился. Проследил за взглядом Гуно и увидел Младу. Её глаза бегали из стороны в сторону. По лицу нельзя было понять, что произошло. Девушка будто не верила своим глазам и ждала, чтобы её разбудили или просто ущипнули, чтобы доказать, что это не сон.

– Сияна, доченька моя! – Гуно неуклюже натолкнулся на прилавок, словно хотел пройти сквозь него. Потом наощупь обошел стойку с выложенными буханками тёплого хлеба, роняя краюхи на землю. Шагнул навстречу девушке и обнял своими здоровущими руками. Она же всё никак не могла опомниться. С опущенными руками она уткнулась Гуно в плечо, и только слёзы струились у неё из глаз, наполняя их прозрачной бирюзой.

Этот момент Снорре запомнил на всю жизнь.

Девушку звали Сияна. Её похитили больше двух лет назад, когда ей было семнадцать. Она вспомнила всё до последнего момента. Своё детство, уход матери, мельницу...

Но последнее что она помнила – это как высоченная женщина с рыжими глазами просит её помочь донести корзину с продуктами до гостиного двора на окраине Медовых Зориц, в котором она, якобы, остановилась. Дальше Сияяна как ни старалась, ничего не могла восстановить. Дальше было только пробуждение в тёмной и пахнувшей сыростью хате на болотах несколько дней назад.

Отец теперь не выпускал её из объятий. Его глаза часто увлажнялись. Всё не веря своему счастью, он то и дело брал дочь за плечи: «Дай на тебя посмотреть. Дай погляжу. Как же ты изменилась, Сиянушка. Ну ничего. Ничего. Теперь мы заживём. Помнишь нашу мельницу? А помнишь, как мы с тобой рыбу у заводи ловили? Теперь я тебя никому не отдам». Потом он обнимал волхва и в сотый раз благодарил его: «Снорре, что хочешь проси. Ты для меня жизнь мою вернул. Ты как сын мне теперь». И снова глаза его наполнялись теплом и влагой.

На душе у Снорре разлилась необычная благодать, которую он не чувствовал никогда ранее. Радость за нашедших друг друга по счастливой случайности отца и дочь наполняла его. Это было самой высокой наградой всего прошедшего предприятия. Волхв смотрел на них и мог только улыбаться в ответ на бесчисленные слова благодарности.

Когда, наконец, эмоции улеглись, мельник свернул свой прилавок, и они направились в дом, где Гуно Манчак снимал комнату и часть склада у своего давнего друга.

– Так что же ты, волхв, не говоришь-то мне!?

– Про что?

– Так ведь про мельничного.

Снорре как будтошибануло. «Боги! Так вот же оно!» – вдруг осенило его.

– Да, да. Мельничный сказал, что он послужит мне, если я помогу тебе, Гуно. Мне нужно лишь узнать у тебя его имя, – затараторил возбужденно Снорре.

– Имя? Хм, но ведь и нет у него имени.

– Нет? Подумай, Гуно, что-то должно быть.

– Хм, да не помню что-то... Какое же имя он хочет...

Тут Сияна весело подтолкнула отца в плечо.

– Пап, а ты помнишь, как я в шутку назвала нашего мельничного в детстве, когда ты мне в щелочку между досками амбара показал, как он проказничает у нас в кладовой? – засмеялась она.

Гуно Манчак почесал в затылке, и они почти одновременно произнесли.

– Дядюшка Мель!

– А иногда звала просто – Меля, – добавил Гуно, не переставая улыбаться.

Почти мгновенно за спиной у Снорре послышался шум. Внутри его рюкзака что-то заклокотало, зашипело. Они быстро развязали рюкзак и увидели почти забытый волхвом небольшой бутыл с мукой, заваленный другими вещами: пара книг, несколько свёртков с заклинаниями, теплая на-

кидка и огниво. Бутыль бурлила изнутри фиолетово-бардовыми сполохами и вибрировала. Они быстро отошли в безлюдный узкий переулочек, каких было множество в Ларракии, и осторожно положили рюкзак на землю. Через некоторое время бурление прекратилось. Бутыль чуть просвечивала. Было видно, как внутри мука окрасилась в светло-фиолетовый цвет. Появились яркие как звёздочки искрящиеся вкрапления, то угасающие, то снова вспыхивающие.

– Готово... – тихо произнес Снорре, словно не хотел испугнуть волшебство. – Я узнал имя духа... Теперь мы связаны. Если просыпать горсть муки и назвать мельничного по имени, я смогу его призвать.

Волхв поднял глаза на Гуно с Сияной.

– Призвать? – заинтересовалась девушка.

– Спокойствие, – улыбнулся Снорре в ответ. – Обещаю по пустякам не тревожить вашего хозяина мельницы. Только в самых экстренных ситуациях. Он в бутылку, как джин, не переезжает.

– Ну вот и тебе радость, – хлопнул его по спине Гуно и они зашагали дальше.

С тех пор как волхв приручил мельничного, что было всего третьим известным случаем приручения духов в Республике за последний век, слух о нём вышел за пределы Левэра. Он стал известен повсюду как Снорре Мельник и считался самым многообещающим волхвом на здешних землях, а при

грядущих событиях такие люди скоро станут на вес золота и даже намного, намного дороже.

Сверчки и цикады

257 год (конец лета) от Союза Пяти Королевств
Королевство Ливеллия

«Великое озеро Тáйдушо! Безграничное! Иссиня-черное в непогоду и свинцово-синее в солнечные летние деньки, а в Ливеллии таких дней куда больше, чем во всех других королевствах. Страна всегда утопала в сочной зелени юга. Эти краски! Эти цвета! По легенде Тáйдушо образовалось из капли дождя, которая попала на золотой волос первой из Семиликих богов – Цартэ. Капля впитала всю красоту и нежность прародительницы и упала на землю, превратившись в прекрасное озеро. Поэтому озеро почти все сезоны тёплое как руки любимой женщины, как свежий хлеб. Разве что зимой ветер мог потрепать лёгкие эльфийские парусники, а то и скovyрнуть кверху днищем лодку зазевавшегося рыбака. Говорят, у озера в эти дни такой нрав, потому что в нем первой искупалась не Цартэ, а Шахнаэ – богиня ночи. И всё же Тáйдушо – единственное место во всех пяти королевствах, где можно круглый год наслаждаться прекрасной погодой и благостью природы... Да... Скоро снова начнет созревать инжир и миндаль.

Ничто не могло и не может сравниться с этим краем», –

с чуть грустной улыбкой закончил свой рассказ Хэвес яль Гомифьен.

– Дедушка Хэвес, а Расскажи ещё про Великую Войну, – Эльнаэ задрыгал ногами под одеялом от нетерпения.

– Поздно уже, принц, – улыбнулся Хэвес. – Отец потом Расскажет.

– Нееееет, он никогда не рассказывает. Он вообще злится, когда я его об этом прошу, – не унимался Эльнаэ.

– Ну, хорошо. Хм-хм, – Хэвес прочистил горло и заговорил, понизив голос. – Ты помнишь, как я рассказывал тебе о заселении этих земель: о Первой Волне миграции, когда на земли теперешних пяти королевств впервые пришли эльфы и гномы, о Второй Волне, принесшей людей с запада. Люди заселили дельту реки Д’оован и территории к западу от неё.

– И поэтому их называли Речной народ, – добавил принц.

– Верно. Это было очень давно. Тысячи лет назад. Ни один из живущих эльфов не помнит тех времён.

– Да-да, дедушка, мне бы про войну, – заёрзал под одеялом маленький Эльнаэ.

Хэвес задумался.

– Война... Войны не случаются сами по себе... Сначала люди и эльфы жили мирно. Людям было достаточно своих равнин и берегов Смирного моря. Они торговали с гномами, научились строить корабли лучше эльфийских, создали прекрасную армию, заложили столицу – Твердрек.

– Речная твердыня, – снова добавил принц.

– Да, так и переводится – твердыня на реке... Прошло шестьсот лет, и людям стало не хватать места. Прежде всего они шли за новыми пашнями – им надо было возделывать больше земель, чтобы прокормиться. Они двинулись на юг – на земли эльфов, а эльфам это не понравилось.

– Дедушка, а мы не могли поделиться землёй, ведь её так много? – спросил озадаченный Эльнаэ.

– Что ж, это непростой вопрос. Совсем не простой... Когда ты станешь королём, думаю, к тебе придёт это чувство. Чувство обладания землёй, которой ни с кем не хочется делиться. К тому же, если ты подаришь раз, будь уверен, к тебе заявятся и попросят ещё, либо придут другие и скажут «и нам давай».

– А продать?

Хэвес яль Гомифьен вскинул брови в удивлении, что его внук в свои семь лет высказывает вполне разумные мысли.

– Прекрасная идея, Эльнаэ, но нет – эльфы не стали ничего продавать... Началась война, позже названная Великой. Кажется, за это лето я вам уже рассказал о всех значимых битвах: Цвиклиг, битва за Крюсфодр, стояние у ДольфВей’ена. Повторяться не буду. За двадцать один год войны люди показали себя выносливее, упорнее, хитрее эльфов. Они переманили на свою сторону степной народ – ильгукков, пообещав неприкосновенность их степных территорий. Под флаги речного народа встали и гномы.

– Дедушка, а почему гномы дрались за людей? Чем мы им

не угодили?

– Видишь ли, за многие годы до Войны, ещё до переселения людей на эти земли, мы жили с гномами бок о бок. Но, по правде говоря, эльфы всегда считали гномов низшей расой. Эльфы устанавливали неравные права, относились к гномам свысока. Потом пришли люди, и между ними и гномами завязалась торговля. Они как будто лучше понимали друг друга. Эльфам же, похоже, было всё равно. Это наше упущение, что мы не заметили сближения гномов и людей, что были несправедливы и что не нашли в себе силы пойти на компромиссы.

Хэвес сделал паузу, наблюдая за принцем и пытаясь понять, правильно ли Эльнаэ воспринимает его слова. Принц заговорил неожиданно серьёзно:

– Люди первые напали на нас. Они жадные и подлые захватчики! Папа говорит, что если бы...

– Я много раз слышал, как твой отец фантазирует на исторические темы. Давай не будем об этом. История не знает слова «если», – прервал его Хэвес, слегка нахмурившись.

– Хорошо, деда, – насупился Эльнаэ, – вчера ты закончил рассказ на последней битве у ДольфВей'ена. Расскажи, что было дальше. Пожаалуйста.

– Дальше..., – вздохнул Хэвес и продолжил рассказ. – Дальше эльфы капитулировали. Эльфы, люди и гномы создали Союз Пяти Королевств, подписали пакт о ненападении и заключили Вечный Союз. С этого момента и начинается

новое летоисчисление нашего мира. С тех пор прошло ровно двести пятьдесят семь лет. Я родился после тех событий, но хорошо помню рассказы своего отца. По условиям Вечного Союза гномы сохраняли за собой весь север – Бурые горы, получали Намарскую равнину и обильные лесные угодья к западу от Бурых гор. Люди ликовали. Они приобрели обширные восточные земли с древними эльфийскими крепостями, густыми и богатыми зверьем лесами и сильно расширились южнее Стеффских холмов. Именно тогда более прогрессивная часть их населения отправилась на юг заселять и развивать новые пространства. Говорят, переселенцы заспорили о формах государственного правления и захотели отделиться. Так образовалось два государства: Драбант, располагающийся на исконно людских территориях – в дельте Дбована и Республика Левэр – южнее.

Люди вытеснили эльфов с их исконных земель, и мы были вынуждены мигрировать далеко на юго-восток. Ещё во время войны, двигаясь на восток, мы достигли гор и впервые встретили горных эльфов. Они приняли нашу сторону, но было уже поздно – перевес на стороне людей к тому моменту оказался подавляющим, а до окончания войны оставалось совсем недолго... Итак, Союз Пяти Королевств. Да, были созданы пять государств: Бурые горы – страна гномов на севере, людские государства Драбант и Республика Левэр заняли срединные земли, наша эльфийская Ливеллия – на юго-востоке и горный Айнах Ад’Дир – на востоке.

Хэвес приподнял свечу, чтобы взглянуть не спит ли его внук, но принц лежал с открытыми глазами, задумчиво глядя в одну точку. Эльнаэ молчал, и тогда Хэвес продолжил.

– После окончания Великой Войны люди заняли прежнюю столицу лесных эльфов – ДольфВей’ен, что, как ты, конечно, знаешь, означало «Раскинувшаяся шаль», и нарекли её по-своему – Ларракия. Сегодня это главный город образовавшейся Республики Левэр. Когда-нибудь ты побываешь там вместе с отцом во время очередного официального визита... Тебе понравится. Ларракия всё также хороша и всё также похожа на белоснежную шаль из острокрыших домов, раскинувшуюся по берегу Дóована... Впрочем, сразу после войны эльфы уже не могли любоваться красотами своего города. По условиям мира все эльфы были депортированы. Многие даже не успели забрать свои вещи. Условия мира были действительно жёсткими для нас. Пришлось срочно искать новую столицу для нового королевства. Так мы основали тот город, в котором ты живешь, столицу Ливеллии – Дёвитмэль, – Хэвес понизил голос. – Теперь давай спать, уже очень поздно. Как ты себя чувствуешь?

– Голова не прошла. И очень жарко, – тихо ответил принц. – Но, если ещё немного расскажешь, что было дальше, я, наверное, усну.

Из-за произошедшего Хэвес не хотел утомлять внука долгими рассказами. Принцу нужен был отдых. Лечебный отвар начнёт действовать во сне намного лучше.

– Эльнаэ, сейчас тебе важен покой. Если быстро заснёшь, завтра обещаю рассказать про войну Татэ – войну с орками, которая началась спустя шестьдесят пять лет после создания Союза. Расскажу, как за шесть лет войны наша Ливеллия потеряла почти половину населения, а Айнах Ад’Дир был полностью опустошён.

– Самое интересное... – мечтательно пробурчал Эльнаэ.

– Да, это долгая история. Думаю, тебе будет интересно узнать, как в конце концов все пять королевств объединились перед лицом общего врага и дали бой, как образовали Линию Несвернувшейся Крови – границу, проходящую по всему восточному краю гор Айнах Ад’Дира и по сей день охраняемую от орков...

– А можно чуть-чуть сегодня начать, – не сдавался принц. – Ну, чуточку.

– Спать, – уверенно и неумолимо ответил дед. – Я на балкончике у тебя ещё постою, пока ты не заснешь.

Он подошел к окну и приоткрыл его, чтобы впустить свежий воздух позднего лета и магический, почти осязаемый лунный отсвет. Отсвет как будто качнул шторы (нет, это был всё же ветер) и мягко прилег на резной шкаф, как домашний кот уютно укладывается на коленях хозяина. С башни дворца, расположенного на высоком холме, открывался прекрасный вид на береговую линию озера.

Хэвес нахмурился и взгляделся в берег, местами совсем скрытый за высокими акациями. Хоть он и отозвал половину

поискового состава, в темноте всё ещё можно было разглядеть светлячки факелов. Тёплый свет огня, то затухающего, то вспыхивающего ярче, подействовал на него успокаивающе. Огоньки медленно передвигались по ночной мгле. Хэвес даже улыбнулся неожиданной мысли – ему вдруг захотелось перегнуться через перила балкона и с высоты дворца подуть на этих маленьких светлячков, как дуют у костра на умирающие угли, чтобы те разгорелись ярче. Но вот снова вспомнился страшный рассказ внука, и на переносице Хэвеса образовались две вертикальные складки, придающие его благородному лицу ещё больше мужественности. В зелени глаз смешалась необъяснимая тревога и тусклые отсветы факелов. Все знали, когда появляются эти две складочки на переносице – Хэвес яль Гомифьен встревожен. Очень встревожен. Эльф, не прикрывая за собой двери, снова обернулся к внуку и уже в четвёртый раз за вечер повторил:

– Эльнаэ, ты твёрдо уверен в том, что произошло? Твой рассказ – это... Это... Точно не вымысел? Может, играли во что-то? Возможно, солнце сильно пекло?... Голова не болела?

Эльнаэ только фыркнул и отвернулся к стенке:

– Спроси ещё раз у Авилèро, если хочешь.

Хэвес выждал пару секунд и прикрыл дверь балкона, оставив щёлку. Снова взглянул во тьму. Постоял в тишине, которая принадлежала этой ночью только сверчкам и цикадам. Они всё играли и играли на своих скрипках. Хэвес глубоко-

ко выдохнул. Вынул из внутреннего кармана камзола трубку и закурил. Дед принца был, прямо скажем, не эталонным эльфом Ливеллии. Он не увлекался магией, не играл на музыкальных инструментах, не любил стихи и древние песни предков, не любил кошек и вообще домашних животных, что было абсурдом для зажиточных лесных эльфов. Но самым необъяснимым было то, что он имел возможность, но так и не завёл себе фамильяра. А ведь сильный фамильяр – это лучший помощник в жизни. Эти духи сказочных животных, в которых могла быть заключена часть души и магических способностей эльфов, играли большую роль в жизни немногих из оставшихся великих жрецов, а также эльфов королевской династии. Очень немногих... В своё время люди постарались на славу... Сначала они перебили большую часть жрецов во время Великой Войны, а затем ввели квоту на обучение новых. Разрешалась одна школа магии и ведовства! Всего одна! В таких условиях эльфы могли радоваться только тому, что им удалось довести переговоры до зеркальных мер по отношению к Речному народу. Только одна школа у людей и одна у эльфов – и все!

Всем было понятно, кто в данном случае теряет больше. Конечно эльфы, ведь их магические способности были куда сильнее людских. Вековые традиции, многие празднества, связанные с магией, знания ведовства и умение общаться с природой и богами – всё стало постепенно забываться и почти сгинуло спустя два столетия.

Это было сокрушительное поражение. Это были унижительные условия, но ради мира их надо было исполнять. Сразу после войны эльфы собрали большой совет, на котором постановили, где оставить главную школу жрецов, которых называли теургами. И так в течение года закрылись все училища кроме, пожалуй, самого сильного и почитаемого – Школы Пятнистого Василиска в городе Эмлен. Именно там теурги продолжали вызывать фамильяров себе в помощь или приговаривать их в помощь знатым эльфам королевских кровей. Не за бесплатно, конечно.

Однако Хэвесу это было безразлично. Можно только подумать, Хэвес – отец короля, носивший приставку «яль», то есть старейший из рода Гомифьен, и без фамильяра!? Он мог позволить себе что угодно, но вместо этого он удил рыбу, занимался своей небольшой винодельней, а на досуге ездил в ближайшие городки в образе простого торговца. Там Хэвес, как он сам выражался, мог и пива дерябнуть, да и вообще посмотреть, чем его страна дышит. Отцу короля было всего лишь двести тридцать два года. Это не старость, это всего лишь зрелость эльфа. «До трёхсот дотянуть – легче, чем в ладоши хлопнуть», – говорил Хэвес и был прав. Эльфы спокойно могли дожить до трёхсот лет, а некоторые жили и более. Сам процесс старения у эльфов замедлялся ближе к двадцати, а большая часть жизни их проходила в том биологическом возрасте, в котором людям и гномам приблизительно от двадцати пяти до сорока пяти лет. Потом у большинства

эльфов происходило «затухание». Ближе к двумстам восьмидесяти на лице эльфов уже можно было видеть морщинки и тот взгляд, который говорит, как много он видел и как скучно и даже больно видеть всё это снова и снова. В основном поэтому браки эльфов с людьми были случаем редким, хотя одно время считалось, что полукровки – наиболее сильные и выносливые создания в генетическом плане. И всё же в подобных союзах эльфы не могли переносить быстрое старение людей, их меняющиеся привычки, их немощь, их неминуемое старческое ворчание, наконец, их зависть. Люди в свою очередь не выносили извечного спокойствия эльфов и их размеренность жизни, ведь за свои триста лет они всё могут успеть. Эльфы не любили торопиться и строить планы. Они любили просто жить.

Хэвес тряхнул головой, отгоняя череду бессвязных мыслей и постарался снова восстановить рассказ внука. «Так, сначала они увидели... Нет, Эльнаэ увидел что-то блестящее в воде. Ага... Он подумал, что это драгоценная брошь или золотая монета, или даже драгоценный кристалл... Что дальше? Да, он нырнул. Наверняка было неглубоко. Хотя я ему говорил... Ладно. Он нашарил что-то мягкое и потянул, – Хэвес с усилием старался вспомнить, о чём ему говорили внук и его друг Авилеро. – Авилеро сказал позже, что Эльнаэ вытащил со дна что-то смятое, неприятное, пахнущее тинной и разложением. Вытащил... как будто за волосы!?»

Это в точь слова Авилеро. За волосы...

Едва уловимые крики на берегу заставили его отвлечься. Эльф прищурился, стараясь понять, что происходит. Двое подбежали ближе к воде. Засветили, замахали факелами. Один зашел в воду по пояс... Нет... Ничего... Снова разошлись. Тишина. Сверчки и цикады.

«Что было дальше? Если ребята не врут, то брошь действительно была. В виде черепахи. Но вместе с ней Эльнаэ вытянул на сушу что-то еще. Что? Авилеро стоял рядом и мог поклясться, что видел брошь на каких-то лохмотьях... и ещё... предплечье, подобие руки. Что за выдумки... Что там могло быть? Кажется, они говорили о половине лица. Часть зубов!? – Хэвес мотнул головой, отгоняя картины, нарисованные воображением, – Бред какой-то». Он, тихо ступая, вернулся в комнату внука. Эльнаэ уже спал. Хэвес секунду постоял у его кровати, тревожно осматривая ожог на плече, смазанный заживляющими маслами. Ожог был неправильной формы, в виде... На секунду показалось, что он напоминал фигуру сгорбленного человечка. Потом ожог продолжался вертикальным шрамом вверх.

– Да что же это?! – пробормотал в отчаянии Хэвес. – Что я скажу Ластреннэ? Что я скажу своему сыну?

Он задул свечу и вышел.

Гулко и одиноко звучали шаги в каменном переходе, который связывал правое гостевое крыло дворца с основным зданием. Переход нависал тёмным рукавом над небольшим садом, в который уже давно забрался мрак, и только ноч-

ные цикады пилили и пилили воздух своими ненастроенными скрипками.

Свежесть ночи приятно охладила строгое лицо эльфа. Его тёмная фигура то появлялась, то снова пропадала за чернеющими колоннами Дворца Трёх Теней. Это было небольшое поместье не дальше, чем в ста километрах от столицы эльфийского королевства, с колоннадой и красивыми витиеватыми балконами на вторых этажах. Располагался дворец на невысоком холме, а фасадом выходил на берег озера. Эльфийский принц Эльнаэ и его лучший друг Авилеро в то лето, впрочем, как и в последние три-четыре года, гостили здесь. Это было прекрасное место для отдыха на природе. Мальчишки весь день могли купаться в ласковых водах озера, а вечерами у костра слушать байки Хэвеса о былых временах. Вход в воду на северном берегу озера был, конечно, не такой приятный, как на южном с его знаменитыми песочными пляжами, но хозяин дворца при выборе места строительства отдал предпочтение впечатляющим видам, открывающимся с холма, а не золотым пескам.

Хэвес вошел в парадный зал, увидел, что шателен – первый смотритель двора – находится, как обычно, за своим письменным столом. Свеча на столе шателена колыхнулась, и смотритель поднял голову от своих бесконечных записей. Хэвес бросил на ходу:

– За господином Ноэлем послали? Когда будет?

– Господин Фъён Шалиф Ноэль будет ближе к утру, свет-

лейший. Мы отправили лучшего скакуна... – сказал смотритель.

– Сразу шли ко мне, – перебил его, уже поднимаясь по лестнице, хозяин дворца, – Авилеро тоже.

– Парень давно спит. – Шателен встал.

Хэвес остановился и молча обернулся на слугу.

– Понял. Разбудим.

Вверх по винтовой лестнице. Дубовая дверь. Вот он – просторный, чистый и уютный кабинет главной башенке дворца с прекрасным видом на озеро. Хэвес погрузился в кресло и снова отметил, насколько прозорлив был смотритель Вьюм, оставивший несколько незажженных свечей и огниво на его письменном столе. Эльф зажег одну их свечей. Бурые тона дуба северных лесов Ливеллии, из которого была выполнена мебель, тускнели в колеблющемся свете.

Это был тяжелый день. Хэвес прикрыл глаза. «Надеюсь, старый теург помнит, как снимать проклятия... или что бы это ни было», – подумал он. От приятной усталости его почти сразу стало клонить в сон. Снова стали всплывать страшные образы, суматоха дня, плач Эльнаэ, неясные и сбивчивые причитания Авилеро: «А потом...потом оно схватило принца! Запахло палёным. Я испугался... я... Я ничего не мог сделать! Эльнаэ схватил меня за руку, и я почувствовал, как через него меня тоже что-то жжет. Представляете!? Как будто... как будто изнутри меня начали выжигать калёным клинком. Вот тут. Сзади. На спине. Я услышал в голове шё-

пот... Словно какие-то заклинания на неизвестном языке... Мы вырвались... и побежали».

Было больно и одновременно приятно проснуться. Ощутить себя живой... или живым. И это всё. Не было ничего более, кроме ощущения жизни. Движения... Рождение... Наверное, это было оно. А потом сквозь пелену этой мути вдруг что-то ярко и тепло осветило, а значит, у него или неё было зрение. Стало легко. Но боль не уходила. Боль везде. А значит оно смертно. Везде вода. Плеск. Включился защитный механизм, и оно передало часть себя тем, кто был рядом. По-другому было нельзя. Это был риск, ведь они могли убить, затоптать... Но они не убили... Потом были крики этих существ, и они убежали... Потом.

Потом надо было только ждать.

Чуть подальше от воды – уже там, где колосились луговые травы, что-то зашевелилось. Полевая мышь бежала по своим ночным делам, останавливаясь, замирая и обнюхивая корешки растений. Её не отпугнул сильный запах тины и разложения. Мышь была любопытной. Мышь зашевелила носиком и подняла голову, пытаясь обнюхать нечто, смутно на-

поминающее часть человеческого тела. Её малую часть. И вдруг это нечто выдохнуло. Только мышь могла это почувствовать, таким слабым был выдох, и она почувствовала этот теплый воздух, исходящий откуда-то изнутри. Мышь рванулась в сторону, но было поздно. То, что напоминало руку, схватило её и сильно потянуло к себе. К подобию рта... Пока без зубов. Но это пока.

Прошло несколько лет. Инстинкты, заложенные в нём или в ней, позволили выжить. Начал пробуждаться разум. Зрение, слух были уже почти идеальными. Мышцы набирали силу каждый день. Оно жило у мелкой заводи, обросшей кустарником ольхи и камышом. Нужна была вода, ведь постоянно хотелось пить. К тому же, для начала проще было питаться самыми доступными видами жизни – лягушками, например. Они были отвратительны. Теперь оно понимало это, потому что вскоре появился вкус. Появились зубы. Но пока не появилось понимание, зачем оно здесь... Была только боль и желание прожить еще один день.

Ещё не было ног, и оно передвигалось на двух руках. Однажды оно забрело в лес в поисках пищи. Там пришлось опять долго ждать, а оно это умело. На третьи сутки повезло. Удалось поймать большого олененка, видимо, заплутавшего в чаще. После этого дело пошло быстрее. Кровь и мясо живого существа дали намного больше жизненных сил, чем хо-

лодные хрящи лягушек, и оно переселилось в лес.

Прошло ещё несколько лет, и оно обрело ноги. Оно обрело Цель. Оно знало «Зачем» и знало «Что делать». Цель была велика. И выполнить могла её только великая сила, которая и была заключена внутри него... или неё. Оно ещё не разобралось до конца только с этим, а что касается Силы – оно и было Силой.

Выйти в первый раз к подобным себе было не страшно. Страх, как таковой, ещё не был знаком. Да и многие другие более сложные чувства тоже. А раз их не существовало, должно быть они просто были не нужны. Знаком был голод, знаком был инстинкт охотника, знакомо было желание подчинить себе всё вокруг, как будто так было когда-то давно и отголоски этого чувства приятно грели всё внутри. Оно пока не знало языка, но умело проникать в их головы и потрошить всё, что можно было в них найти. Оно пришло к ним. Эти странные двуногие разбегались, кто куда, и тогда оно в первый раз улыбнулось. Они были смешными. Эль...ф.. – кажется, так они себя называли – «эльф». Что-то знакомое. Эти создания были нужны для чего-то. Для Цели. Для возвращения к «Благодати Творцов». Странные слова всплывали в памяти и приобретали смысл с каждым днем, неделей, годом. Оно поймало несколько эльфов, но как-то неловко.

Они перестали двигаться. Стали холодными через день. Они были невкусными.

Творить! Оно начало творить, и это было тоже приятно. Одно из тех немногих ощущений, которые доставляли удовольствие. Из холодных ненужных тел можно соткать тело побольше. И уже туда вдохнуть свою Силу. Силу, которая таится внутри него ... или её. Эту Силу можно было извлечь и направить вовне, в этот тусклый и простой мир. Силой можно было творить. Она была древнее и сложнее чем что-либо в этом мире. Но она подчинялась воле, и это было самое важное. Не один раз взошёл месяц, прежде чем сотканное, слепленное месиво из тел стало теплеть и зашевелилось с помощью Силы. Много ночей ушло на работу. Пришлось собрать много тел, прежде чем получился Он. Даже жаль, что поселение опустело. «Жаль» – это тоже было чем-то неизведанным, неприятным. Новое чувство.

– Я н а зову т-т-тебя... Шшшшмель! – наконец произнесло оно и улыбнулось своему созданию то ли женскими тонкими, то ли уже мужскими потрескавшимися губами.

Иногда Оно пыталось произнести то, что успело выучить, пока они, – эти сломанные, истерзанные эльфы, – доживали свои последние дни в связанных на скорую руку плетёных сетках, подвешенных на высокие и крепкие ветви дубов. Оно обучалось речи.

Шмель. Это слово оно подслушало когда-то у гуляющей

по лесу пары эльфиек. А теперь их части пошли на создание Шмеля. Всё просто.

Но довольно... Само собой возникло чувство времени и чувство необходимости действовать. Пора! Надо найти того, с кем оно связано навеки. В ком таится часть его (или её) Силы, переданная когда-то давно...

... И всё же чего-то не хватало. При своём пробуждении оно отдало часть своей Силы. Отдало её кому-то из эльфов, потому что только они могли выловить его останки из глубин Тайдушо. Теперь же для обретения полноты Силы надо было найти этот её осколок. Но как бы оно не вслушивалось в отголоски своей же Силы, оно было глухо. Отчаяние и злоба начали занимать слишком много места...

Тогда оно сменило тактику. Вместо того, чтобы искать эхо своей Силы, оно стало искать Силу чужую, чтобы насытиться, наестся ей и, возможно... Возможно, тогда оно станет чувствительнее. Возможно, тогда оно сумеет услышать то, что ищет.

Это помогло. Оно нашло достаточно сильное существо – колдунью. По счастью, она жила недалеко.

Несколько дней пути.

Когда оно постучало к ней в дверь, она открыла сразу, будто ждала. На смуглом красивом лице женщины ничего

не дрогнуло ни при виде безобразного создания, каким оно, безусловно, являлось, ни в момент, когда оно схватило её за шею.

Оно только узнало её имя – Гаруцца, и сразу выпило её, как изголодавшийся от долгой засухи зверь. Ему понравился её облик, её имя. Пожалуй, можно их оставить себе.

Потребовалась ещё много дней, чтобы тело приняло и полностью впитало всю энергию и магические способности ведьмы. Зато потом... Потом оно почувствовало этот мир намного шире.

Пробуждение

274 год (зима) от Союза Пяти Королевств
Королевство Бурых гор

Копыта лошадей вязли в глубоком снегу, и это сильно замедляло их движение. Ремдаль Трём зорко всматривался в чащу леса, силясь отыскать следы зайца или оленя, но мысли его были на шаг впереди – он обдумывал, где бы найти подходящее место для ночлега. Уже смеркалось.

«Слишком далеко зашли, – думал он. – Надо было возвращаться еще пару дней назад, когда перешли Лисий ручей. Еды нам хватит ещё на неделю, но что мы привезем обратно семьям? Этих трех зайцев, которые и так выглядят, будто голодали всю зиму?». Он бросил взгляд назад на привязанных к седлу зайцев, подвешенных за ноги, чтобы убедиться, что ни один не отвязался. Краем глаза Ремдаль заметил, как за ним шагах в ста плетется Уве. Обычно весёлый, сейчас он с уставшим видом покачивался на седле в такт грузно ступавшей рыжей лошади. Его глаза уже не высматривали жертву между деревьев. Он просто смотрел вперед в никуда, видимо, ожидая привала.

– Привааал! – крикнул ему Ремдаль.

Они поравнялись лошадьми.

– Давно пора, – обрадовался Уве. – Этот лес где-то здесь переходит в болота. Вишь как поредел. Ни одна животина сюда не сунется. Разве что глухаря или куропатку в снегу искать. Может где и хоронятся.

Ремдаль не спешил отвечать. Он подъехал к крупному валуну, привалившемуся к покосившейся ели, слез с лошади. Отстегнул топор и положил его на камень.

– Судя по меткам Батрога, где-то здесь должно зимовать стадо оленей, но я не видел ни копыт, ни помета. Или олени ушли, или старик спутал, – медленно и с досадой сказал Ремдаль.

Батрог много лет был первым охотником в их городке. Когда начался голод, он вывихнул ногу и не смог выходить из дома, но чертил карты каждому из желающих выбраться подалее из города поохотиться. В них были указаны тропы в местах, наиболее удаленных от Вандъяля. В те места еще не доводилось забредать большинству охотников, и только самый старый из них, Батрог, ещё хранил в своей памяти особенности тех ландшафтов – ручьи, пастбища, леса, где кто может водиться из живности. Но с другой стороны, Батрог был здесь давно, и всё могло сильно измениться.

Ремдаль присел на колени и расчистил небольшое место для костра. Рядом встал Уве, отряхивая рыжую курчавую бороду от снега и снимая ногу оленя с лошади. Они не ели почти весь день. Старались не тратить время на привалы и теперь с превеликим удовольствием посматривали на мяси-

стую голень. Для удобства они расстелили на снегу накидку, которую Уве снял со своего плеча. Он был на пять лет младше Ремдаля Трёма и поэтому хоть и ворчал, расставаясь с нагретой теплом его тела накидкой, но спорить не стал: уважение к старшим было одним из важнейших столпов, на которых строился быт гномов Бурых гор.

Солнце уже почти скрылось за стволами деревьев. Алое марево стояло над лесом и отражалось в небольших – не больше одного-двух метров – островках льда между сугробами. Подо льдом иногда проглядывались пузырьки воздуха. Когда Уве отходил по нужде, он заметил один из таких ледяных островков. Он подошел попробовать лед на прочность и осторожно наступил сапогом на тёмно-синюю корку. От небольшого касания ничего не произошло, но как только он перенес весь вес тела на ногу, по льду пошли тончайшие кракелюры. Уве медленно поднял ногу. «Значит, мы уже на болотах, – подумал он. – Лучше бы завтра развернуться домой. Сюда даже старик Батрог старался не забредать... Нехорошие места».

Они разожгли костёр, поели, стараясь особо не шуметь. Разговаривали мало. У обоих гномов было паршиво на душе. Уже неделю друзья были в пути и ни разу не набрали ни на дичь, ни на копытных. Зайцы были не в счет – их придётся съесть самим за несколько дней обратной дороги. Помнится, на второй день по отбытию из Вандъяля они подстрелили из лука оленя, который, видимо, отбился от стада. Его мясо

гномы растянули на неделю странствия – ели понемногу – побольше утром, вечером почти ничего. Сегодня они доедят последний кусок.

Эта зима выдалась особенно суровой. В округе Вандьяля вся живность ушла. Приходилось выходить всё дальше и дальше от Бурых гор вглубь равнин и лесов, но и там не было зверья в достатке. Иногда из столицы поступали запасы рыбы, которых, однако, было слишком мало для того, чтобы накормить весь город. Тогда многие семьи решили отправить своих лучших охотников на длительные вылазки в окружающие леса. Тут надо сказать, что охотников среди гномов было мало. В основном Вандьяль был знаменит добычей оловянных и медных руд и, конечно, своими кузнечными мастерами. В особенности хорошо получались боевые топоры, которые славились среди жителей Бурых гор, да и дальше – среди людей южных земель. Но охотников было наперечёт. Мало кто умел управляться с луком или арбалетом. Этому учились лишь избранные, кто с ранних лет проявлял себя самым ловким, да и кто в седле мог усидеть, ведь гном на лошади, тоже большая редкость. Ремдаль Трём и Уве Бур Кабрук были как раз из тех немногих, кто обеспечивал Вандьяль свежим мясом. Они и ещё несколько охотников организовывали вылазки несколько раз за месяц, уходя на день или два в лес. Остальное время гномы кормились рыбой из протекающей у подножья гор реки Омь.

Здесь же места были сильно отдалены от горных цепей.

По рассказам стариков, сотни лет назад именно на этих землях находилась деревня или даже небольшой город какого-то народа: то ли людей, то ли эльфов – гномы не знали. Видимо, потом места заболотились, и стало трудно возделывать почву. Поселение опустело. Оба товарища уже поняли, что это не сказки, ведь совсем недавно они видели остатки стен и фундаментов древнего поселения. Сам этот факт мало заботил их. Толку от стен мало – ни посолишь, ни зажаришь. Но все же было что-то особенное, потаённое и древнее в самом воздухе этого леса. Именно поэтому гномы старались не шуметь и тихо продвигались вперед, как будто не желая потревожить покой земли здешних мест.

Снег почти совсем перестал и теперь только короткие порывы ветра сбивали пушок с веток над их головами. Эти редкие дуновения ветра несли снежинки дальше, играя с их бликами на закатном солнце и рассыпая по земле, местами голый, местами устланной неглубоким снегом или льдом там, где проступало болото. Настала та тишина, которая бывает на закате хорошего зимнего дня. В ней можно было услышать лишь, как иногда трещат деревья от мороза, или как гаркает вдали ворон. Ремдаль, разомлевший от тепла костра и съеденного мяса, привалился спиной к дереву и ненадолго закрыл глаза. Он знал все эти звуки, знакомые охотнику с детства, но в последние десять минут он различал какой-то новый, не известный ему звук. Звук как будто исходил откуда-то изнутри земли в нескольких десятках метров от них.

Как будто пузырьки воздуха поднимались из глубин болота и старались пробиться к поверхности льда. Время от времени он отличал короткие и сухие щелчки, похожие на звуки трескающегося льда.

– Как думаешь пойти обратно? Тем же путем через Лисий ручей или попробуем сразу на север к горам, чтобы потом спокойно вдоль них двинуться на юго-восток? Авось так не заблудимся. Зверья нам всё равно уже не наловить. Худо со зверьем, так лучше из лесу этого побыстрее выбраться, – сказал Уве, прервав мысли Ремдаля, прислушивающегося к звукам леса.

– А тебе лишь бы к горам побыстрее. Что Смарве-то своей скажешь, когда ни с чем домой припрешься?

– А скажу, что Рем-прожора всю добычу на обратном пути съел, – заржал Уве во всю глотку. – Она не постесняется. Навестит тебя, да обухом приласкает.

В ста шагах от них вдруг треснул лёд четче и громче чем обычно. Гномы резко обернулись на звук и машинально схватились за оружие – Ремдаль за свой боевой топор, оставленный на камне, Уве за метательный топорик за поясом. Напряглись и начали медленно вставать. Замерли на полусогнутых, наклонив головы вперед к месту, откуда исходил звук. Из-за наступившего сумрака уже было слишком трудно разглядеть что-либо в деталях, но мгла все же не успела затянуть лес полностью. Они различали заснеженную поверхность земли, деревья, силуэты молодых сосенок, торча-

щие из снега то тут, то там, и гладь льда впереди. Вернее, лёд был уже не гладким, а надломленным, и как будто что-то просматривалось из-под корки ...

Сердце Ремдаля, дающее спокойный ритм, вдруг ухнуло куда-то вниз, потом застучало отчетливо в груди и выше, где-то у горла. Он с ужасом уставился на то место, откуда начали медленно вылезать две кисти с длинными пальцами и острыми когтями. Они с хрустом продолжали ломать лёд, немного подёргиваясь, пытаясь найти опору, чтобы вытянуть на поверхность то, что было подо льдом. Оба гнома замерли от страха, превратившись в один слух, в один взгляд. В этот миг у них даже не возникло мысли бежать без оглядки или стремительно напасть. Они просто ждали, натянувшись как струна. Ждали каждый дальнейший сантиметр существования. Вот, опёршись о края образовавшейся проруби, лапы потащила тело наружу. Медленно начала появляться лысая вытянутая, похожая на змеиную голова: бледная, с синеватым отливом и с чуть прозрачной кожей так, что были видны тёмно-синие вены на висках. Небольшие жёлтые глаза начали открываться и, открывшись, сразу встретились с глазами Ремдаля. Вода и кусочки льда медленно стекали по широким скулам. На несколько секунд водворилась тишина, нарушаемая лишь падением в воду капель и льда, стекающих с морды. Лапы были широко расставлены по краям проруби локтями вверх и возвышались над пригнутой головой. Кажалось, оно оценивало ситуацию. Прошло мгновение. Тварь

неожиданно пискляво чихнула, сбросив остатки льдинок и капель с головы, и как будто нехотя начало выползать на лёд.

– Ч-ч-что это? – первым очнулся Уве, еле выговаривая слова пересохшим ртом. Он сказал это шепотом, как будто думал, что тварь их не видит. – Надо убираться отсюда.

– Цмок – болотный чёрт, – так же шепотом ответил Ремдаль.

Уве пятился к лошади, чертыхаясь про себя, что так громко хрустит под ногами снег. Между тем существо выползло на лёд. Его тело было по размеру чуть больше лошади. Длинная шея уходила в мощные плечи. Было видно, как при каждом движении под толстой и гладкой, как у белуги, кожей медленно переваливались упругие мышцы передних лап. После широкой грудной клетки туловище постепенно сужалось и переходило в плоский и толстый хвост, как у огромного тритона. Только вместо задних лап у цмока росло несколько рядов костяных ножек, как у гигантского краба. Видимо, он пускал их в ход только на суше и складывал в воде. Тварь начала движение, приближаясь к гномам, и принялась медленно ускоряться.

Уве увидел, что Ремдаль уже залез на своего скакуна и вынимает лук. До своей лошади Уве надо было пройти с пару десятков шагов.

– Я прикрою! Беги! – уже в голос крикнул ему Ремдаль и выехал вперёд, встав между другом и приближающимся чудовищем.

Ремдаль на всякий случай проверил положение топора, закреплённого на спине кобылы, чтобы, если понадобится, можно было вынуть его без лишних движений.

Его чувства обострились. Он предельно чётко видел происходящее вокруг: вот цмок летит прямо на него, низко пригнув голову; Уве мчится к своей лошади; рядом догорает костёр, тихо потрескивая.

Приблизившись, цмок оскалил длинные зубы и зашипел, готовясь к прыжку. Одновременно Ремдаль услышал сзади топот копыт и крик друга: «Рем, он не один! Он не один!». Но Ремдалю уже нельзя было развернуться и посмотреть, что там происходит – он подпустил зверя слишком близко. Стрела с тяжелым железным наконечником – на медведя – вылетела, тонко простонав в воздухе. Гном был хорошим стрелком. С детства увлекаясь луками, он выбивал девять из десяти пущенных учебных воздушных змеев. И в этот раз он не промахнулся – слишком уж бесхитростно бежал зверь, да и расстояние было невелико.

Стрела пробила шею чуть ниже головы цмока и гоубоко вошла в тело. Зверь от силы удара дёрнулся в сторону и взвыл, длинными лапами обхватив и сломав древко. Он попытался достать остатки стрелы зубами, но не дотянулся. Вторая стрела попала точно в затылок беснующейся твари, и голова его безвольно упала на землю. По белому снегу расползалась тёмно-бордовая лужа.

Ремдаль начал поворачиваться, чтобы спросить Уве, что

значит «не один», но не успел. Какая-то сила с налету ударила кобылу в бок так, что она, не устояв, повалилась. Ремдаль полетел следом в заснеженные кусты, с хрустом ломая ветки. Когда он поднял голову, увидел, как к нему пробирается ещё одна особь, примерно такого же размера, но со старым шрамом по всей морде. Топор и стрелы остались на лошади, которая успела встать и отбежать в сторону. Тварь уже готовилась к броску, а он просто лежал на спине, приподнявшись на локтях, в ужасе, не соображая, как спастись.

Уве хоть и умел стрелять из лука, но на всём скаку – такого уровня он пока не достиг. Он понял – единственный вариант атаки – удар топором. «Надо спрыгнуть с лошади. Прямо на него! Прямо на него! – лихорадочно думал Уве. – Один шанс! Лишь бы не промахнуться!» Когда он приподнялся в седле и соскочил с лошади на спину чудовища, готовившегося атаковать Ремдаля, эта мысль всё ещё вертелась у него в голове.

Топор с хрустом вошел в спину и переломил позвоночник монстра. Цмок упал на бок, а Уве по инерции покатился дальше.

Тварь плевалась кровью, стараясь подняться, но нижняя половина чудовища была уже недвижима. Уве вскочил на ноги, выхватил из-за пояса два метательных топорика и сходу, пока зверь не очухался, прыгнул добивать. Цмок, воя от боли и силясь отползти в сторону, даже не заметил вновь нападающего гнома. Он повернул морду в сторону Уве, толь-

ко когда тот был уже на расстоянии вытянутой руки. Хрясь-хрясь! – и два удара, пришедшиеся точно в голову, dokonчили дело. Уве развернулся.

– Надо спешить! Они прут из болота!

Из глубины леса доносились потрескивания льда. Вдалеке, насколько позволяли видеть переплетения стволов и сетка веток, двигались пока еле заметные фигуры цмоков. Два справа и один подальше слева.

Пока Ремдаль быстрыми движениями собирал плащи и оставшиеся на земле припасы, Уве подозвал разбежавшихся лошадей. Они вскочили на скакунов и спешно двинулись.

У пробудившихся от спячки цмоков было мало шансов обогнать коней по суше. И хотя болотный чёрт имел всё, чтобы передвигаться по земле, строение его тела не позволяло развивать сильную скорость.

Гномы же не сбавляли бег, стараясь убраться как можно дальше от болотистых мест, понимая, что кони не могут разогнаться в лесу во всю прыть.

– Давай туда! – махал рукой Ремдаль. – Едем в сторону гор. Будем возвращаться вдоль гряды!

– Согласен! – крикнул в ответ Уве. – Клянусь бородой, как вернёмся, все оставшиеся зубы Батрогу повышибаю! Мог бы и накалякать этих сукиных детей на своей карте!

– Если бы он их встречал, об этом знал бы весь город! Его хлебом не корми, дай погеройствовать! Таких бы баек наслушались! – ответил Ремдаль, обгоняя на ходу друга.

Справа от них захрустел лес, громко заломались ветки, и они увидели, как наперерез им ломаются три твари. Одна была явно крупнее особей, которых они встречали ранее. Вокруг морды красовалась алая воротниковая складка. По всей видимости это была самка. Костяные ножки нижней части туловища быстро семенили по снегу, а две длинные передние лапы хватались за попадающиеся на пути стволы деревьев и с силой подтягивали тело к цели. Сзади самки едва поспевали два маленьких уродца. Оглушительно пища, переходя на свист, они старались не отставать от матери.

Гномы увидели впереди участок с более редким лесом и выехали на первую прогалину, понимая, что там лошади могут быстрее разогнаться. Но не успели они проскакать и несколько метров, как Ремдаль услышал громкий треск. Сзади него кобыла Уве наступила на тонкий лёд. Лёд треснул, и на всём скаку лошадь ухнула в образовавшийся пролом. Она попыталась передними копытами встать на край льда, но тот обломился, и вот уже лошадь была по брюхо в ледяной воде. Уве ловко спрыгнул с тонущей кобылы и отбежал по льду в сторону, где виднелась незаснеженная земля.

Пролесок оказался ещё больше заболочен, чем сам лес.

– Ремдаль, сюда! Скорей! Давай!

– Прыгай! – Ремдаль крутанул поводьями и развернул лошадь.

Краем глаза он видел, как цмок был уже в нескольких шагах. Твари было всё равно, кого есть. Она просто хотела

жрать после долгой спячки и поэтому выбрала добычу покрупнее и попроще. Следующим прыжком чудовище резануло когтями бок лошади и всем телом с наскоку прыгнуло ей на спину, утягивая глубже в прорубь – в свою стихию.

Уве запрыгнул к Ремдалю на лошадь. С двумя гномами на спине, да по снегу, лошадь не смогла бы сразу набрать скорость и уйти от преследования. Ремдаль это понимал и решил подстраховался. Он взял новую стрелу и прицелился. К ним быстро приближались два детёныша цмока, каждый метра полтора в длину. Один из них прямиком плюхнулся в уже окрашенную кровью лужу, где мать добивала лошадь, и откуда доносились холодящий кровь писк цмока и ржанье обреченной кобылы. Второй, видимо, поглупее, решил выбрать новую жертву и, обежав беснующееся в проруби семейство, двинулся на гномов.

– Обхвати меня и возьми за поводья! – крикнул Ремдаль – Нно!

Он пришпорил кобылу ногами, а сам не отпускал тетивы. Выцеливал-выцеливал.

– На!

Отпущенная тетива приятно обдала щеку ветерком, и звук был приятный – вшшш! Стрела ушла чётко в цель – пробила хребет чуть ниже шеи и пригвоздила тварь к земле. Это была вторая из трёх стрел на медведя – мощная, с зазубренным наконечником из суддверской стали, какую ковали гномы в самых глубоких северных пещерах Бурых гор.

– Нно! – Ремдаль закинул лук за спину и подхватил поводья из рук Уве.

Они поскакали дальше уже осторожнее, выбирая места, где была видна черная корка земли, не занесенная снегом. Сзади них цмок вылез из проруби. Кровь вместе с холодной водой стекали по всему телу. Остатки кобылы доедал её отпрыск. Мать подошла к трупку своего второго ребенка со стрелой в спине и обнюхала его. Она не завывала от горя. Нет. Она медленно повернула морду в сторону скачущих гномов и долго смотрела вслед.

Какое-то время ехали молча. Временами они останавливались и прислушивались, нет ли погони, но вокруг было тихо. Уже давно окончательно стемнело.

– Спасибо что выручил, – произнёс Ремдаль, не оборачиваясь. – Там... Когда на кобылу набросилась эта гадина и уже подбиралась ко мне... У меня не было шансов.

– Брось. Это кто кого ещё выручил... К тому же, ты всегда смог бы напугать его своей татуировкой, – Уве похлопал Ремдаля по плечу и через секунду гномы дружно загоготали так, что в какой-то момент испугались, что их услышат. Смолкли, улыбаясь. Весь город потешался над татуировкой Ремдаля с давних пор, когда он, ещё будучи юношей, ездил в столицу, город Фьяндхайм, чтобы набить себе на плече голо-

ву дракона. Но соблазны столицы так поглотили его, что он в компании новых друзей добрался до салона только на четвертый день. Все были, ясное дело, навеселе – против знаменитой пятидесятиградусной Фьяндхаймской наливки из морошки никто не мог устоять. С непривычки молодцу сильно ударило в голову. Ремдаль позже признавался, что и салон он выбрал, мягко говоря, не в самом благопристойном квартале города, и что татуировщик тоже лыка не вязал, ибо время было уже позднее, да и ежегодный Праздник Кузнечных ремёсел был в разгаре. Ну и вышло так, что у дракона один глаз косил, усы были растрёпаны, и не хватало пары нижних зубов, потому что уголь на тот момент кончился. Ремдаль уже давно перестал обижаться на безобидные шутки друзей, но поток юмора всё не иссякал.

– Ты слышал о таких существах, Рем? – спросил Уве тихо.

– Да, видел упоминания в паре трудов из библиотеки Верховных. Цмоки – считай, что водяные. Зимой обычно в спячке, но сейчас их что-то разбудило, – Ремдаль немного помолчал и добавил. – Мы далеко забрались, братец. Сам знаешь, за Лисий ручей мало кто из наших ходил. А Вандъяль, можно сказать, западный форпост всего королевства. Дальше нас на западе только леса, а потом пустоши да равнины. Кроме коротконогих степняков за сотни километров больше никого. А на северо-западе вот эти леса да болота... Дикие здесь места. Дальше охотиться слишком опасно. Надо возвращаться.

– Верно...

– Сначала поищем место под ночлег. Быля долго не протянет нас двоих... да в такую стужу, да со всей поклажей...
Гляди в оба, – Ремдаль показал рукой в сторону.

Лунный свет и белый снег позволяли проглядывать лес на некотором расстоянии. Уве посмотрел туда, куда указывал Ремдаль, и с удивлением заметил, что вокруг их снова стали попадаться заснеженные развалины неизвестно откуда взявшихся поселений, заросших лесом.

– Может, где пару крепких стен сохранилось. Нам бы хоть от ветра укрыться и то ладно. – произнёс Ремдаль.

– Рем.

– Мм.

– Что почувствовал, когда они попёрли на нас? Я, признаюсь, ничего не мог поделывать, ноги подкашивались. Просто хотелось бежать, куда глаза глядят.

– Я знаю, Уве. Но ты всё же переломил ему хребет и спас меня. Мы с тобой не воины. Много крови не видали. Как не бояться? Охота за зайцами, да и даже медведями – это одно, а вот такую тварину увидеть – тут можно и штаны обдристать.

– У меня почти получилось, – хмыкнул Уве. – Интересно, когда кого-нибудь из Вандьяля отбирают в королевскую армию, учат воевать с чем-то подобным?

– Точно учат тому, как одолеть наших горных троллей, пещерного блазня или оборотня, но в основном, думаю, учат воинскому искусству – физическая подготовка и тактика ве-

дения боя против армий, например, тех же мятежных гномов с Восточных Клыков Арма.

– Ха! Троллей!?! Скажешь тоже. Да я в своей жизни троллей-то раза два видел и то издалека, а уж эти столичные воюки и подавно тролличий дух от говна не отличат.

– В теории, Уве, в теории. Конечно, живую нечисть никто не отлавливает, чтобы на ней тренироваться.

Уве только хмыкнул.

– Во-во. В теории и я цмока за хвост на кулак намотаю.

– Уверен, Смарве ты всё так и представишь, – улыбнулся Ремдаль.

Исчерпав тему борьбы с нечистью, гномы снова замолчали.

Луна то выходила из-за туч, то пряталась. Когда серебристый свет снова падал на рдеющий лес, гномы вглядывались вглубь, стараясь отыскать подходящее для ночлега место. На пути стали появляться осколки скальных пород, почва стала каменистой. Пройдя еще около трёх километров, друзья остановились перед широкой прогалиной. Лес в тех местах совсем поредел, местами ещё попадались разрушенные и заснеженные основания небольших домов, но сквозь стволы деревьев гномы увидели впереди на поляне что-то более громоздкое, чем просто развал камней. Когда из-за их спин снова показалась луна, она осветила фасад двухэтажного строения, которое много лет назад, скорее всего, было домом старейшины или короля обитавшего здесь когда-то народа. Он

строился более добротно и поэтому сохранился лучше, чем все другие сооружения. Массивные каменные стены все ещё держались и, казалось, продержатся еще сто лет. Однако перегородки между бывшими жилыми помещениями, построенные из дубовых брёвен, со временем прогнили и почти исчезли.

Уве с Ремдалем осторожно обошли развалины, проверяя на всякий случай, не облюбовал ли это место кто-то другой. Вокруг была тишина. Болота – главная среда обитания цмоков – остались позади.

– Разместимся внутри, на втором этаже. Оттуда хорошо видна округа, – размышлял Ремдаль вслух, сплёвывая остатки жевательного табака. – Огонь на ночь я бы не стал разжигать. Только растопим воды и сразу потушим. Мы на несколько километров ушли от болот, но эти твари и по суше неплохо передвигаются. Могут увидеть дым и снова заявиться.

Они спешились. Как можно тише вошли в просторный холл первого этажа. Холл был практически пуст, в центре завален снегом. Они поднялись выше. Крыша на втором этаже проломлена. В углу темнел огромный камин, труба от которого, кажется, была самой верхней точкой дома в теперешнем его состоянии. Здесь можно было заночевать. Гномы снова спустились, привязали лошадь к дереву и оставили ей немного сухой травы. Сами же разожгли костёр в камине на втором этаже, не давая ему сильно разгораться. Стали греть

воду в котелке, да и ноги успели просушить. Напряжение и страх немного спали.

Уве облокотился о стену, пересчитывая стрелы в колчане, а потом, отложив их, полез рукой себе за воротник, пытаясь что-то выудить. Ремдаль спокойно наблюдал, как он, запутавшись в складках рубахи и теплой подстёжки из овчины, нервно дёргает рукой под одеждой в явной попытке залезть поглубже. Вот он что-то нащупал, вынул, подошел к огню, протянул руку поближе к пламени и раскрыл ладонь.

На ладони поблескивал кристалловидный амулет аметистового цвета. Внутри амулета клубился серый дым, то обволакивая изнутри грани кристалла, то скрываясь в глубине, и тогда амулет походил на обычный кристалл, но через пару секунд клубы дыма снова возвращались.

– Сегодня я даже не вспомнил про него, – Уве засмотрелся на амулет, явно любуясь.

– «Чур» можно использовать лишь один раз за жизнь... Я знаю, как он не просто достался тебе, и очень хорошо помню, как ты ходил к ведуну, который жил отшельником почти на границе королевства, – Ремдаль похлопал по плечу друга, отошел расстелить сшитое из козьих шкур одеяло. – Но всё-таки... Только раз в жизни.

– Я думаю это мог бы быть как раз тот момент. Мы были на грани смерти, Ремдаль. Как ты не понимаешь? Умереть? Или выпустить чура? Я бы его точно выпустил, если бы вспомнил. Чёрт, у меня мозг в сапоги вытек, видать, как

только я увидел, как эта нежить на нас тарашится.

Ремдаль уже умывался талой водой, сплёвывая в сторонку и фыркая: «Кххааа...Хорошо!»

– Я свой ношу на запястье. Браслет Рагна подарила. А я потом туда и чура прицепил. Да ты уж видел сто раз, – заулыбался Ремдаль, но всё равно присел рядом с Уве и засучил рукав. Кисть была обвязана в три оборота чёрными кожаными ремешками, в нескольких местах скрепленными серебряными скобами в виде зубов, торчащих из медвежьей пасти. На браслете был прикреплен кожаный чехольчик. Ремдаль отстегнул кармашек и повернул к Уве кисть, показать что внутри. В кармашке тускло мерцал зеленый стеклянный шарик. Так же как и у Уве внутри него что-то шевелилось, но не дымок, а мелкая россыпь искорок, похожих на звёзды. Они то вспыхивали, как будто в миниатюрном небе зажигался млечный путь, то снова, искрясь и медленно завихряясь, как ил в мутной реке, пропадали в зелёной глубине амулета. Ремдаль снова заговорил:

– Ты же знаешь, что чура мне поселил сюда сам Брок Эцо Уйверг из столицы на моё тридцатилетие. Пришлось ему отдать за это лучшие работы покойного отца – пять топоров, восемь отменных мечей, да ещё и овец привез. За такое дома себе покупают в Фьяндхайме, причем не самые плохие.

Чурами были предки гномов по прямой отцовской линии. В других землях королевства Бурых Гор их звали шурами. Гномы Бурых гор верили, что не все их покойные предки по-

кидают этот мир. Появившись в загробном мире, душа родителя знает всё, что было и что будет. Иногда она остается рядом с семьёй в тонкой прослойке между нашим миром и миром загробным, чтобы помочь в трудный час, о котором знает дух предка. Но чтобы помочь живому родичу душа должна материализоваться в этом мире. Много столетий назад гномы вместе с эльфами, населявшими эту часть мира, путем многолетних алхимических и колдовских опытов добились формулы проведения обряда, в котором чур призывался из тонкого мира блуждающих духов и заключался в амулет, предназначенный семье. Обряд был сложным и проводился только верховными жрецами и друидами. Бывало так, что друид не находил никого из чуров семьи в мире духов, и тогда обряд останавливался. Но если же обряд проходил успешно, то гном или эльф получали амулет и носил его обычно всю жизнь. Если жизнь протекала спокойно, без войн и опасностей, то амулет передавался дальше детям, обычно старшему сыну. Случалось, однако, что владелец амулета всё же был вынужден призвать чура. Нападет ли на беззащитного гнома медведь или тролль, или окружают его дом во время набега разбойники с Восточных Клыкков Арма, тогда гном разбивал амулет и выпускал чура. Обычно гномы не знали, что за предок таится в амулете. Верховные жрецы, когда заточали чура в кристалл, видели только душу в виде сгустка света. Но как только кристалл разбивали, чур на некоторое время обретал плоть, и только тогда его мог узнать хозяин амулета. Дух-

помощник мог быть давно покойный пра-пра-прадед, а мог быть и дед или отец, если их уже не было в земном мире. Чурры приходили в виде могучих воинов ростом намного больше обычного гнома или даже человека. Никто и никогда не знал, в каком виде они появятся. Некоторые приходили объятые языками пламени, с горящими глазами и мечами и бились вместе с попавшим в беду родственником. Почти всегда они спасали своего родича и исчезали уже навсегда, растаяв в воздухе. Однако бывали и случаи, когда нападавший был слишком силен, либо соперников было слишком много – обыкновенно это происходило, когда чур призывался во время смертельного боя между отрядами или многочисленными армиями, – и тогда бывало чур погибал, не успев спасти кровного сородича.

– Хорош оберег, – в который раз оценил Уве амулет Ремдаля. – И браслет красивый. Рагна умеет плести, ничего не скажешь. Не то что моя Смарвочка – только блины, да шаньги из печи достаёт, больше ни на что не годна... Всё равно скучаю по ней. И по братишкам – Вишке и Фенгару.

– Ничего Уве, скоро будем дома. Дня три-четыре, если поспешать будем. Может ещё на обратном пути козерога или тура завалим.

– А ты слышал, что в верховьях наших гор далеко на севере водятся гигантские туры, которые питаются гномчатиной, да и с троллем потягаться ...

– Не молоти чушь, Уве, заканчивай. И без тебя натерпе-

лись сегодня страха. Вот пойдём через недельку в кабак «У Говорливого Валуна», так ты мне у камина да за чаркой тёмного пива всё про этих своих туров и расскажешь. Давай-ка ложись лучше. – Ремдаль завернул конец одеяла на ноги, повернулся на бок, и накрылся с головой снятой с себя кожаной курткой. Через минуту он уже тихо захрапел себе в бороду.

Уве, все ещё гревший руки у теплых углей, бросил на него взгляд и укоризненно помотал головой. Ремдаль никогда не любил долгие разговоры, они его утомляли, а ведь Уве ещё столько хотелось обсудить. Честно признаться, и засыпать одному было страшновато. Он подошел к похрапывающему холмику скомканных шкур и нагнулся разглядеть походную сумку товарища. Наконец, увидел её и присел на корточки. Ему хватило нескольких секунд, чтобы найти жевательный табак Ремдаля. Табак был хорош. Действительно хорош. Уве это помнил. Как только он открыл крышечку жестяной круглой коробки, сразу почувствовал терпкий запах трав с еле уловимыми оттенками донника и зверобоя. «Не обидится, если чуток позаимствую», – прошептал он себе под нос, забрасывая щепотку жевательного табака в рот.

«А ветер переменялся», – думал Уве, стоя у края обвалившегося пола на втором этаже. Стен в этой части дома тоже уже давно не было. Далеко вдаль луна отражалась от небольших ледяных лужиц. Лес был тих, и только сова отрывисто укала в лохматых ветвях ели. Уве отлил, не сходя с места, метя в сугроб внизу и чему-то ухмыляясь в рыжую бороду.

Он думал о том, как он будет в красках описывать свои приключения братишкам и соседям из Вандьяля, как он возьмет за бороду старого Батрога и втолкует, что теперь сам будет чертить карты и уж точно отметит, куда не следует забредать гному, который дорожит своей бородой. «Хм. Старый лапоть...» – пробурчал Уве.

Он долго укутывался, стараясь принять удобную позу и не попасть под струи задувавшего внутрь здания ветра. Потом вынырнул из-под шкуры и сплюнул прожеванный табак в сторону. Глубоко вздохнул, ещё раз глянул, как там разместился Ремдаль, и заснул, снова чему-то улыбаясь.

Ремдалю снилась столица – могучий и древний Фьяндхайм. Ему снова было двадцать, и он стоял на одном из многочисленных балконов, высеченных из скал, с видом на Залив Медных Волн и Непрестанной Мглы. Ветер гудел в вырубленных туннелях, уходящих к центру города. Прямо под ним были известные всем пяти королевствам Ворота Наннекки, состоящие из десяти колонн, на которых были высечены статуи самых великих королей Бурых Гор. Башни с бойницами на нескольких уровнях были освещены факелами. Внутри окошек поблескивали шлемы стражи. Ремдаль лишь на миг увидел всё это. Его взгляд устремился в то место, где темные воды залива на горизонте почти сливались со свинцовым небом. Солнце закатывалось за край моря, но

почему-то алый диск не освещал вокруг себя ни толики неба и не отражался в волнах. Однако это не мешало Ремдалю даже во тьме полувидеть, почувствовать приближающееся нечто. Корабли? Рой гарпий? Просто шторм?

– Ремдаль! – кто-то окликнул его. Медленно и, как в тумане, он поворачивает голову и видит всех своих четверых братьев. – Надо идти, Рем, уходим. Надо спешить.

Сон медленно рассеивается. Слишком медленно, с чувством, как будто выныриваешь из тягучей смолы, он проснулся и тут же понял, что спал недолго. Голова его была все ещё накрыта курткой. «Прошло, наверное, совсем немного. Хорошо... Ещё можно отдохнуть», – подумал Ремдаль.

Он снова прикрыл глаза.

Шорох...

Снова шорох и еле уловимое в завывании ветра глухое постукивание чем-то по полу. Звук шёл со стороны, где должен был прилечь Уве.

Ремдаль стал вслушиваться и одновременно медленно, очень медленно убирать куртку с головы.

Послышался чуть заметный хруст.

Почти не двигаясь, все ещё в той скрюченной позе на боку, в которой он спал, Ремдаль одним глазом пытался взглянуть из-под куртки в темноту. Ему пришлось потратить несколько секунд, чтобы начать различать предметы вокруг. Начали проступать контуры стен и предметов. Но то, что он

увидел дальше, в глубине зала, там, где спал Уве... Сердце Ремдаля на секунду остановилось и сжалось, а по ногам и рукам пошла слабость. Он всё всматривался и всматривался, не веря своим глазам и цепенея от ужаса.

В двадцати метрах замерло существо. Это была она – самка цмока. Она извернулась в неестественной позе, расставив длинные передние лапы широко в стороны, чтобы сохранить равновесие. Хвост был приподнят в боевой стойке. Но взгляд Ремдаля не мог оторваться от её пасти – тварь мёртвой хваткой сомкнула свои смертоносные челюсти на шее Уве. Гном был обречен, но был ещё жив. Тело его уже обмякло и свисало в мелких конвульсиях. Но он смотрел. Смотрел прямо на Ремдаля. И видел. Рот Уве беззвучно шевелился, из глаз текли слёзы, а рука... Рука тянулась вперед, сжимая аметистовый амулет, и слабо стучала по каменному полу. Уве в предсмертной конвульсии хотел разбить амулет и высвободить чура.

Прошло лишь несколько секунд, но Ремдалю показалось, что он уже часами смотрит на них. В голове со скоростью неслись мысли: «Откинуть куртку и обнаружить себя! Броситься за топором! Но где я оставил топор!? Где!? Да, кажется, в том дальнем углу, где дом переходит в деревянную пристройку. Святой Годдварф – прародитель всех гномов, ему уже не помочь! Не помочь!... Нужно что-то придумать срочно! Если привлеку внимание, она тут же бросится на меня. А где малец – детёныш? Может он рядом? Надо выверить

каждый шаг! Каждый шаг!»

Животное все стояло, почти недвижно, как хищник, спокойно ожидающий, когда сметь настигнет обреченную жертву. Мелкие глаза цмока жутко бликовали от света луны. Её гортанный клёкот перемешивался с противными шлепками капающей на каменный пол крови. Чудовище вновь перехватило челюстями, сжимая их посильнее на шее, и в этот момент Уве из последних сил бросил кристалл о камень. Понесся звук разбитого стекла и одновременно снова хруст костей. Голова Уве безжизненно упала, а прямо под ней из амулета вдруг с шипением вырвался аметистовый дым.

Зал осветили сполохи. Из дыма начали проступать очертания плеч и головы с рыжими волосами. Фигура росла и начала материализовываться. Разведенные широко руки сжимали два коротких меча. Чудовище взвыло и бросило добычу, нацеливаясь атаковать нежданного гостя из другого мира.

Ремдаль понял, что это именно тот момент, когда надо действовать. Он молниеносно скинул куртку, вскочил на ноги и кинулся к прислоненному к стенке топору.

В этот самый момент предок Уве начал угасать. Ремдаль знал, что если хозяин заговоренного амулета умирает, вместе с ним и пропадают чары, вызывающие чура к жизни. Ремдаль бежал сломя голову. Краем глаза он видел лишь спину чура – спину, которая начала истончаться. Чур принял стойку, занес правую руку для удара, но тут же упал на колени,

и вокруг его тела снова появился аметистовый дым. Тогда цмок прыгнул, целясь когтями в чура, и... Пролетел сквозь уже рассеивающийся силуэт...

Только тут она заметила его.

Но Ремдаль уже был на месте.

Когда огромная фигура цмока поворачивалась к гному, Ремдаль уже поднимал свою секиру, радуясь, что если умрёт, то в честном бою. Гном выпрямился.

Раздался треск.

Прямо под ногами у гнома проломились прогнившие половицы и он, даже не успев вскрикнуть, полетел вниз на первый этаж в гору хлама, занесенного снегом.

На какое-то время воцарилась тишина. В ноге садануло болью. Он приподнял голову. Ничего. Кажется, только сильная царапина. С топором в руке Ремдаль выкарабкался из завала. Он стоял в главном холле на первом этаже. Вокруг него не было никого. Ремдаль посмотрел вверх – никого. Проем на второй этаж, через который он упал, зиял чёрной пустотой.

«Да что же это?! – крутилось в голове у гнома. – Иди сюда, тварь! Ну же! Где ты?!».

Тишина.

За ним никто не спускался.

Сверху начали доноситься звуки.

Вот послышалась едва различимые возня, визг и чавканье. Потом треск разрываемой материи или плоти. «Её выродок всё-таки там, с мамашей», – Ремдаль слышал, как оба копошились: жадные и ненасытные.

Лошадь стояла с тыльной стороны дома и это её уберегло. «Видимо цмок вышел из чащи и пошел сразу наверх, – думал Ремдаль, осторожно, но быстро, шагая к выходу. – А может, эта тварь достаточно умна, чтобы понять, кого надо убить во сне? Возможно ли такое? Может, сейчас она не хочет связываться с моим топором? Она чувствует опасность? Зачем ей рисковать, если ужин уже подан?»

Ремдаль уже выбрался из дома и теперь приближался к тихо похрапывающей лошади. Мысли смешались.

Страх гнал вперед.

Ноги гнали вперед.

Гном остановился перед лошадю. Прошла минута, две, а он так и стоял, уткнувшись лбом в шею Были. Та смиренно ждала, тихо переминаясь передними копытами по снегу.

«Эти твари жрут Уве... Они жрут моего Уве, а я... Но что я могу сейчас сделать?! Отомстить? Есть в этой мести смысл, если никому кроме меня она не нужна, и никто о ней не узнает? А кому ещё может быть нужна эта месть? Кому!? Только мне! Прожорливые твари! – мысли Ремдаля мелькали как стрелы, выпущенные в небо, и зависали у него в голове. – Мне не справиться одному. Только пращур! Только он может разорвать их. А если убегу, что потом? Что сказать

Смарве? Уве не похоронен... Брошен... Трус! Ты так и будешь стоять тут?! Скоро нечего будет хоронить. Огня тебе в бороду, долбаный истукан – или иди туда или вали отсюда!»

И он зашагал. Сначала медленно. С каждым шагом буря в груди нарастала, а мысли... Нет, они не приходили в порядок, они просто начали исчезать, пока всё не превратилось в движение, в цель, в направление, в месть и ярость!

Лестница под ним закрипела, но это было неважно. На ходу, уже не прячась и не смягчая шаг, он оголил кисть и извлёк из чехольчика зеленоватый стеклянный шарик. Внутри кристалла ярче, чем обычно, вспыхивали и переливались десятки ярких искр. Ремдаль сжал его в левой руке и двинулся на второй этаж. В правой руке поблескивал в лунном свете топор, исписанный рунами с гербом клана Трёмов – перекрещенные молоты на фоне горы и надпись на диалекте Бурых гор «Каменная твёрдость во всём».

Приближаясь к концу ступеней, Ремдаль замедлил шаг. Чавканья цмоков не прекратились. Одолев последнюю ступень, он уже стоял в десяти метрах от того, что осталось от Уве и от склонившихся над трупом цмоков, которые были так поглощены трапезой, что даже не слышали Ремдаля. Луна проникала через разломы стен и потолка, и её свет падал сверху на сгорбленные спины цмока-матери и её отпрыска.

Ремдаль глубоко вздохнул, замахнулся левой рукой и заорал, разбивая о каменный пол ярко-зелёный шар со сво-

им щуром. Он заметил, как змеиные головы цмоков молниеносно повернулись на своих длинных, мускулистых шеях, но когда их глаза встретились, между ним и цмоками уже выросла зеленоватая пелена. Ремдаль видел, как цмоки начали разворачиваться, их силуэты словно плыли в зелёном мареве. Потом последовали две ослепительные вспышки. Звери пронзительно завизжали. Ремдалю пришлось прикрыть рукой глаза. К этому моменту он уже стоял в боевой позе, полуприсев, взяв топор двумя руками и отведя их назад для разящего удара.

Когда он открыл глаза, марево почти испарилось, и он увидел своего деда – Къельда. Къельд был лучшим воином в своём клане. Десять лет назад он не вернулся с морского набега на дальние земли, который совершил совместно с флотом Речного народа. Многие корабли тогда не вернулись. Теперь же дед Ремдаля стоял как живой, только раза в три больше чем при жизни – почти размером с цмока. Тело Къельда мерцало: истончалось, становилось почти прозрачным, потом снова принимало отчётливую форму. Он был одет как в те времена – в простой кожаный панцирь, прикрывающий грудь и спину, широкие синие штаны. Колени и локти были перетянуты металлическими пластинами. Обе руки крепко сжимали молоты на длинных рукоятках. Таким появился щур Ремдаля Трёма – Къельд Трём.

В следующее мгновение цмок атаковал. Он оттолкнулся своими передними лапами от пола и взмыл вверх. Къельд

чуть присел на левую ногу и, тоже оттолкнувшись, прыгнул вправо, разя молотом в плечо чудовища. Послышался глухой удар и визг. Цмок завалился на бок и, промахнувшись, щёлкнул окровавленной пастью в нескольких сантиметрах от головы щура. Тварь рухнула на правый бок, стараясь тут же подняться, но щур уже сделал очередной замах и, подскочив в два шага, левой рукой обрушил всю тяжесть молота на монстра. Молот с хрустом пробил грудную клетку твари. По груди начала расплзаться темно-алая жижа, но этого явно не хватило, чтобы усмирить её. Самка цмога извернулась и намертво схватила лапой левую руку Къельда, не успевшую поднять молот. Къельд постарался вырваться, но не смог, и тогда он, расставив ноги, уже был готов добить тварь своим вторым молотом. Орудие уже чертило в воздухе дугу, искрясь зелеными бликами.

Цмок оглушительно завизжал.

Къельд заорал в ответ.

Ремдаль бежал к ним, закинув топор над головой, но не успел.

Второй цмок – детеныш твари, сзади навалился на Къельда. Впиваясь острыми клыками в шею и затылок деда, а передними лапами разрывая спину, он повалил щура прямо на истекающую кровью мать.

У Ремдаля было время, чтобы оценить угол удара. Подбегая к вцепившемуся в Къельда детёнышу, он перехватил рукоятку топора, замахнулся и секущим движением сни-

зу-вверх полоснул по предплечью, стараясь выбить детёныша цмока со спины упавшего Къельда. Цмок отлетел на несколько метров, а его лапа, разрубленная острой секирой, полетела в другую сторону. Тело детёныша болотного чёрта протащило еще пару метров по каменному, запорошенному снегом полу к краю, где он обрывался и начинался большой разлом. Тонко завизжав, цмок попытался зацепиться за край пола, но не смог и сорвался, оставив после себя лишь широкую полосу крови.

Ремдаль быстро развернулся и с удивлением увидел, что пораженная молотом мать цмока снова поднялась и борется с Къельдом. Сцепившись в рукопашной схватке, они таскали друг друга из стороны в сторону. Один молот лежал на земле, выбитый из руки, другой был в левой руке щура, но её крепко удерживала огромная мускулистая лапа цмока. Правым кулаком, облаченным в кожаную перчатку с металлическими накладками в виде небольших заостренных шишек, Къельд быстро наносил удары по цмоку. Тварь старалась укусить его: пасть, наполненная двумя рядами острых, как кинжалы, зубов, клацала зубами перед носом у гнома.

– Ремдаль! – закричал Къельд, и голос его показался таким знакомым. – Добивай! Моя сила на исходе!

Было видно, что вся спина и затылок щура были разодраны, а часть шеи и вовсе отсутствовала. Не будь это дух из другого мира, гном бы уже давно лежал мёртвым. Из ран не текла кровь, но пораненные места как будто источали то са-

мое марево, из которого появился щур. Оно прозрачными струйками растекалось вокруг, как зелёная краска, сильно разведённая в воде, как раскаленный солнцем расплавленный воздух. Израненный пращур слабел. Цмок начал двигаться вперед, тесня упиравшегося Къельда. В этот момент Ремдаль попытался атаковать сбоку, но цмок вовремя заметил его и ударил хвостом. Удар был страшный по своей силе. У Ремдаля на секунду всё потухло в глазах. Он полетел кубарем в сторону, к разлому в полу, но успел взмахнуть топором и ударить его о каменный пол, остановив скольжение прямо перед обрывом.

В боку и ноге Ремдаля нарастала боль, но он не обращал на это внимания. Адреналин заполнял каждую его клетку. Гном ещё мог двигаться, а значит, мог драться. Надо подниматься! Он увидел, как цмок снова бросился на Къельда и навалился на него всей своей массой, буквально придавив к полу. Послышался хруст – болотный чёрт вывернул и как-будто сломал левую руку щура, все ещё сжимавшую молот. Молот со стуком упал. Рука безвольно повисла. Къельд вскрикнул и уже на коленях смог нанести два мощных удара прямо в морду монстра, но тот только отпрянул назад и раскрыл пасть. Алая воротниковая складка вокруг его морды вдруг развернулась и затрепетала, издавая клокочущие-шипящий звук. Глаза яростно блеснули. Стало понятно, что на этот разящий последний бросок тварь положит все силы. Мускулистая шея распрямилась. Это походило на бросок

кобры – молниеносный, фатальный. Когда пасть цмока сомкнулась, Къельд не успел ничего предпринять. Зверь схватил зубами его голову и замотал в стороны, ломая шею в нескольких местах.

Ремдалю не было жаль щура, ведь это было лишь его временное воплощение. Его предок пришёл, чтобы спасти своего внука. Он уже был мёртв и теперь умирал снова.

Когда Ремдаль подбегал к цмоку, вцепившемуся мертвой хваткой в Къельда, у него проскользнула только одна мысль: «Это не должно быть напрасно. Ты пришёл не зря! Ты пришёл не зря!»

– Нааа! – закричал гном, собрав все силы и метя ударом топора прямо цмоку в лоб.

Кровь пульсировала у него в висках. Ремдаль увидел, как безжизненное тело Къельда начало подрагивать и по частям растворяться – таить. Прозрачная и в тоже время мутноватая мгла разъедала остатки тела щура, которое всё еще моталось, терзаемое чудовищем. Вот расплылись ноги. Потом рука отделилась от предплечья, проплыла несколько сантиметров в сторону и тоже растворилась, как масло на сковороде, оставляя после себя в воздухе только полупрозрачную субстанцию. Последней с шипением исчезла голова гнома, а зубы цмока клацнули, смыкаясь. Цмок с удивлением уставился в муть, оставшуюся от Къельда и зависшую в воздухе. Он

не смог увидеть, как к нему приближалось испещрённое рунами лезвие секиры. В этих остатках марева время будто замерло, и Ремдаль понял – он ЗАВИС. Прошло несколько секунд, а он всё оставался на том же месте: в воздухе, в прыжке над чуть склоненной головой твари. Оба, и цмок и Ремдаль, попали в необычную зону, которая образовалась при переходе щура из мира живых в мир мёртвых. Пространство в этом месте имело свойство значительно замедлять время.

Ремдаль всё летел и летел, напрягая изо всех сил всё свое тело, чтобы успеть прорубиться сквозь эту вязкую воздушную массу и нанести удар сверху вниз прямо в череп чудовища. Казалось, они так и замерли на целую вечность – удивленно моргающий цмок с растопыренными красными воротниковыми складками вокруг головы и зависший над ним Ремдаль, медленно, но верно, опускающий секиру цмоку прямо в морду. Голова цмока начала поворачиваться вверх навстречу приближающемуся лезвию. Желтые глаза болотного чёрта встретились с глазами гнома. Ремдаль не смог прочитать в них ни страха, ни гнева, ни того, что могло быть похожем на эмоции или чувства, близкие и понятные гному. Глаза твари просто смотрели сквозь воздушную муть и ничего не выражали. Мысли же Ремдаля были чистыми – марево замедлило время, но никак не повлияло на его сознание, он только должен был успеть – успеть убить! Рот его был раскрыт в беззвучном вопле.

Когда топору осталось преодолеть лишь каких-то полмет-

ра, последние остатки исчезающего Къельда испарились, а, следовательно, исчезла и та волшебная субстанция, из которой состоял щур, и которая окутывала обоих сражающихся. Неожиданно Ремдаль снова почувствовал притяжение земли, вся вложенная в удар сила обрела направленность, а топор обрушился со всей своей мощью вниз.

Удар был такой силы, что просто расколол змеиный череп надвое – секира завершила свой полет, врезавшись в каменный пол. При этом гном успел сгруппироваться и приземлиться, упав на одно колено. Раскрытая голова цмока рухнула рядом, задние клешни расплзлись, и тело медленно осело, мелко подрагивая.

«Всё», – прозвучало в голове у Ремдаля.

Дальше он слышал только своё дыхание – только дыхание и тихие порывы ветерка, продолжающего задувать снег в расщелины стен.

Было странное чувство, что он остался совсем один, а ведь ещё несколько минут назад тут боролись за жизнь несколько живых существ.

Медленно поднимаясь с колена, он обвёл глазами пространство: тело цмока, голые и безжизненные стены, холодный и враждебный лес вдаль, луна, снова тело цмока, топор. От места, куда вошёл топор, по полу расплзались трещины.

Постоял. Отдышался.

«Надо похоронить Уве, – подумал гном. – Я вернулся за тобой, Уве. Я отомстил.»

Он нашёл остатки друга и положил их на плащ. Затем завернул и взвалил на плечо, не обращая внимание, что плащ сразу пропитался кровью. Потом нашел неглубокую рывтвину рядом с домом, аккуратно положил туда труп и засыпал его землёй и камнями, собранными из развалин дома. Краем глаза он увидел детёныша цмока, бездвижно валявшегося в сугробе. Часть сугроба немного подтаяла и налилась тёмной кровью. Ремдаль сплюнул. Зачем-то подошел к трупу цмока и со всей силы пнул сапогом в открытую зубастую пасть.

Потом немного посидел у могилы Уве. «Твое тело не найдут ни волки ни эти твари, – подумал он. – Прощай, друг. Извини меня... Было слишком поздно. Ты же знаешь. Ты сам всё видел... Было поздно». Ремдаль закрыл глаза.

Потом встал.

Надо было возвращаться в Вандъяль. Он в последний раз залез на второй этаж, осматривая, что можно взять с собой. Прихватил остатки еды и котелок для разогрева воды. Затем спустился вниз и взобрался на смирно ждущую его лошадь: «Давай, Быля. Домой!»

Когда начало светать, его, наконец, перестало трясти. Он немного замедлил шаг лошади. Чуть нагнулся назад к дорожным сумам, пытаясь найти свой жевательный табак. «Чёрт, я же его сюда точно положил, – подумал он, – куда же ты делся?» Ещё немного покопался, но ничего не нашёл. «Точно

Уве спёр, сукин ты сын, – неожиданно захохотал Ремдаль. – Ты меня и мертвый достанешь. Надеюсь, пришёлся по вкусу табачок, рыжая твоя башка». Смех Ремдаля смолк... и он смахнул солёную влагу с усов тыльной стороной ладони.

Вдали виднелись отвесные склоны Бурых гор. Теперь до них и на юго-восток. Домой.

Первый шаг

274 год (поздняя осень) от Союза Пяти Королевств
Королевство Ливеллия

– Должно быть что-то ещё! – не унимался окосевший от кленовой настойки Съён.

– Да хорош издеваться-пто. Больше ничего не знаю. Правду тебе говорю. Хоть железом кали, – мотал головой его собутыльник. – Говорят, вся деревня полегла от мора. Не суётся туда больше никто. И всё тут.

– Нееее... Ты, Гус, ежели чего эдыкое складываешь, так с изюминкой... Понял? Надо ещё чего-нибудь, как это по-вашему? Ehmeddie. О, при-у-кра-сить! Про дракона, например, как вы это, людишки, любите, – всё никак не мог остановиться Съён.

– Дурачина! Что с тебя взять, коли уже всю «Хмельнушку» в одно эльфийское рыло уговорил? – сказал Гус, пожалуй, слишком громко для эльфийского трактира на эльфийской земле.

Он сразу почувствовал напряженные взгляды со стороны соседнего стола, за которым сидела компания молодых эльфов. Их зеленоватые глаза блеснули чем-то недобрим. Гус был достаточно пьян, чтобы не принимать это близко к серд-

цу, но достаточно трезв, чтобы не развивать тему.

– Ну, хорошо, – утомонился Съён. – Есть у тебя версия, что это за мор такой?

– Мор не мор, а народ побёг с тех мест, – успокоился Гус, почувствовав, что его, наконец, готовы выслушать. – Уже лет пять ходят слухи о тех местах. Началось все с того, что пропало зверье. Потом уж стал и скот домашний исчезать.

– Да слышал я про это. В Гьяфе... Вроде так деревушка зовётся? Уж сто лет назад слышал эти байки. Кончай, – махнул рукой Съён.

– Ага. Байки!? Так вот пустой уже Гьяфе стоит. Скушал?! Да пусть меня Гаар под лёд заберёт, если я брешу! Сам видел, сейчас там всё оцеплено королевскими войсками.

– Да откуда...

– Да оттуда, что у них королевские цвета, кувшинка на полукруглых щитах, а у головного их шлем в виде головы филина. Этого...ик... достатошшно? – Гус, казалось, выговорился и с торжественным видом победителя смотрел теперь на товарища нетвердым взглядом.

Съён всё ещё скептически кривил свой не по эльфийским меркам широкий рот. Потом его лицо приняло задумчивый вид. Он приподнялся и объявил:

– Я поссать!

Гус остался один. Он окликнул кельнера, заказать ещё настойки на персиках и ливеллийских солёных лепёшек с сыром. Приятное тепло разливалось по телу. В голове немного

мутило, но в целом было хорошо. Оставаясь довольно востребованным плотником и даже немного инженером, он часто путешествовал между Республикой Левэр и Ливеллией, выполняя заказы для зажиточных кнехтов, князей и эльфийских аристократов. Много видел и подмечал. Не обремененный семьей, он плыл по течению жизни вслед за жирными заказами и копил сбережения в государственном банке Ларракии на собственный дом где-нибудь на берегу Доована на Стеффских холмах с их мягким климатом и виноградниками. Теперь же мысли его блуждали по полутемному, но уютному кабаку на тракте, ведущему к столице эльфийской Ливеллии – городу Дёвитмэль.

«И всё же ушастые здесь совсем другие, – думал он, – Не то, что в горах Айнаха... Здесь под наших косят». Молодые эльфы за соседним столом и вправду были пострижены на людской манер – коротко, и даже старались отпустить усики, которые у эльфов почти не росли. Впрочем, Ливеллия всегда была ближе к людям. Больше торговала, больше была открыта к людским новшествам, но и обид у лесных эльфов было больше. За прошлые поражения, за давнишние споры и унижения. Ничто не было забыто.

Гус было совсем разомлел, как вдруг он услышал шум на улице. Сначала послышались крики прохожих. Потом топот лошадей. Много лошадей. Гус быстро встал, отчего его повело в сторону. Пришлось опереться рукой о противоположный стол, где сидели эльфы-подростки.

– Прощенья... ик... просим, – буркнул он, потрянув головой, и в несколько шагов одолел расстояние до двери.

Запах ночи – свежесть земли после дождя и осенняя прохлада – приятно обдали его свежестью. Горящие факелы в кованых канделябрах, вмонтированные в стену харчевни, освещали часть дороги пьяными сполохами. Гус увидел, как только что прибывшая тройца эльфов не успела распрячь лошадей и уже крепко прижималась спинами к стене ночлежки «Пух и перина». Ночлежка стояла через дорогу, аккуратно напротив трактира «Согрей горло» и предлагала крышу над головой тем, кто прибыл ночью – от ночлежки до Дёвитмэля был как раз день пути.

По дороге неслись воронье скакуны.

Гус попытался собрать волю в кулак, а глаза в одну точку. Картина перед глазами плыла, особенно когда всадники замелькали один за другим. Сначала он распознал попоны: зеленоватый цвет и вышитый золотом на бархате филин – символ Ливеллии. Только свита короля могла вышивать филина золотом, а значит...

У Гуса чуть челюсть не отвалилась, когда он увидел карету. При этом – дурачина Съён точно не поверит – сам король ехал верхом на гнедом мерине возле кареты и спокойно беседовал со статным молодым человеком.

– Мать твою растак, – Гус наконец закрыл рот.

Вся небольшая процессия в двадцать-двадцать пять всадников уже удалялась куда-то во тьму большой дороги по на-

правлению к Великому Озеру. Вскоре звук от топота лошадей стих, и откуда-то из прилеска снова отчетливо послышалось, как кричит неясность. Гус машинально сложил пальцы в знак семерки от сглаза и провёл перед собой оберегающий круг. Вокруг уже никого не было. Эльфы, видимо, юркнули в ночлежку.

Плотник нетвердым шагом вернулся в кабак, где уже с порога услышал крик Съёна:

– Чего так долго-то? Пиво твое щас мухи допьют, – На столе уже красовались две увесистые кружки тёмного.

– Я... Ты не поверишь...

– Уже не верю.

– Короля видел сейчас, кажись.

Съён только глубоко вздохнул и укоряюще помотал головой. Поднял свой стакан и чокнулся со стоящей на столе полной кружкой Гуса:

– Ну, за Гусов рассудок!

Тем временем король Ливеллии не расставался с мыслью, что столь поздний марш-бросок был плохой идеей. Только первый и последний всадники свиты держали в руках факелы. Как только они ушли в галоп, огонь затрясся в танце, то и дело норовя потухнуть.

Дорога была довольно широкой и ровной. Два десятиле-

тия назад её заново переложили с расчетом на товарные повозки для караванов с «Малого Севера». Другими словами, для торговцев из наиболее аграрно развитых земель, которых у лесных эльфов осталось совсем не много. Эльфы оказались в столь незавидном положении после того, как люди в результате Великой Войны вытеснили их с равнинных земель в лесные территории на восток. Из-за недостатка пастбищ и пашен не раз и не два лоббировался закон о вырубке части священных лесов, но король и большинство министров оставались непреклонны. Конечно, и жрецы выступали категорически против. Даже саму столицу – Дёвитмэль, разместившуюся на берегу озера Тайдуюшо, со всех сторон окружал древний лес. Многие поколения эльфов Ливеллии выросли в нём. Они чувствовали себя в безопасности, когда вокруг шумели кипарисы, секвойи и привычно благоухали орхидеи.

Здесь же, более чем в ста километрах от Дёвитмэля леса чередовались с полями и луговинами.

– Отец, спасибо, что доверился.

Они немного сбросили бег.

Король хмуро глядел перед собой и, казалось, уже свыкся с мыслью, что остаток ночи ему придется провести в седле:

– Тебя не было больше двух лет. Мы считали, что ты мертв.

Эльнаэ отвечал спокойно, уверенно.

– Мне нет прощения за это... Но даже если я смог бы что-

то изменить... Нет. Я бы прошел тот же путь и постучался бы в твою дверь именно сегодня. Ни днём раньше.

– Когда ты собираешься мне всё рассказать? – после долгой паузы сказал Ластреннэ.

– Мы приедем через пару часов. Скоро надо будет свернуть севернее на небольшую тропу. Я не могу сейчас всего рассказать... Доверься мне до конца. Мы только хотим поговорить, – принц запнулся.

– Кто – мы? – кажется, король впервые повернул голову и постарался поймать в ночи взгляд мутных глаз сына. Он чувствовал, что сын изменился. Сильно изменился. И странные вибрации в его голосе ему не нравились. Но как он мог отказать!? Он не видел сына два года, и вот Эльнаэ врывается посреди ночи и молит об одном – поехать с ним к одной важной персоне, которая предложит заключить сделку. Сын утверждает, что эта сделка может изменить судьбу всех пяти королевств, всех земель, где ступала нога эльфа, человека, гнома или степняка. А может и дальше...

Глаза сына потускнели.

– Всё началось более трёх лет назад. Сначала мой шрам начал сильно жечь. Ну, ты знаешь, как было в детстве, но намного сильнее. Потом... Потом я начал слышать голос, – он обернулся к отцу. Тот, казалось, был в задумчивости, но слушал. И тогда Эльнаэ продолжил:

– Сначала я не понимал, что говорит этот голос, но каким-то образом я понял, что мне лучше оставить всё в тай-

не. Вскоре голос стал более разборчивым. Голос менялся. Был то женским, то мужским. Он говорил на странном наречии, но спустя время я всё же начал понимать... – Эльнаэ задумался. – Мы многого не знаем, отец... Он рассказал мне суть... Потом я ушёл. Ушел искать того, кто говорил со мной... Пстой! Здесь!

Принц натянул поводья и остановил лошадь. В тусклом свечении факелов они разглядели развилку, уходящую вертикальной лентой в заросли кипарисов. Было удивительно, как Эльнаэ распознал этот поворот. Свита короля в нерешительности закружила посреди дороги. Изар, начальник королевской стражи, хмурясь посмотрел на короля.

Изар, пожалуй, впервые за всю свою службу вёл короля в неизвестность. Он и его бойцы хоть и были обучены воинскому ремеслу, но пороку по-настоящему не нюхали. Они жили в спокойное время. Изар думал, как давно они не выбирались в такие места, где им было действительно не по себе, где ночь пахла чем-то опасным. И этот запах был непривычен, чужд и неприятен.

Король кивнул. Изар прищпорил вороного и поскакал первым.

Эльнаэ больше не заговорил.

Король больше не заговорил.

Они скакали, уворачиваясь от лохматых ветвей, свисающих прямо в туннель дороги. Шум от копыт перекрывал все звуки леса. Пахло сыростью. Факел плясал как пьяный моряк

в кабаке после месячного плаванья. Плясал, плясал, плясал. И в какой-то момент зацепил прогнившую, почти стёртую доску-указатель, прибитую к низкому столбику. На доске едва угадывалось «Вы въез...ете в Гьяфе».

Начал моросить мелкий дождь. И несмотря на то, что даже в самые холодные зимы температура в этой части Ливеллии не опускалась ниже пяти – десяти градусов, по коже путников пробежал лёгкий холодок. Ветер и дождь не были сильными, но всё же каким-то способом они находили лазейки, чтобы проникнуть через рукава и отвороты плащей, дотронуться до кожи, пробежаться по ней и уже потом пробраться до костей. Всадники ёжились, поднимали воротники, матерились про себя на погоду и невесть откуда взявшегося принца.

Было слишком темно. Все надеялись, что рано или поздно тучи разойдутся и выглянет луна, но она будто не хотела быть свидетелем всего, что случится в эту ночь. За очередным поворотом дорога, заросшая буйным кустарником, расступилась куда-то вширь, расплылась и затем пропала.

– Тпруууу, – крутанул поводьями Изар и поднял руку с двумя пальцами вверх.

Двое из охраны тут же выдвинулись вперед и разошлись по флангам на разведку метров на пятьдесят впереди основ-

ной процессии.

Потянулись полуразрушенные, местами обугленные домики. Они стояли как привидения в ночи: тёмные и мёртвые, демонстрируя сквозь развалившиеся бревенчатые стены своё страшное, остывшее нутро, будто были вскрыты неумелой рукой хирурга. Дождь тонкими струйками стекал с крыш и барабанил по лужам.

Всадники перешли на шаг. Лошади беспокойно фыркали и мотали головами.

– Вон там, – показал рукой Эльнаэ.

Вдали был виден силуэт дома, больше походивший на чёрное пятно, смазанное завесой дождя. В здании теплился тусклый свет.

Они приблизились и оказались перед низеньким забором. Король, принц и Изар впереди. Остальные всадники сзади. Спешились. Изар придержал короля за руку:

– Подождём разведку.

Эльнаэ уже хотел было что-то возразить, как вернулся первый разведчик:

– Деревня не жилая. Света в домах нет. На дороге тоже никого. Заканчивается там, в километре от сюда, может поменьше.

Второго всё не было.

– Ты видел Схи Лаана? – спросил Изар у первого разведчика, поправляя свой меч традиционной для здешних мест серповидной формы. – Деревня неширокая. Вы должны бы-

ли ехать недалеко друг от друга.

– Слишком темно...

Тут Изар вздрогнул. Это было совсем неожиданно, потому что тень, отделившись от стены дома, двигалась слишком медленно, слишком спокойно и уверенно. Тут же периферическим зрением он определил вторую тень – с другой стороны от дома. Потом третью, едва различимую вдалеке, но явно приближающуюся к ним. Позади него послышались звуки стали, ползущей по ножнам. Эти звуки ни с чем нельзя было спутать. У кого-то это был быстрый и нервный «вжжж», у других медленный «тсссшшш». Воины Ливеллии обнажали кривые мечи.

– Спокойно, добрые эльфы! – раздался голос прямо впереди них.

Голос был многослойный – мягкий, сильный, женский, мужской, грубый и нежный. Неопределенный.

Перед ними стоял объект среднего роста. Челюсти его двигались, явно что-то дожевывая. Перестали. Улыбнулись. Хоть лицо и осталось в темноте, создавалось впечатление, что оно беспрестанно шевелилось, менялось. И ещё. У всех, абсолютно у всех было чувство будто оттуда, из темноты лица на них, именно на них что-то очень пристально смотрит. Именно на них и ни на кого больше! Сквозь каждого! Оно как будто уже давно знакомо со всеми желаниями и тайнами, скрытыми внутри. От этого было неприятно и тревожно. Руки тёмного существа свободно свисали вниз. Лоскут-

ки короткого кафтана медленно и еле заметно шевелились, будто поддуваемые чем-то снизу.

– Меня зовут Гаруцца.

Тишина. Все смотрели на короля и его реакцию. Принц стоял в стороне и тоже молчал. Король не произнёс ни слова. Он только жалел. Жалел, что не взял с собой высшего королевского жреца... любого жреца! Король, да что говорить, все эльфы чувствовали магию. Они ощущали любую потустороннюю силу намного легче, чем люди, гномы или даже степной народ. Вот и в этот раз все разом поняли, что перед ними не обычный человек. Ластреннэ не улавливал агрессию или явное зло. Нет. Он чувствовал МРАК. Было сложно объяснить себе это. Да и не было времени. Он попробовал вспомнить хоть один, хоть самый слабый защитный заговор, но не смог.

– Король! – снова прозвучал голос. – Я пришло вернуть тебе... и себе то, что было отнято у нас людьми и гномами.

– Кто ты? – выдавил король.

– Я – Сила, которая низвергнет этот хаос. Сила, которая подарит мир всем, – ответил спокойный голос. Без лишних нот возбуждения или пафоса. – Пойдем в дом, и я всё расскажу.

Король сделал шаг назад.

– У меня... У меня нет на это времени, – произнёс Ластреннэ. Он развернулся и зашагал к коню. Это было спонтанное решение. Неожиданно он стал просто зол. Зол на себя,

что проехал эти тридцать миль от столицы. На сына, который подцепил какого-то тёмного мага или ведьму, возомнившую себя невесть кем. На погоду. Зачем всё это ему было нужно? Помочь сыну? Понять его? Нет! Он не пойдет на поводу у его дурацких фантазий. Пусть хоть ещё два года не возвращается. – Я ухожу, Эльнаэ, и если ты кккхххх....

Неожиданно король упал на колени и схватился за грудь. Он очень давно не чувствовал боль, поэтому поначалу даже не понял, что случилось. Строго говоря, он и потом не понимал... Ему будто высыпали в лёгкие груды горящих углей. Одновременно замутило в животе и захотелось вывернуть желудок наружу. Он повалился на бок, стараясь поднять голову и произнести: «Помогите!». В ушах шумело так, что до него доносились лишь приглушенные звуки – крики его охраны. Сквозь текущие слёзы он в исступлении смотрел на то, как какие-то силуэты набрасываются на его воинов. Мелькание мечей сквозь струи дождя. Лязг металла и хруст раздираемой плоти. И крики... Снова крики. Один из приближенных охранников бесцеремонно схватил короля за широкий ворот кафтана и потащил в сторону лошадей. Королю было всё равно. Боль пронзала его тело так, что единственной мыслью было только избавление от нее. Ластреннэ увидел, как Изар с еще пятью воинами прикрывали отступление, отчаянно отмахиваясь мечами от буквально набрасывающихся на них фигур. Это были эльфийские силуэты, но уж больно странными были их движения, их положения тел

и болезненная худоба. Похоже они были не вооружены, но не жалели себя, стараясь добраться до шеи, укусить или задушить. Когда им удавалось повалить кого-то из свиты короля, тёмные фигуры просто набрасывались сверху, норовя разорвать тело руками и зубами. Воины пытались отбросить эти создания, рубили их мечами. А потом, потом что-то огромное вышло из-за ближайших деревьев... Ластреннэ зажмурил глаза и, наконец, смог заорать от пронзающей его боли. Страх уже не было, была лишь боль. Даже это... что бы оно ни было... Этот многорукий великан, разбрасывающий его людей как щепки. Он, даже если он и реален, он не важен... На миг стало совсем темно. Крики смолкли, и вдруг всё прошло.

Первая мысль Ластреннэ, когда он очнулся, была почему-то о том, что он лежит на спине в скрюченной, совсем не королевской позе. Так его не должны видеть придворные! Он приподнял голову, и вместе с этим движением все воспоминания хлынули в мозг, как будто они застоялись где-то на краю черепной коробки, а сейчас снова влились обратно в голову. Снова слякоть, тьма, дождь.

Король сел. Зрение прояснилось. Вот Изар, почему-то держится за бок. Напряжен – в оборонительной позе. Вот ещё пара воинов из свиты. Крайнего справа, кажется, зовут Ульмье. Трупы вокруг. Был же еще великан?! Теперь нет. Стоны раненых. Чуть поодаль стоят силуэты этих странных эльфов. Их заметно убавилось. Они отошли. Воспоминания

о боли. Что бы ни происходило сейчас, как бы много потерь они не понесли, пусть он чувствует грязь и песок у себя на зубах, пусть он весь до нитки промок, это всё равно было блаженством по сравнению с той выжигающей всё нутро Болью.

Его вырвало. И тут же в голову снова пришла неуместная мысль о том, как же стыдно перед своими солдатами, перед Изаром: «Боги, теперь они видели блюющего короля! Все видели! Придётся казнить... Ха ха... Ладно, отдалить от трона уж точно. Ссылка! Верный способ... Как же хорошо жить без Боли...»

– Это было необязательно, король, – голос был успокаивающим. Теперь почти женским. – Но мы можем повторить.

– Нет, – выдавил, почти выхрипел Ластреннэ, смахивая остатки блевотины с подбородка. – Что ты хочешь?

– Всего лишь чтобы ты выслушал меня.

– Король, – перебил Изар, выплёвывая сгусток крови. Он все ещё стоял, прикрывая своего короля от Гаруццы. – Не слушай её. Мы ещё можем уйти. Отбиться.

Голос начальника стражи был хриплым. Ластреннэ уловил нотки неуверенности и даже страха. Он посмотрел на сына. Тот стоял поодаль и безучастно смотрел. Все ждали ответа короля, но заговорила Гаруцца, и по голосу её, только по едва заметной вибрации и переливам в мужской бари-тон, можно было понять, что оно, кем бы оно ни было, теряет терпение.

– Послушай, я дам тебе всё, что у вас отняли. ВСЕ земли. ВСЮ власть над теми, кто унижил твой род. Поверь! Во мне течет кровь Творцов, – тёмный силуэт как будто увеличился. – Твой сын был избран мною много лет назад. И теперь пришло время вернуть. «Корням – землю, ветвям – небо, ворону – мясо!»

Это была старая дедовская присказка, ходившая у эльфов издревле. А деды слышали её от своих дедов. А те деды жили так давно, что уже мало кто мог вспомнить или даже представить. Возможно, они и общались с богами в те далёкие времена. Что она обозначала, знали лишь приблизительно. Каждый трактовал суть по-своему, но была и классическая трактовка. Общий смысл её сводился к тому, что каждый в этом мире должен быть на своём месте, уготованном богами ещё на заре веков. И чтобы ты не делал, всё вернётся на круги своя... Но, возможно, был и другой смысл. Возможно...

Король Ливеллии слишком хорошо помнил боль и сейчас он бы сделал всё, чтобы избежать её. Буквально всё. Он отчётливо понимал ничтожность их шансов против такой магии. Их смерть, а именно о ней он и думал, будет напрасной. К тому же, слова Гаруццы заинтересовали его. Что она предложит?

– Пойдём в дом, – сказал он, поднимаясь, стараясь, чтобы его голос не дрожал, стараясь сохранить достоинство. – Изар, опусти меч.

Следующий день был ясным, свежим и почти тёплым. Стража на городских воротах Дёвитмэля уже издали заметила всадников и тут же передала во дворец весть о возвращении короля, хотя было странно, что из двадцати трёх всадников возвращается только восемь. Большая часть стражи куда-то исчезла, да и Изар едва держится в седле, постоянно прижимая ладонь к боку. Но нет, вот он поднял руку, обычном жестом давая сигнал пропустить карету со свитой. Стража на оборонительных вышках нахмурилась:

– И кто это с ними еще? Что за уродец.

– Да отсюда разве разглядишь? Закутан весь. Дева что-ли.

Отворяй побыстрее! Король ждёт!

– И чего он только эту карету таскает, коли всегда верхом?

– А спит думаешь где? Или вот устанет на лошади прыгать? Дурак ты, Вилье?

– Хм, что ж королю разве и спать негде? Все гостиницы его. Да и резиденций понастроил.

Процессия, не останавливаясь, въехала в столицу. Дёвитмэль, как его ещё называли «Город на ветвях», утопал в зелени: изумрудных садах и розариях. Желтоватые, приземистые дома с типичными закругленными крышами и узкими, но длинными щёлками окон, румянились в лучах восходящего светила. В тихих патио шептались фонтанчики, перекликаясь с шелестом лимонных и апельсиновых карликовых деревьев.

Через Пальмовую улицу вновь прибывшие двинулась сразу к главной площади. Оттуда направо сквозь внутренние ворота во дворец. Было достаточно рано. Большая часть города спала. Только утренние торговцы – в основном люди – неспешно разворачивали свои палатки. Людей в городе жило немного. Если они и приезжали в Ливеллию, то в основном не от хорошей жизни. Многие убирали улицы, работали в конюшнях, правда, были и торговцы, бондари, кузнецы. И хотя официально в пяти королевствах уже давно установился мир и равноправие рас, в глубине души значительная часть эльфов не принимала людей, как равных себе. Эльфы помнили прошлые притеснения и проигранную Великую Войну. Помнили, что когда-то они были хозяевами практически всех территорий, которые сейчас занимают пять королевств. Они были первыми, кто заселил материк. Раса номер один. Говорят, они даже общались с богами!

Когда за королём и его спутниками сомкнулись тяжелые двери, обитые серебряными вставками в виде драконов и лилий, стены дворца услышали первые приказы:

– Срочно! Позвать к трону Явеллина Ди' Тьяссе, пусть прихватит своих командующих. Послов Республики, Драбанта и Бурых Гор, где бы они ни были, не выпускать из города. Под любым предлогом... Что? Мне наплевать! Причины? Не надо объяснять никаких причин. Впрочем, скажите, что выясняете... Пообещайте им, что король скоро вызовет

на аудиенцию и всё объяснит. Тяните время... Посла Айнах Ад'Дира срочно во дворец к трону. Сейчас же!

Эльнаэ подставил лицо лёгкому вечернему бризу, доносившемуся со стороны озера Та́йдушо. Город располагался в приятной близости от воды, но не настолько, чтобы его касалась рыбацкая суэта и периодическая вонь от разделяваемой прямо на причале рыбы. От городских ворот Дёвитмэля до озера можно было добраться пешком менее, чем за полчаса. С высоты лоджии королевского дворца Эльнаэ мог даже разглядеть, как поблёскивает на солнце вода.

Когда оно заговорило, принц вздрогнул от неожиданности. Он не услышал ни открывшейся двери, ни шагов.

– Ты прекрасно справился. Сегодня мы сделали первый шаг на нашем долгом пути.

Оно выбрало низкий женский голос, который всегда выбирало при общении с принцем, даже тогда, когда Эльнаэ начал слышать этот голос у себя в голове несколько лет назад.

– Спасибо, – принц выпрямился и посмотрел в её белые, холодные зрачки, отзеркаливающие огни недавно зажжённых пламенников, словно глаза ночного зверя.

Оно не стало менять облик женщины с тонкими чертами на смуглом лице: тонкие губы и брови, прямой красивый нос с чётко выделяющимися лепестками ноздрей. Оно любило

это лицо, обладательница которого была давно мертва. Оно любило, когда в нём признавали женщину. В конце концов его как-то должны были запоминать, так пусть это будет образ ведьмы. К тому же именно в образе Гаруццы было легче черпать магическую энергию и говорить с духами.

– Твой отец всё делает как надо. Нам пришлось долго беседовать, но теперь он не отвернётся от предначертанного. Помогай ему в подготовке.

– А куда поедешь ты? – спросил принц.

– Нам нужны союзники. Я слышу сильных чародеек. Я призываю их.

Эльнаэ видел, что Гаруцца довольна. Её планы начали осуществляться.

– Кого ты слышишь? – спросил он снова.

Гаруцца улыбнулась и закрыла глаза. На груди блеснула золотая брошь в виде черепахи.

«Если бы не эти белые глаза... Вот так, с закрытыми веками... её лицо просто прекрасно... Если бы она оставалась всё время в этом обличии...» – подумал принц и тут же заставил остановиться поток мыслей. Он догадывался, что при желании она может читать их.

– Мой славный принц, – она облокотилась о периллу лоджии. – я слышу пятерых ведуний. Три откликнулись на зов. Две выбрали другой путь... и они пожалеют об этом.

Эльнаэ кивнул.

– Ты едешь встретиться с ними?

– Только с той, кто давно ответила на мой призыв. Она живёт в Савошских топях, не так далеко отсюда. У неё особая миссия. Другая, очень сильная колдунья, сейчас на пути с гор Айнаха в Дебитмэль. Она прибудет через несколько дней. Последняя же из троих живёт далеко от этих мест – в болотистых лесах, рядом с Бурыми горами, – Гаруцца прищурилась. – Эта чародейка обещала пробудить местное зверье – болотных чертей... Но оставим пока север без сильного контроля. У нас есть более важные цели.

– Собрать силы Ливеллии, – понимающе кивнул принц.

– Не только, – Гаруцца положила тонкую красивую руку на плечо Эльнаэ. – Ты говорил, что при рождении я передала часть себя не только тебе.

– Авилеро... – произнёс принц и, помолчав, добавил. – Ты уверена, что в нём...

– Да. Без него я уязвима, – Гаруцца посмотрела на Эльнаэ своими блёклыми глазами. В голосе чувствовалась не тревога, а, скорее, интерес. – Только когда он будет рядом, как ты сейчас, я смогу закончить, что начала, я обрету полноту своей силы, стану бессмертной.

– Авилеро нужен тебе для полного перерождения, чтобы снова стать богом?

Гаруцца едва заметно кивнула и на секунду задумалась. Она не могла сказать всю правду. Она никогда не расскажет, что, передав им часть своей божественной сути, она осталась смертна, но убить её могли только двое – Эльнаэ и

Авилеро. Они – её сила и одновременно её слабость. Стоит ли рисковать? Эльнаэ нужен для влияния на короля, он лоялен, он будет с ней... Авилеро... должен умереть. Она выпьет часть своей Силы из него, а потом избавится от этой обузы. Так решила Гаруцца.

Колдунья наклонила голову в сторону принца и тихо произнесла:

– Мне не слышно эхо своей Силы в Авилеро, подобно тому, как я услышала его в тебе. Я не чувствую его, поэтому нам придётся искать твоего друга другим способом. Разошли умелых агентов в приграничные земли. Ищите эльфа с необычными способностями, либо с «тёмным прошлым».

– Я поговорю с отцом, – ответил Эльнаэ. – Люди любят болтать о чужаках, особенно об эльфах, осевших в людских землях. И всё же, его изгнали из этих краёв так давно... Он может быть где угодно. Возможно даже его уже нет в живых.

– Ищите.

Она ушла так же бесшумно, как и появилась.

Эльнаэ поймал себя на мысли, что столь скорый отъезд этого непостижимо притягательного и в то же время пугающе сильного создания огорчает его. Внутри себя он уже давно считал её полубогом. Их связь была очевидна. Только рядом с ней он чувствовал спокойное течение мыслей и пьянящий прилив сил. Ему было приятно, что и её силы зависели от него. По крайней мере, так объясняла сама Гаруцца...

Принц очень смутно помнил тот день на озере. Для того,

чтобы выжить, она передала часть своей сущности им, таким молодым... таким живым... Они убежали, но даже на расстоянии, даже спустя годы она продолжала питаться их энергией как паразит. Она могла умереть столько раз, но благодаря им каждый раз выживала. Эльнаэ понимал теперь, почему он стареет быстрее, чем другие эльфы, и откуда брались неожиданные приступы усталости, но он никогда не пожалеет об этом.

Как же он испугался, когда она коснулось его – будто его лёгкие подождгли изнутри. И как же теперь он ненавидел Авилеро за то, что тот оказался рядом. Гаруцца уверена, что передала часть себя не только Эльнаэ. Теперь придется искать Авилеро – его старого друга детства, изгнанного из королевства сразу после происшествия у Дворца Трёх Теней. «Отец оказался глупцом, – размышлял Эльнаэ, прохаживаясь по лоджии, – зачем избавляться от свидетелей, если ни черта не понимаешь смысла произошедшего?» Найти изгнанника будет совсем непросто, и принц это понимал. Эльнаэ испытывал ревность и чувствовал растерянность. Он хотел ОДИН пройти этот путь вместе с НЕЙ. Быть её незаменимым и единственным помощником и источником силы. Он совсем не хотел делить этот путь с кем-то ещё. «Лучше бы ты оказался мёртв», – подумал Эльнаэ.

Осада форта Байу

276 год (конец зимы) от Союза Пяти Королевств
Королевство Ливеллия

Конец зимы выдался на редкость прохладным. Возможно, в каком-нибудь богатом монастыре или святилище летописцы и отметили бы эту зиму как самую затяжную за последние сто лет, да где теперь сыщешь этих летописцев? Или даже монастыри... Позёмка звенела по тонкой корке льда, покрывающего хрустальной простынёй землю. Жёлтые травы пробивались местами из-под снежного покрова. Колоски вереска, затронутые ветерком, соприкасались с коркой льда и издавали причудливый тонкий звон. Дни стояли морозные, сухие.

Откуда ни возмись, снова закружил снег. Неприятно заходил лицо. Сторожевые на смотровых башнях ссутулились и присели на дощатый пол, облокотясь спиной о стену. Вряд ли сегодня кто появится: ни свои, ни чужие. Как обычно.

Вот уже как месяц прошёл после первых вестей о том, что Ливеллия нарушила Вечный Союз. Был ли это слух? Нет. Сначала перестало поступать продовольствие с юга, потом прискакал гонец из Твердрека и зачитал известия о войне и

обращение от короля Отакара Фичггота:

«Дорогие сограждане!

Сыны мои и дочери!

В ночь на девятый день после праздника Проснувшегося Огня, в наших восточных землях известного как «Громях-ающий Змей», на нашего доброго соседа Республику Левэр вероломно, без объявления войны, напала эльфийская Ливеллия. Таким образом, Ливеллия нарушила Вечный Союз, длившийся 276 зим.

Мы считаем своим долгом срочно выступить с войском на помощь своему верному союзнику. Полная мобилизация будет производиться по всей стране в течение 20 дней с подписания данной резолюции. Мы ожидаем, что остальные участники Союза осудят этот дикарский акт и присоединятся к борьбе с противником.

Наступают трудные времена, и я прошу Вас собрать всю свою веру и верность и встать на защиту отечества во имя его славы и жизни наших детей!»

Помнится, как посол закатал обратно лист с текстом послания и, развернувшись на каблуках, удалился в недра резиденции управляющего. Тут же поползли слухи. Они наполнили форт, как черви наполняют прогнивший труп. Слухи – это хаос и ничего хорошего они не приносят. И тогда на второй день управляющий фортом, капитан Кессен Фойердаль, сам вышел на балкон своей резиденции с речью. Его уверенный голос подействовал ободряюще, но ничего, по сути, ка-

питан так и не прояснил. Стало понятно только, что он сам не обладает полной картиной событий. Готовит ли противник нападение на форт Байу, который являлся своеобразными воротами на восток Драбанта, никто толком не знал.

– Думаешь, дойдёт до нас? – Ясномысл достал флакончик размером с мизинец и, открыв, быстро вдохнул пару раз. – Уффф! – Он фыркнул, убирая эликсир. – Без этой отравы не знаю, как выходить в ночь.

Его напарник недоверчиво повёл бровью:

– Я бы не стал доверять всему, что даёт Уйка. Она хоть и знахарка, но, если можно без колдовства... Лучше б подальше от этого... Подальше.

Ясномысл только отмахнулся:

– Так что думаешь-то? Я вот мыслю, что даже ежели и залупились на нас лесные, то мы им сообща-то ухи и притупим. Не уж-то нам хномы не помогут.

– Хм... Тут дело непростое. Я вот что слышал. Говорят, лесные давно уже готовились. Наверняка двинули прямым ходом через Благодатную равнину на Ларракию. Что там сейчас, один Всевидящий Нотук знает. Но наш ковёр судьбы он по-другому точно ткёт. Эт я тебе говорю. У нас, чую, другой удел. У нас тут что? Прааавильно – леса да болота. Правда на границе стоим. За нами выход для эльфушек прямиком хоть на наш людской Драбант, хоть на горных эльфов – на Айнах. Смекаешь?

– Ну?

– Чего ж ну?! Коль востроухие с гор не поддержат лесных, а это уж мне не известно, но может такое быть! Может! Так вот, тогда чтоб горные на подмогу не приползли, да с нашенской ратью не соединились, то тут-то их и надо отрезать от Речного народа. То бишь, брать форт наш, да и дальше выстраивать кордон на север до самого моря, – размышлял, трясая головой второй сторожевой. Он был чуть покрупнее Ясномысла, с широкими чертами лица и приятной улыбкой с ямочками. Все звали его Четвертак, и был он четвертым сыном в семье.

– Хм, дело говоришь Четвертак. И спорить не буду.

– Знамо дело! У нас в академии главный урок по стратегии был такой. Разбирали три случая как защищаться будем: первый – коли Айнах Ад’Дир войною пойдет, второй – если Ливеллия...

Прошло несколько секунд, а продолжения всё не было. Ясномысл повернул голову и увидел, что Четвертак, прикрыв глаза, уже похрапывает.

– Эй – эй! – Ясномысл легонько толкнул напарника в плечо, – А третий? Третий-то?

Четвертак завертел красными не выпавшимися глазами, глянул на товарища и сонно закончил:

– А третий, ежели оба эльфийских королевства нападут: горные с Айнаха и лесные из Ливеллии.

В эти дни караул сменялся два раза за ночь. Дозорные на южной башне определяли этот момент просто: до тех пор,

пока луна не коснется макушки северного бастиона, куковать им на стене да глядеть в оба.

Оба караульных уже давно с нетерпением поглядывали на ход луны, которая в эту ночь, как назло, ползла по горизонту будто нехотя, останавливаясь и подолгу прячась от них за чёрными тучами. «Но ничего, скоро сменят, – думал Ясномысл. Он вновь встал на ноги и оглядывал горизонт за стеной. – Этим-то куда проще будет – оба почти вообще не спят. Всегда бодрые, черти. Хоть ночью, хоть днём. Да... таких точно надоть только сюды ставить – поближе к главным воротам».

И Ясномысл был прав. Самых чутких сторожевых выделяли именно на южный, самый ответственный бастион, который носил имя Толстый Ригдар в честь знаменитого полководца, сложившего голову на этих землях ещё во времена Татэ – войны с орками. В те времена здешние земли горели огнем и обильно орошались кровью всех народов. Форт Байу был легендарным. Он выстоял три осады орков и только при четвертой пал. Спустя пять лет – при знаменитом прорыве Ригдара – его отбили.

Теперь же форт Байу стар. Каменные стены местами поросли мхом, покрошились, где-то даже начали образовываться трещины. Драбант лишь один раз за последние двести лет вложил средства в реконструкцию донжона, конюшни, двух осевших бастионов и очистку оборонительного рва метров в пять шириной, который обрамлял форт. Была по-

строена система шлюзов, но и она сильно пострадала от времени. Вода застаивалась и воняла, особенно весной. Сам форт представлял собой шестиугольник, защищённый со всех сторон каменными стенами, по углам которого находились шесть круглых невысоких бастионов: Толстый Ригдар на юге; Смелый Юм – по имени героя местных сказок – на севере; на востоке один бастион сильно просел и накренился на бок, другой стоял на его фоне прямой и гордый – их звали Брат Шибáла и Сестрица-Огневица, тоже взятые из старинного эпоса здешних земель; оставшиеся два бастиона на западе прозвали Бивни, потому что только их успели покрасить в белый цвет лет пятьдесят назад, после чего работники-маляры из столицы были вызваны обратно по какому-то срочному делу и больше не возвращались. Весь форт удобно размещался на небольшом холме. Впрочем, было сложно назвать холмом небольшое возвышение в три-четыре метра по сравнению с окружающей Байу равнинной местностью, но всё же это было важно при обороне – достигалась необходимая для удобного обстрела вражеских позиций высота. На западе к форту прилегал Петляющий лес, вырубленный метров на тридцать от стен. По лесу армии не пойдут, а вот по полю... Открытая местность раскинулась здесь к югу, на который грозно взирал Толстый Ридгар, к востоку и северу от форта. Если же пройти километров двести на восток, можно было выйти на главный тракт, соединяющий восточный Драбант и Айнах Ад'Дир. Тракт назывался угольным и яв-

лялся основной артерией, через которую Драбант торговал с горными эльфами. Четвертак был совершенно прав, говоря о важности этого пути, ведь именно по нему должны были пройти войска горных эльфов для соединения с ратью Драбанта. Конечно, только в случае, если айнахцы готовы будут ввязаться в "братоубийственную" войну со своими лесными сородичами. Это был один из главных вопросов, над которым ломали голову во всех уголках пяти королевств. Но ответ на него знали пока только в штабе Ливеллии и в столице Айнаха – Шэ д' Иль Фиёсс.

Ясномысл заметил эльфов, только когда они были уже в паре метров от него. Он вздрогнул.

– Ох, да чтоб вас! Опять... как кошки! Четвертак, да ты видал?! Хоть бы пёрнули предупредительным. У меня аж сердце зашло... Ещё, блин, этот леший всю ночь в лесу воет, как его сюда вообще занесло так близко к людям!?

Четвертак от неожиданности встрепенулся, разлепил глаза, но, увидев вновь прибывших, только укоризненно помотал головой.

Эльф, что повыше, с зеленоватыми, ясными глазами, подал Четвертаку руку и помог подняться.

– Это вы так затылками через стену дозорите?! Враг и высунуться, пади, боится. – усмехнулся эльф.

– Да ладно тебе, Ави, – махнул рукой Четвертак. – Мы тут окоченели совсем под утро. Кто вообще в такую погоду на штурм пойдет?

– Угу, – буркнул второй эльф с прозрачными голубыми глазами северного волка, которые выдавали в нем коренного горного эльфа. – Идите уже в сторожевую, Авилеро для вас печь раскалил добела. Заснёте, не успеете и сапоги снять.

– Я уж вижу, – Ясномысл улыбнулся, показывая зеленоглазому эльфу пальцем на щёку.

Авилеро потрогал щёку и, увидев на пальцах остатки сажи, вытер её рукавом. Четвертак и Ясномысл пожелали сменившим их дозорным удачи и быстро засеменяли сначала вдоль стены, а потом вниз по деревянной лестнице к небольшому дому, где обычно отдыхали караульные бастионов. Из трубы обильно валил дым. Внутри трещали поленья.

Над лесом уже зардели мягкими розовыми полутонами ростки рассвета.

– Кыыыык ууум! – где-то вдаль не унимался леший, такой редкий и опасный гость в этих местах. Леший обыкновенно не выходил к людям. Лес – его стихия. По эльфийским поверьям это было и не доброе и не злое создание. Оно не любило только две вещи – когда сильно шумят в лесу и когда ломают деревья. А так, ежели встретишь его ненароком среди бурелома, может и не тронет.

Авилеро махнул рукой страже на Огневице – единственном бастионе, который был виден с Толстого Ригдара достаточно, чтобы рассмотреть сторожевых на нём. Дозорные с юго-восточного бастиона поприветствовали в ответ. На Бив-

нях охрану не ставили, так как было понятно, что восточной стороной через лес войска противника не пойдут. Если же бросить взгляд с южного бастиона на северный, то взгляд хоть и мог пройти над крышами домов вплоть до Смелого Юма, но людей на башне было не разглядеть – в длину форт простирался почти на километр.

По полям начала стелиться утренняя дымка. Было красиво и покойно. Поэтому Авилеро и выбрал эти места после долгих лет скитаний. Здесь он обрёл то, что мог называть домом. Поступил на службу, растворился в быту тихого форта Байу. Его приняли без лишних вопросов и бумажной волокиты. В основном из-за того, что в этот отдалённый край королевства мало кто стремился. Любой воин был ценен. В форте жили в основном семьи военных Драбанта, но также служило несколько эльфов и даже двое братьев ильгукков, – Яль и Нэнне – прибывшие из Великой Северной Степи. Однако, как только поползли известия о войне, некоторые семьи лесных эльфов решили вернуться на родину. Держать их не стали – свои же! Столько лет жили бок о бок вместе с людьми. Но кто-то и остался. Из Айнахцев (горных эльфов) в форте остался только напарник Авилеро – молодой эльф по имени Блёмер Дау. Имя звучало слишком мощно для небольшого вертлявого юнца с волнистыми светлыми волосами, и поэтому многие его звали просто Лёдинка. Слишком уж он был хитёр и юрок. Словно таящий лёд мог ускользнуть сквозь пальцы в любой сложной ситуации. На

самом деле Блёмер не планировал задерживаться настолько, но его акробатическая цирковая труппа, путешествовавшая через Байу на север в Дорсвилль, в одну ночь собрала манатки и покинула форт, забыв разбудить одного из своих ведущих акробатов. Видимо, было куда спешить. А утром следующего дня был принят посол из столицы. Указом короля была объявлена всеобщая мобилизация и введено чрезвычайное положение первой степени. Всех эльфов высшим указом перестали выпускать из форта до новых распоряжений. Считалось, что они могут выдать важную информацию о численности квартировавшегося гарнизона и о конструктивных особенностях крепости. Большинство эльфов это приняли без скандалов. Оставалось ждать, что будет дальше.

Ещё солнце не зажгло маковки мачтовых сосен, как в некоторых домиках потянуло дымками из труб. Из домов выходили мужики и женщины. Кто умыться, кто покормить коз. Община была небольшая – двадцать три дома для семей, да две казармы для гарнизона. Всего сто пятьдесят пять воинов, не считая женщин и детей.

– Может, и надо было тебе в ту ночь уехать. А, Блёмер? – прищурился Авилеро, глянув на приунывшего от холода напарника.

– Ничего. Обойдется... – Блёмер помолчал немного. – Ави, у тебя есть... ну эта... Сказать-то сложно. Тяга к стране своей? Ну вот, люди тут, твой народ там. Пошел войной получать то, что у него отняли. Ведь так, наверно... Я думаю,

мы тоже с гор спустимся не людей защищать.

Молодой эльф снова умолк. Стыдливо потупил взгляд и вдруг торопливо зататорил:

– Да я не то чтобы... Ты не подумай. Думаю, надо мир поддерживать... Не знаешь, в общем, как повернется. Мне не понять, наверно.

Авилеро всё это время молчал. Казалось, он и вовсе не слышал этих опасных слов. Всматривался в предрассветную дымку, стелющуюся клубами по полям. Она выкатывалась из дальнего края леса на юге, клубилась, валилась комками по прогалинам, то скрывала, то раздевала лоскуты снега и черноту земли. Лес колыхало ветерком. Не враг ли там? Нет... Всего лишь олени рога показались и пропали в ветвях.

– Во-первых, кроме как со мной даже не смей на эту тему с кем-то говорить, понял? – тяжело начал Авилеро. – Ты бы не успел и первых двух предложений закончить, как оказался бы в карцере. Ага... Тяга к стране... – Авилеро ещё больше нахмурил брови. Черты лица его заострились. Тонкие губы скривились набок: Понимаешь, я люблю место, где живу. Своих друзей здесь. Эти леса. Поля. Даже этого лешего. Но ни Ливеллия мне это дала и ни Драбант, а боги – Цартэ-пра-родительница и Мииету, что бережет землю и всю эту красоту вокруг нас.

– Боги, значит, – горный эльф отвернулся, явно не заинтересованный в этой версии.

– Да, но не в этом дело, – Авилеро понизил голос. – Ты пойми. Что даст сейчас война? Тысячи смертей, разрушенных городов. Снова делить этот лес? А дальше? Думаешь, люди не захотят всё вернуть? Пройдет десять-двадцать лет. И снова война? Это ослабит все Пять Королевств. А знаешь, что потом?

– Я не хочу воевать.

– Я тоже.

Они переглянулись и улыбнулись друг другу.

– Ну, а что потом?

– Если все Пять Королевств ослабнут, через горы придут орки. И никакая Линия Несвернувшейся Крови их не остановит, потому что её некому будет защищать.

– Верно, Ави. И в кого ты такой рассудительный? – толкнул его локтем Блёмер, и оба рассмеялись.

Через несколько часов пришла их смена. Авилеро вместе с Блёмером дошёл до своего дома, который он делил с семьёй местного плотника, и попрощался, но на пороге вдруг заметил, что Блёмер пошёл не в сторону своего дома, а свернул в переулок.

– Эй, Льдинка! Опять по делам? – хитро прищурил глаз Авилеро.

– Дааа... Это так... – замялся молодой эльф. – Друзей навещу.

– Ну-ну, – Авилеро развернулся и тихонько открыл дверь.

Рутинно зачинался следующий день: с постуков топора, с завитков дыма из труб, с покриков хозяек, выводящих скот за стены форта. Лошади призывно ржали в загоне, располагавшемся в поле недалеко от северо-восточного бастиона. Конюх с помощником уже несли им пучки сена на завтрак. Война если и была (была ли она?), то, казалось, очень далеко. Форт Байу жил своими ежедневными заботами: радостями и страстями.

Первые ростки тревоги, первый приторно-горький отвратительный привкус войны жители почувствовали в тот день, когда одним утром в главные ворота Байу затарабанили множество рук. Это были руки беженцев из приграничных деревень Гайях и Кун Сиу – маленькие селения, примыкающие к северной границе Ливеллии. Грязные, не спавшие, голодные люди, успевшие скрыться в лесу до того, как деревни были окружены. Многие беженцы оставались одеты в ночные белые рубахи. Жители форта сочувственными взглядами провожали эту небольшую кучку людей, но не только сочувствие сквозило в их глазах... Там уже поселился страх.

Беженцев временно расселили по двум казармам. Двоих же незамедлительно вызвали в главный зал донжона узнать подробности.

– Кто-нибудь может сказать примерное количество!?! Сколько было солдат? – уже начал повышать голос Военег – правая рука капитана форта. Он неустанно теребил свою седую курчавую бородищу, по которой его можно было безошибочно отличить даже издали. Такие же густые, но короткие, брови домиком сходились на лбу, поднимая кожу гармошкой и делая его лицо добродушным. И как бы ни хотел начальник стражи казаться суровым, все его знали под таким родным и тёплым именем – дядюшка Военег. Многим воинам в форте Байу он заменял отца. Все без исключения уважали и любили его, и во многом поэтому дисциплина была превосходной. Караулы безотказно сменяли друг друга, ежедневные тренировки в стрельбе и бое на мечех, физподготовка – все выкладывались как могли – и люди, и эльфы. Даже после вестей о войне часть эльфов осталась защищать этот форпост и свои семьи только благодаря тому, что они чувствовали себя за старым добрым Военегом, как за горой.

– Мне... Я не могу сказать, господин. Всё было быстро. Как во сне. Мы бежали не оглядываясь. Они что-то кричали вслед, – запинаясь и оглядывая всех собравшихся в широком зале донжона, отвечал крестьянин из Кун Сиу. – Могу одно сказать – это были эльфы. Много эльфов... Куда ж нам тепереча?

– Как они выглядели? Доспехи? Сколько на конях? Геральдика?

– Чаво?

– Что на щитах изображено? – разочаровано вздохнул Военег и показал на стул. – Садись.

В зале находилось ещё пятеро: девушка из другой деревни, также взятая на допрос (с первых же слов она начала всхлипывать, и поэтому её решили сначала усадить за стол и напоить чаем); капитан Кессен Фойердаль – начальник форта; секретарь, давний друг и советник капитана – Давош Жильтик; ведающий всеми административными делами, в том числе неприкосновенными съестными запасами, а также богатой коллекцией эльфийских золотых монет ведырзойского периода – бурмистр Имелик Дзыба и главный скороход форта – Кильд Соттивельда.

– Да што ж мы леснушечих не узнаем што ли, господин военачальник? Знамо дело нашенские эльфы-то, из Криво-го Леса. Примкнули, стало быть. Рожи злыыыя. Пару узнал даже. Ходили к нашим девкам по вечерам. А на щите-то, да что у них. Птица шо ли. Сойка, кажись, будто на стреле сидит, – мужик замолчал и снова заморгал на всех по очереди слезящимися глазами.

– Ещё был кто с другими знаками отличия? – спросил спокойно Кессен.

– Нее. Господин начальник, не видал, – в усталых глазах крестьянина снова вспыхнули страх и тоска. – Господин, что ж с нами...

– Спасибо. О вас позаботится Имелик, – перебил его капитан форта. – Имелик, обеспечь ужином и завтраком. Бо-

юсь, барышня, нам ничего нового к уже сказанному не добавит.

Он посмотрел на всхлипывающую девушку, а та в подтверждение его слов тихонько мотнула головой, но всё же неожиданно заговорила:

– Мы вышли за полчаса до подхода востроухих. Мужиков наших предупредили из Кун Сиу те, кто успел бежать. Нас решили отправить подальше, а мужики-то наши-то захотели остаться просить, чтобы избы не жгли, – слеза красиво на вернулась на её щеке и кривой уже проторенной дорожкой, резко виляя то вправо, то влево, покатилась к уголку губ. – Мы ушли и притаились в кустах. Подумали, может обойдётся. Дуры бабы... Когда увидали, как небо засветилось от огня и услышали крики, все бросились бежать. Кто куда... Не знаю, гнались ли они.

Девушка замолчала, потупив взгляд куда-то в сторону сапог Военег.

Капитан Фойердаль молча кивнул.

– Имелик, будь добр, проводи гостей, – обратился он к бурмистру.

Трое вышли в густеющий сумрак ранней ночи. Тихонько скрипнув, за ними захлопнулась дверь. Кессен присел и положил руки на стол. Примечателен и странен был вид его рук, заканчивающихся сомкнутыми крупными кулаками. Обычно он клал руки на стол свободно ладонями вниз. На безымянном пальце мрачно тускнел красноватый агат. В за-

ле плясал огонь от громадного камина, отражаясь в глазах вепря, голова которого висела на стене сбоку. Тишину нарушали только треск поленьев и уютное рокотание Миямы – любимой кошки капитана. Она уже запрыгнула к нему на колени и во всю тёрлась о рукав кафтана. Фойердаль вздохнул и, уставившись в огонь, бездумно начал гладить свою любимицу, а потом заговорил, казалось, что с огнем:

– Завтра всех женщин и сопляков моложе шестнадцати отправить из форта на большак до Дорсвиля... Нет... Это далеко... До крепости Брунь. Да! Она ближе всех. Выдать все повозки и сколько нужно лошадей... С ними двадцать воинов. Приказать, чтобы шли без привала и без ночевки первые два дня. На третий пусть заночуют, там уже недалеко будет.

Он не замечал ошеломлённых взглядов присутствующих и продолжал говорить. С огнём.

– Судя по посланию, мобилизация в Драбанте должна закончиться только дней через пять. Други мои...

Открылась дверь и, впуская ночной мрак и холод, вернулся Имелик. Сквозняк всколыхнул языки огня в камине, и уродливые тени вдруг хороводами заплясали по стенам и потолку. Бурмистр спешно захлопнул дверь и начал снимать шерстяную накидку, недоверчиво наблюдая за смолкнувшим капитаном и притихшими людьми вокруг него. Имелик Дзыба застыл в своей неизменно прямой, как струна, позе аиста. Скинул набок волнистые длинные волосы и вопроси-

тельно глянул на Кессена.

– Кха, хм, – как будто очнулся капитан. – Друзья, при таком плане мобилизации наша армия просто не успеет подойти к форту, если даже у короля и есть план выставить оборонительные позиции на этом рубеже. В чем я сильно сомневаюсь. Сами знаете, господа, что наши земли находятся на отшибе королевства, и загонять армию в этот мешок не станет никакой уважающий себя главнокомандующий. У нас тут лес вокруг... Большими силами не развернешься. Отступить тоже некуда. Полагаю, король, вернее, генерал Сигур Колючий – как мне доложил посол, именно Сигур командует сейчас Восточной ратью – двинет силы к форту Роспел. Это намного проще. Там и манёвренности для армии больше, и форт не такая развалюха как наш старичок Байу.

– Бедный старикашка Байууу, – задумчиво и тихо, почти про себя, повторил советник капитана Давош Жильтик.

Все ждали продолжения. Жильтик не сильно разбирался в военном деле, поэтому решение могло исходить только от Фойердаля. Капитан обвел присутствующих взглядом и остановился на Военеге.

– Что думаешь?

– Хм... Надо дать бой здесь... И ждать подкрепления. Мы не знаем, какими силами идут эльфы, но я уверен – это не основные силы Ливеллии. Может и сдюжим, – медленными и тяжелыми словами размышлял Военег, поглаживая бороду.

– Согласен.

– Основные силы пойдут напрямик через Малый Север, через Благодатную Равнину на Ларракию. Это лакомый кусок... Земли принадлежали их предкам... Но это далеко от нас, и как там сложится, один всевидящий Нотук знает. Республика точно даст бой. Здесь же нам противостоит лишь малая армия. Чем она может быть?

– Мы точно знаем от этих бедолаг, что это местные лесные эльфы. Кто же еще? Сойка на стреле – точно Армия Петляющего Леса, – добавил Имелик. – Уверен, что к ним присоединилось Камышовое войско с Сапфировых озёр, а эти земли Ливеллии вторые по населению. Расспросите, не помнят ли беженцы синих гребней на шлемах или камышей на щитах и флагах. Эти эльфы обычно довольно шумные. В основном, конные...

Военег, греющий руки у камина, смахнул отлетевшую ему на рукав искру и чертыхнулся.

Давош Жильтик хлебнул из бокала с чухорским вином, немного поцокал языком и заговорил своим слегка надменным, картавым голосом:

– Достопочтенные, мы опхеделенно в изоляции. Опхеделенно не обладаем всеми данными для каких-либо увегенных гешений. Я бы довехился логике и интуиции нашего капитана и Вашей, уважаемый Военег. Вы люди служивые... Одно хочу сказать, капитан пгав, что всех гхажданских – завтра же за вогота! Я готов возглавить пгоцессию... – он попытался не делать паузы и не сбивать тон голоса, но мол-

нией зыркнул на Военегу, – А тут уж мы сами обогону будем держать, – не совсем логично соединив предложение уехать с гражданскими, покинув Байу, и каким-то образом одновременно со всеми держать оборону форта, закончил Жильтик. При этом, на слове «оборону» его голос странным образом усилился и оброс какими-то мужественными нотами, но взгляд был растерян и замутнен.

Все ждали реакции Кессена Фойердаля. А капитан не хотел реагировать. Имелик, стоявший рядом с Жильтиком, откровенно скривил рот в ухмылке. Он уже было хотел сказать, наконец, подобранную колкость, идеально, по его мнению, подходящую под ситуацию, но капитан его всё же опередил:

– Значит, решено. Кильд Соттивельда, – капитан повернулся к скороходу, – забирай Буяна, быстрее его нет никого. Выезжай под утро. Выспись хорошенько, братец. Скажи что есть мочи до форта Роспел, пока нас не обступили. Скажи, мы принимаем бой и будем держаться до прихода сил Твердрека. Друзья, – поднял голову Кессен, и в глазах у него блеснул злой и в то же время озорной огонёк, – готовьтесь к осаде!

Итак, что такое осада? Осада – это чувство, похожее на то, когда ты заперся в чулане, в то время как грабители ходят по дому. Они знают, что ты в чулане, но не могут подобрать

ключ. Они, возможно, смогут взломать чулан, но случается, что дверь выдерживает. И тогда остается ждать и надеяться, что они уйдут. Почему? Ты надеешься, что им наскучит, или они побоятся, что их заметят соседи? Или просто у них кончится еда. Но есть нюанс. Грабителям очень нужно в чулан, потому что это война, а ты их противник, а еще в чулане много сокровищ. Так что, гости подождут...

Жители форта Байу ждали.

На пятый день убывающей луны, в один из последних дней, когда снег всё еще колючими лохмотьями лежал на полях и крышах домов, в самом форте Байу и вокруг него кипела работа.

По расчетам Фойердаля у оборонявшихся был только день, максимум два на подготовку. Было странно, что армия Ливеллии ещё не подошла к форту, но какими бы ни были причины, этим надо было воспользоваться. Ранним утром, взяв с собой только вещи первой необходимости, большинство женщин, все дети и старики форта в сопровождении двадцати конных воинов с обозами вышли по неширокой тропе на северо-запад по направлению к границе с Республикой Левэр и крепостному городу Брунь. Процессию возглавил Давош Жильтик – давний друг и советник капитана Кессена Фойердаля. Капитан же смотрел на вереницу обозов с балкона своей башни, окаймляющего её по кругу для обзора на все части света. Такие башни обыкновенно располагались в самой середине крепостей и назывались «донжон».

Кессен щурил подслеповатые глаза, становясь похожим при этом на косоглазых степняков-ильгукков. С высоты башни ему было отчётливо видно, как процессия из обозов, переваливаясь с боку на бок, медленно скрывается за стволами деревьев. Фойердаль выдохнул. Пар изо рта быстро растворился в утреннем воздухе: «Когда же потеплеет...» Кессен не стал прощаться с Давошем, сославшись на занятость. «Если боги позволят, свидимся,» – думал Кессен, и отмахивал другие мысли – мысли с привкусом горечи: «Как он мог бросить нас сейчас? Как? Уйти после стольких лет служения форту, стольких лет дружбы? Уйти в такой момент? Как будто некому было возглавить эти обозы... Чёрт с ним, пусть Семиликие судят...»

Фойердаль бодрой походкой прошёлся по балкону на другую сторону и взглянул на юг. На этой стороне донжона было ветрено, и он поднял воротник кафтана, прикрыв широкие небритые скулы. Повсюду раздавались стуки топоров. Из подвалов донжона выносили давно заготовленные двухметровые жерди, которые надо было теперь заострить, нагреть, чтобы они стали твердыми как железо, и вкопать в землю на склоне прямо за стеной. Колья вкапывались под углом в сорок пять градусов сразу после рва с водой таким образом, чтобы те всадники, которые перебрались через ров, не смогли подойти к стене.

Но на этом защитники форта не остановились. В поле начались работы по созданию систем канав шириной в полтора

метра, чтобы их трудно было перепрыгнуть. Люди рыли два подобных рва, а между ними возводили небольшую насыпь с непрочными мягкими краями. Если бы и нашелся конь, который бы перепрыгнул первый ров, то он всё равно бы не удержался на земле и оказался в одной из ям. Лошадь просто не сможет устоять на такой узкой полоске земли. Внутри же ямы защитники форта, ухмыляясь, «с любовью» втыкали в землю железные пики в двенадцать сантиметров длиной.

Авилеро вместе с Блёмером и ильгукками Ялем и Нэнне как раз работали над одним из таких участков. Они уже вбили пики и теперь торопливо забрасывали их сухой травой и ветками. Земля была всё ещё промерзлой в это время года, и ров пришлось рыть с самого утра. Спины ломило уже к полудню.

– Хорошо, что вода из грунта проступила. Смотри, тут даже листьями забрасывать не надо, все пики под воду ушли, – обрадовался Яль, хлопая по спине брата.

Нэнне только кивнул.

– Добро, – заключил Яль. – Слышь, Аве. Сюда больше веток не нужно. Пойдем дальше.

Все четверо перешли на другой отрезок траншеи, который был только что закончен бригадой копателей. Люди, чертыхаясь, вылезали из рытвины. Все перемазанные в глине, они встали отдышаться. Один из них поднял усталый взгляд на подходящих и изменился в лице.

– Баа, я думал все востроухие свалили ужо! Чё забыли

здесь? – процедил он сквозь зубы и сплюнул. – Слышь, Михош, надо проверить, может они и гвозди-то не тычут туды, а?

– Пойдём, Шижень, не лезь! – похлопал его по плечу низенький седовласый мужчина постарше.

– Не, я просто хочу понять, чёй-то вы здесь забыли? Ваши вон уже деревни жгут в округе, кровь пушают. Не, пусть скажут.

Авилеро пододвинул в сторонку растерявшегося Блёмера и спокойно произнёс:

– Ты, кажется, Шижень, да? Из второй казармы? Слушай, я на службе у короны Драбанта уже пять лет. Присягнул. И защищать собираюсь эти стены также, как и вы. Мне глубоко насрать на рехнувшихся Гомифьенов. Хотят воевать? Значит будем защищаться. Вместе. Что ты хочешь от меня услышать?

Яль и Нэнне на всякий случай подошли поближе к эльфам прикрыть, так сказать, фланги. Шижень молчал. Потом с размаху вынул лопату из земли. Подкинул. Перехватил в середине.

Развернулся уходить.

– Не верю я вам, красавчики. Ни единой роже эльфийской не верил и не поверю. – Шижень снова сплюнул, повернулся спиной и начал удаляться вместе с бригадой. И хотя напряжение спало, Авилеро долго потом вспоминал неприятные взгляды, обращенные к ним. Он слышал, как один из брига-

ды проговорил:

– А я согласен с Шижнем. И вообще, какого рожна мы здесь копаем, а они только веточки кидают. Эти паскуды свои бабьи пальчики замарать бояться, а то как они потом на арфе всю ночь играть будут? Этот синеглазый ваще по ночам шляется. Видел его давеча. Надо было их ...

Дальше разговор уже было сложно разобрать. Нэнне подхватил очередную охапку веток и понес к свежесрубленной канаве:

– Ладно, давайте побыстрее. Думаеть у нас тут много времени, а? Аве, забудь, да? Как стрелы залетают, так они поймут, кто есть кто. Рады быть, что эльфы метко стреляют. А, Яль? – Было заметно, что Нэнне в отличие от Яля намного дольше избавлялся от ильгуккского акцента.

– Не спорю... Не спорю.

Снова заработали. Блёмер, как самый молодой, спустился в яму раскладывать ветки равномерно по дну. Ильгукки в яму вообще не лезли, так как ростом были почти с гномов. Может, чуть повыше.

То, что степняки забрались в эти края и осели так далеко от своих западных земель, было удивительно. Обычно ильгукки много не путешествовали. Они торговали олениной да пушниной с приграничными землями Дрбанта и Республики Левэр, но не более. Народ был достаточно отчужденный и своенравный. Издревле они вели бескомпромиссные войны с людьми. Однако это были скорее войны оборонительные,

чтобы задержать безостановочную экспансию людей на запад в родные степи ильгукков. Всему положила конец Великая Война. В ней степной народ участия практически не принимал. Больше держали свои границы и наблюдали: чем же всё кончится? Все кончилось подписанием пакта о ненападении всех пяти королевств и Вечного Союза. И хотя вольный степной народ так и не смог объединиться в единое государство, вожди большинства племен в тот момент сумели закрепить границы своих мелких раздробленных земель с Драбантом и Левэром. На этом и порешили – Мир... Или почти мир. В степях всегда где-нибудь то закипали, то угасали мелкие межплеменные междоусобицы. Но пока они не выходили за обусловленные границы с людскими землями, людям не было дела до местных склоков.

Было сложно назвать Яля и Нэнне братьями не разлей вода. Они поддерживали друг друга, но были все-таки разными. Говорили по-разному, думали по-разному. И даже круг общения в форте Байу у них отличался. Нэнне любил поболтать с эльфами. Любил их песни, неторопливую певучую речь. Иногда даже был не прочь помузицировать с ними на десятиструнной лире, которую он откопал в старинных подвалах местного склада. Яль же чаще собирался в казармах с людьми на партию в карты или подвигать фигурки по доске. Но было у них одно общее, присущее всем степнякам свойство – они как боги стреляли из лука. Даже эльфы могли бы им позавидовать. Не все, но некоторые точно. Именно поэто-

му старик Военег отвел Ялю в подчинение лучников на наиболее протяженной восточной стене форта, а Авилеро назначил командующим отряда лучников на не менее важной, южной стене прямо над главными воротами.

Ближе к вечеру закончили копать. Два параллельно идущих рва простирались теперь вокруг Байу по всему периметру, кроме лесной части, примыкающей с западной стороны, и кроме специально выделенной полосы в поле, идущей напрямую к мосту и далее к южным воротам. Кессен мудро заметил, что враг наверняка начнет с переговоров, и поэтому, чтобы не раскрывать сразу все ловушки, надо было оставить нетронутым участок для беспрепятственного проезда делегации к форту. Ближе к замаскированным траншеям войско было наказано не пускать – остановить идущих парой предупредительных стрел. Расстояние выстрела с лихвой перекрывало расстояние от стены до рвов. Таким образом, войско не заметило бы скрытые ловушки слишком рано, а попалось бы в них только на атакующем марше, когда решение о штурме было бы уже принято.

Так всё и случилось. На следующий день. В первый день кигды зяблика¹.

¹ Кигда – принятое в пяти королевствах исчисление дней в году. Каждая кигда состоит из десяти дней. Кигды назывались в честь птиц весной, рыб – зимой и зверей летом и осенью. Месяц состоял из трёх кигд.

В тот день у многих защитников форта в души уже закралась нелепая подозрительность, что всё это не взаправду: и война, и беженцы, и ведьмы, о которых поговаривали ещё за полгода до начала военных действий. Всё то же солнце цеплялось за бирюзовые тучи. Уже первый день зяблика, а значит скоро придёт настоящая, солнечная весна. И не стоит тратить столько времени на организацию запасов и прочистку колодца. Весной же столько дел! Вон, надо начать уже и грядки у леса копать! Скоро сеять надо будет. Странно всё это... Чего ждём?

Ясномысл расхаживал по стене, время от времени поглядывая на южную кромку леса и прислушиваясь к редко-му дальнему пощелкиванию из чащи – Клик-клок! Уууум. «Снова леший безобразничает, – думал он. – И что он здесь забыл? Не уходит ведь никак...»

Ему было лишь двадцать пять, и большую часть своей осознанной жизни он провёл в Гефире – крупном портовом городе на севере страны. Ясномысл был поздним и единственным ребенком в семье. Отец его служил лоцманом на небольшом торговом судне, ходившем через Пролив Тунца до Эрвилла за эльфийскими шелками, легкими и прочными айнахскими клинками, душистыми пряностями и лечебными травами со склонов Миирталя. Мать же работала простой швейей в местной мануфактуре. Всё детство мальчик жил в

относительном достатке, проводя большую часть времени с друзьями на крепко сколоченной лодке, с которой они ловили корюшку и, если повезёт, жирных угрей. Нельзя было сказать, что родители не любили его, но по натуре своей оба они были молчунами, ценили тишину и покой, а Ясномысл к их общей печали оказался ребенком шумным и суетливым. К своим двадцати годам он не стал спокойнее, а лишь обратил порывы активности в частые попойки с друзьями и еженощные кувыркания с барышнями в амбаре, который слишком уж близко примыкал к дому, где спали старики. Недолго думая, родители решили отправить Ясномысла подальше на прохождение военной службы. После года тренировок в городке Восточная Крепь Ясномысл оказался в Байу с уже мало-мальским опытом военного дела. Умел и мечом помахать, и нож метнуть. И хоть жизнь в форте была ему не в тягость, мысли его часто были совсем далеко: он с тоской вспоминал море и родные берега. К концу этого лета срок службы истек, и Ясномысл волен был вернуться к родным берегам.

Замечтавшись о морях, он тряхнул головой, а когда в очередной раз глянул своими большими печальными глазами на поле, то вдалеке увидел четыре точки. Всадники! Сердце его как-то сразу потяжелело. Забилося чаще, торопливее. Они! Тускло поблёскивали лёгкие наплечные и нагрудные латы, местами спрятанные в лисий мех. На головах рыжие лисьи шапки. Всадники притормозили, оглянулись назад – в лес и спокойно пошли трусцой в сторону замка. Ясномыслу уже

надо было бы бить в небольшой колокол, установленный на бастионе Толстого Ригдара, а он всё как зачарованный смотрел на приближающихся вдали конников, как будто это были простые торговцы или какие-нибудь знатные путешественники.

Наконец он встrepенулся. По дощатому настилу застучали торопливые шаги, переходящие в бег. По пути он глянул вниз и заорал, кто бы там ни шел на расстоянии его крика: «Идут! Эльфы! Идуууут!!!»

Внутренние дворы и улочки форта наполнил тревожный звон медного колокола, величиною с собачью голову. Сколько же в него не звонили? Пятьдесят? Сто лет? И тут же все те, кто сомневался в реальности изменившегося мира, замерли, а потом заволновались-засуетились. Неужели правда война?! Улицы форта наполнились суматохой и движением. Боевая готовность! Все к оружию! Все к обороне!

Рядом с Ясномыслом начали вырастать фигуры с луками. Они всматривались в лес... Потому что лес всматривался в них. Потом он заколебался, ожил, замелькал и зарябил, как будто муравейник наполнился каким-то, казалось бы, хаотичным, но на самом деле очень упорядоченным движением. Движение это выплёскивало наружу целые отряды воинов. Группами они рассредоточивались по полю и замирали. Гремя содержимым, на дороге показались обозы: провизия, провизия, провизия. Палатки, съестные запасы, какие-то материалы, оружие, фураж. Обозы свернули с дороги на поле

и пошли цепью вдоль полосы леса.

Кто-то на дальнем северо-восточном краю форта кричал: «Уводите коней! Быстрее!» Со своего места Ясномысл не видел, но понял, что мужики побежали за лошадьми, часть из которых Фойердаль всё же решил оставить про запас для возможного кавалерийского удара. Было их числом двадцать пять, и они паслись, как обычно, в загоне, располагавшемся в поле. «Успеют», – подумал Ясномысл взволнованно. А обозы неприятеля между тем продолжали свой змеиный ход, медленно огибая форт и скрипя дровнями. Некоторые вставали, и вокруг них сразу начиналась возня – разгружали.

– Рассредоточиться по позициям! – услышал Ясномысл крик совсем рядом. Он оглянулся и увидел Авилеро в боевом бордовом кафтане с защитными пластинами на руках и плечах. Эльф уже принял командование взводом лучников и теперь расставлял их по позициям между зубцами стены. За такими зубцами можно было спокойно встать в полный рост и натягивать тетиву, не боясь, что тебя подстрелят.

Ясномысл неожиданно понял, что его пост на этом закончился и вспомнил, что в случае тревоги ему надо срочно примкнуть к первой вспомогательной оборонительной линии. Этот небольшой взвод должен был страховать основной оборонительный отряд Авилеро, состоящий из сорока лучников. Ясномысл, толкаясь с поднимающимися на стену бойцами, боком начал пробираться к лестнице. Спустился и побежал к арсеналу за арбалетом.

Постепенно на улицах образовался порядок. Формировались четкие группы лучников и арбалетчиков. Кто-то выкачивал бочки со смолой для подогрева. Единственная катапульта уже была размещена на специально отведённой для неё площадке. Слышались окрики командующих.

Ясномысл увидел, как на донжоне в латах стояли Фойердаль и Военег. Имелик Дзыба в плаще, заколотом на плече дорогой брошью, показывал куда-то рукой, отчаянно жестикулируя. Внутри Ясномысла гуляла только одна мысль: «Что там!? Что там происходит на поле!? Сколько их? Я должен видеть. Так! Сбегаю за арбалетом и ... Чёрт! Ведь наша линия должна стоять внутри за стеной, ждать пока не подойдёт очередь стрелять. Так я ничего не увижу, пока не будет по-настоящему горячо».

– Здорова! – услышал он от пробежавшего мимо Четвертака веселого нездоровым весельем, – Ну что? Зарубимся?! Удачи в бою!

Ясномысл только махнул приветственно рукой, и они разбежались в разные стороны.

Тем временем поле наполнялось зеленоватыми фалангами. Было странно видеть сразу столько народу на этих полях, сотни лет стоявших пустыми. Полях, по которым могла лишь пробежаться лиса, на которые могло выйти небольшое стадо оленей или могли выбежать ребятишки поиграть с воздушным змеем. Самое большое, что здесь происходило – это новогодняя ярмарка с конкурсами и забавами, в кото-

рой помимо обитателей форта принимали участие и жители близлежащих деревень.

Теперь же поля будут вытоптаны тысячами ног и копыт.

Построившиеся вдоль леса воины держались на почти-тельном расстоянии полёта стрелы и даже дальше. Прошло некоторое время, пока войско рассредоточилось окончательно. Казалось, из леса и с главной южной дороги, ведущей к воротам форта, больше никто не выходил, а значит защитники Байу могли лицезреть армию эльфов в полном составе. Построившиеся в шеренги воины ёжились от холода и переступали с ноги на ногу. Это была их первая встреча с серьезным препятствием в виде высоких стен, как и первая встреча с вооруженным сопротивлением. Стычки в незащищенных деревнях могли считаться лишь лёгкой прогулкой. И именно сейчас эльфы осознавали это, с тревогой наблюдая за поблёскиванием стали на доспехах лучников, выглядывавших из-за зубцов оборонительных стен. Башни взирали на непрошенных гостей ещё более грозно: темные, высокие, злые, они казались чужими и неприступными.

– Думаю всего около тысячи...

– Конных пара десятков...

– Смотри, там командование. Ишь, уже палатку растягивают, – рассуждали лучники Байу.

Прошло ещё двадцать минут и от командующей группы отделились двое всадников. Они лёгкой рысью поскакали по дороге по направлению к главным воротам. По рядам воинов

на стенах явственно пробежал говор. Напряглись. Зашептались. В руке одного из всадников ветер трепал белое полотно. Второй на саврасом скакуне держался чуть позади. По его одежде и выбритой от виска до макушки стреле было видно, что он из благородных.

С высоты донжона Кессен тоже увидел приближающуюся делегацию. Он повернулся к начальнику стражи.

– Надо впускать. Послушаем, что скажут. Опускайте мост и поднимайте ворота.

– Подняаяаять вороота! – дал команду Военег с высоты донжона.

– Прикажи своим дружинникам выйти за стены и завязать им глаза. Не развязывать, пока не заведёте их внутрь, в главный зал, – продолжил Фойердаль. – Имелик, подготовь угощение гостям: вино, закуски. Пусть видят, что мы запаслись провизией и не бедствуем. Как сделаешь, поднимайся обратно. Мне нужны твои глаза здесь, на донжоне.

– Слушаюсь.

Имелик крутанулся на каблуке и заспешил вниз по лестнице вслед за Военегом.

На время Кессен остался один. "Вот оно. Началось, – он мыслил спокойно и рассудительно. – Так. Тысяча с небольшим. Две катапульты для камней, небольшие баллисты для копий. Точно сколотят таран и лестницы... Нас двести пятьдесят. Шансы есть." Всё это он проходил однажды в акаде-

мии, но как же давно это было! Да, он стажировался в молодости на Линии Несвернувшейся Крови вместе с группой сослуживцев из Драбанта. Но в те времена орки почти не нападали на границы Айнах Ад'Дира. Случались лишь редкие стычки... "Детский лепет по сравнению с этим... – усмехнулся про себя Кессен. – Если это действительно Война... Если? Идиот, посмотри на эти шеренги, они сюда на прогулку что ли пришли? Ладно... У нас крепкие стены. Крепкие стены!"

Кессен увидел, как в уже раскрытых воротах появились четверо. Двое воинов Военег ввели под уздцы лошадей. Один вел под руки прибывших эльфов. С завязанными глазами с непривычки они осторожно ступали по земле, иногда поднимая руку нащупать что впереди. Капитан ещё раз посмотрел вдаль на трепещущие зеленые флаги с изображением сойки на стреле и пошел по лестнице вниз.

Эльфам развязали глаза, после чего они ещё долго моргали, привыкая к полумраку зала. Сесть им не предложили. Когда очертания зала приобрели четкость и перестали плясать желто-красными пятнами, тот, кто, судя по одежде и осанке, явно носил высокий титул в эльфийской иерархии, нашел глазами Кессена, сидящего на большом стуле на возвышении по центру зала. Эльф сделал пару осторожных ша-

гов вперед. Остановился. Высокий шатен с ясными умными глазами и не по-эльфийски широким носом. Возрастом, возможно, чуть за сотню лет. По мокрым от дождя плечам и вороту куртки видно было, что он провёл в седле весь день.

– Приветствую вас. Моё имя Ядильон Ней Турс. Уполномоченный представитель короля Ливеллии Ластреннэ Гомифьена.

Он замолчал. Что-то неуверенное чувствовалось в этом голосе, в этом напряженном взгляде.

– Моё имя капитан Кессен Фойердаль. Я – управляющий этим фортом... и его защитник, – мрачно отвечал Кессен. – Куда путь держите, уважаемый Ядильон?

Эльф был явно смущен вопросом, но, конечно, знал, что говорить. А говорить он стал послание короля. Слово в слово заученное.

– Достопочтенный господин Фойердаль, Ливеллия вступила на новый Путь, и хочет открыть его всем королевствам, принести им, так сказать, прозрение. Все мы – дети Творцов – дети Семи Богов. Наше королевство, наша раса древнее остальных, и она желает взять под своё покровительство заблудшие народы и вернуть им Благодать наших Творцов и Великий Лад...

– Что конкретнее Вы от нас хотите? – перебил его Кессен. – Вы, надеюсь, понимаете, что нарушили Вечный союз, закрепленный кровью наших предков? Вы пришли с оружием на землю чужого государства, а это равносильно объявле-

нию войны.

– Кхэ...– прокашлялся Ядильон в рукав, искусно прошитый серебряными нитями. Так же искусно он обходил неудобные вопросы. – Мы не хотим крови и не можем считать «просвещение», которое мы несём вам, войной. Мы хотим лишь открыть вам глаза на те вещи, о которых забыли люди. Всем королевствам предписано быть вместе – одной страной как когда-то, а мудрость эльфов должна восстановить эту гармонию жизни. Как Вы понимаете, это возможно лишь если МЫ будем принимать решения. При всём уважении, вы же сами видите, как люди заблудились в своих страстях и ненасытном желании подчинить себе всё вокруг. Вырубаете священные леса, перекрываете реки, распространяете невиданные болезни. Что стоит только мор на юге?!

– Если вы говорите о сокхе, – перебил его Кессен, – то из достоверных источников мне известно, что он происходит из Савошских топей со стороны вашей же Ливеллии.

– Сокх губит сотни, тысячи людей и эльфов! – продолжил Ядильон, вдруг повысив голос и будто не заметив комментариев капитана. – Эту напасть распространяют ЛЮДИ! Ваши действия подвергает ВСЕ королевства опасности саморазрушения, – эльф сделал паузу и продолжил уже более спокойным тоном, медленно расставляя слова. – Вы должны понять, капитан, что за нами стоит могущественная сила. Нас ведёт один из Творцов, и сейчас он говорит за всех

Богов пантеона! То, что вы видите – это лишь ручей. Вы не видите всей реки, – эльф выпрямился. – Сдавайте крепость, и мы не причиним никому зла.

– Так вы хотите править всеми Пятью Королевствами?! – усмехнулся Кессен. – Какие, думаете, у Вас шансы против стольких народов?

– Вопрос не в господстве... – эльф призадумался, взвешивая слова. Было видно, что он как будто сам не до конца может сформулировать причину столь вероломного нападения и конечную цель войны. – Послушайте, Изар – командующий Армией Петляющего Леса – попросил меня быть с Вами предельно откровенным. Возможно... хорошо, почти наверняка Вы меня не поймете, но то, что предназначено всем нашим народам, показал нам... Один из Творцов. Я сам видел его! Своими глазами видел чудеса, которые он творил.

Военег не выдержал:

– Вас, стало быть, какой-то дурной колдун на это сподвиг? Бааа, – он помотал головой и разочарованно вздохнул. – Ну совсем долбанулись лесные. А вы и рады ...

– Постой, постой, Военег. Спокойнее. Дай гостю досказать, – прервал его Фойердаль. – Почему Вы думаете, что этот..., как Вы говорите, Творец не является обыкновенным, пусть даже сильным, колдуном?

– Это надо видеть своими глазами! И чувствовать. Её Сила! Это... Этому нельзя противиться. Мы все должны вернуться в лоно Истины, которую оно говорит нам. Её зовут

Гаруцца – второе воплощение богини Шахнаэ! – снова видно было, как Ядильон вернулся в прежнее состояние вестника истины, в котором ему было комфортно объяснять происходящее, но которое он сам себе не до конца мог объяснить.

Эльф замолк и резюмировал:

– Сдавайте крепость. Второго шанса не будет. Скоро сюда прибудет Камышовое войско, мы возьмем форт за день и пойдем дальше на Твердрек. Не заставляйте нас лить кровь.

Посол выпрямился, ожидая ответа. Всем стало понятно, что дискуссия завершена. Неожиданно в зале настала тишина, а потом раздался громкий стук будто от соударения металла о металл. Все, включая эльфов, вздрогнули от неожиданности и замотали головами в поисках источника. Звук повторился.

– Это на улице, – смекнул Имелик. – Готовим катапульти.

Вороньи глаза бурмиистра с вызовом блеснули.

– Полагаю, разговор окончен, – всё тем же ровным и мрачным тоном проговорил Кессен, вставая со стула. – Честь имею, господин Ней Турс.

Эльф поклонился, но как только он увидел подходящего Имелика с повязкой для глаз, остановил его рукой:

– Один момент... Я оставлю Вам этот белый стяг. – Он вынул из наплечной сумки небольшое белое полотно с вышитым изображением филина на золотом щите. – Если мы не увидим его спущенным с главной башни завтра на рассвете, будем считать, что вы отказались от нашего предложения

сложить оружие... Это всё.

Эльф закрыл глаза, позволяя их себе завязать, и тьма поглотила его. Затем он мог довериться только оставшимся чувствам: скрип открываемых ворот, холод в ногах. Мелкие шаги вперёд. Его ведут аккуратно и бережно. Шум множества шагов вокруг. Металлический стук. Действительно катапульта? Хм, вполне может быть. Идти должно быть недалеко. Чьи-то слова сверху: «Держись, сука, словишь от меня лично завтра стрелу». Чей-то кашель и плевков. Приятный запах уходящей зимы и пение свиристели. «Что будет завтра? Так ли мы правы? Но Гаруцца! Как я могу сомневаться!?» Прежний мир уходил из-под ног. Новый мир... Каким он будет? Этот необычный страшный клёкот, доносящийся из леса. «Крыкк! Крыык! Уууум!» «Будь что будет... Нас ведёт один из Семиликих! Мы не можем проиграть!»

Вот повязка снята, и он на скакуне. Кто-то сильно хватанул жеребца по крупу, и тот припустил галопом к лесу. Рядом скачет, понунив голову, второй посол. Скакать, должно быть, совсем недолго. Трава под конём такая сухая. Ломается и рассыпается как песок. «Что сказать Изару?»

Они останавливаются возле разбитой палатки главнокомандующего. Изар, видимо, находится внутри с другими «крагами» – командующими сотней. Ядильон слезает с коня, кивком головы отпускает сопровождавшего его второ-

го посла и начинает было передавать поводья подоспевшему конюху. Краем глаза он замечает – что-то свисает из его походной сумы. Он обходит коня и видит, как из сумы торчит скомканный белый стяг с филином на золотом щите...

Костры. Костры. Костры. Костры освещали вековые стволы кипарисов и сосен, разбрасывая вокруг причудливые колеблющиеся тени. В дальнем биваке ближе к северному краю леса тихо играла лютня, двое эльфов красиво пели. Войско расположилось на ночлег. До форта всё реже доносился стук вбиваемых кольев для установки палаток и всё чаще треск от расколотого на костре полена или тихий эльфийский говор.

Несмотря на витавшее в воздухе напряжение из-за надвигающейся угрозы, Авилеро договорился в тот вечер зайти к Нэнне поиграть в карты и попить чаю. Конечно, вопрос был не в картах, а скорее в том, что никому не хотелось оставаться дома в одиночестве. Каждому хотелось побыть в такие минуты с друзьями и поговорить о предстоящем. Тем более, что у большинства людей жены с детьми были отправлены в Брунь, и людям было слишком тоскливо в опустевших жилищах.

Как только ровный свинцовый горизонт с синеватыми ребристыми облаками сменил кровавый закат, Авилеро в полушубке с большим белым отворотом вышел из своего дома.

К ночи мороз снова сковал инеем землю, неприятно покалывал щеки. Когда эльф торопливо проходил мимо стены своим нервным и широким шагом, он взглянул наверх на ночной дозор: хотел было что-то спросить у стражи, но заторопился дальше. Ещё десять шагов и надо было поворачивать налево к Казарменной улице... Но нет, что-то всё же тянуло его подняться на стену и своими глазами увидеть, что же делают там они – пришедшие без приглашения, желающие воевать с ними и со всеми королевствами в придачу. Легко пролетая широким шагом через одну ступень, Авилеро взобрался на широкую стену и взглянул на потемневший горизонт. Его взгляд торопливо нащупал затухающие пляски костров – кровавые угли, растекающиеся как ручей или ломкий кровяной сосуд вдоль кромки леса, хребты палаток, силуэты эльфов. Не отрывая взгляд от этой, казалось бы, мирной картины, он подошёл к караульным.

– Ну как тут?

Караульные начали вглядываться в силуэт.

– А? Это ты, Ави? Хэ, да ты глянь. Будто на пикник приехали мясо пожарить... И не верится, что завтра рубать нас собрались, – проговорил ближний к нему стражник, представший в виде тёмной высокой фигуры. Все факелы на стенах было приказано затушить ради экономии.

– Может постоять, да уйдуть? – без особой надежды в голосе отозвался другой постовой.

Все замолчали, понимая глупость сказанного.

– Блядские лесники! Извини, Ави, не в обиду тебе... Но ты подумай только... Эээх, неужто этому миру конец.!? – эмоционально заговорил третий, который для Авилеро в темноте был таким же чёрным мешком, как и первые два. – Как по мне, так это все брехня про их сношения с богами да новую религию. Слыхали.!? Говорят, будто с ними живой, один из Семиликих. Сама Шахнаэ!

– Ага, восстала из Тайдушо во плоти... Бредятина лесная. Помешались востроухие!

– А ты походи, Тыля, походи, – заговорщически продолжал третий. – Я толкую другое. Подумай, лесные на ветвях у себя пируют – трудиться, там, пахать то бишь, как всегда, некому. Да шо и ховорить, земель пахотных тож нема. Леса священные под пашню рубать запрещено. А люди, глянь, все пруть и пруть. В Драбанте у нас и торговля морская, и строительство вовсю, ученые там всякие, порошки какие-то горючие изобретают – сами слыхали небось. Республика Левэр, опять же, черноземными землями бохата. Так это ж бывшие земли-то эльфийские, сами знаете. Кормит Левэр, в общем, всех. А от одного купца заезжего слыхал я, что и зерно-то для своих-то, для Драбанта соседнего подешевше будет, чем для эльфийских-то земель. Разумеешь? Преферееенции.

– Нууу, чотой такой умный стал? А, Сыромяка? Слова-то какие... Преферееенции, – протянул второй с резким акцентом жителя западного Драбанта.

Третья чёрная фигура только махнула рукой:

– Да я про то, что у них-то ни черта нетуть. Лес один, да над ним трепещут эльфюшки, как друид над священной семеркой. Айнах эльфийский один добывает чтой-то там. Ну, железо. Ну, руду. Но в основном-то от орков оборону держит, сами знаете. Уж не пойму, какой у них с Ливеллией союз-то. Может и не так уж дружно живут. Вот и думают лесники или сейчас залупиться или никогда уж. Ещё чуть времячко пройдет, а наши-то, люди-то такому научатся. Уууу. Наука!

Авилеро не мог не согласиться:

– Верно. Должно быть боятся совсем отстать. Может, думают, что неровен час и люди сами пойдут войной. Бес их разберёт. Но про ведьм тамошних я много слышал. Быть может и правдой, что с ними какой-то сильный колдун, – он поёжился от ветерка, пробежавшего по оборонительной стене и юркнувшего в желоб водосточной трубы. Или это была труба для слива огненной смолы? – Ладно, удачи всем завтра. Бывайте.

– Береги себя, Ави. Ты уж прикрой стрелами наши задницы завтра, – проговорила первая тень.

Авилеро остро чувствовал, что сейчас все они – все живущие в форте Байу – стали по-особенному близки друг другу. Стали близки перед надвигающейся угрозой, которая, скорее всего, изменит их жизни до неузнаваемости, преобразит их реальность или просто сотрет их с лица земли. Эта близость была приятна и одновременно отягощала, до

щемления в сердце страшным и тревожным предчувствием. Неужели завтра? Неужели?

Дорога к дому, где жили Нэнне и Яль, проходила мимо небольшого каменного святилища в честь Осгунда – бога домашнего очага и покровителя людей. У Авилеро проскользнула мысль зайти внутрь на пять минут помолиться богам, попросить их уберечь форт от несчастья и о скорейшем прибытии подмоги из Твердрека, но, к своему удивлению, он увидел, как к святилищу, невзирая на поздний час, тянется большая очередь. Небольшое здание в виде ротонды могло вместить не более пяти – шести человек и явно не справлялось с потоком желающих помолиться. Их оказалось слишком много. Наверняка внутри был и Хорост Рэм – старый друид, работавший здесь уже больше двадцати лет.

«Не в этот раз», – подумал Авилеро, глядя на людей, переминающихся с ноги на ногу и ёжащихся в полушубках. Народ старался встать поближе к факелам, которые разрешили зажечь возле святилища, чтобы осветить вход. Люди вполголоса переговаривались: хмурые и суровые, растерянные и уверенные, испуганные и полные мужества лица. Лица были разными. Мужчины подбадривали друг друга, но этого не хватало, и они шли помолиться и послушать успокаивающие наставления старого Хороста.

– Слыхал, Петро? Говорят, хорные эльфы скоро подоспеют, щоб им неладно было. Тож до нашей крови охочи.

– Не нагнетай, не нагнетай, Дитра. Никаких горняков не будет. Они, как это? Нейтральны, значит.

– А ежели и не будет, нам-то что? Завтра как собак все равно порежут. Видали, какие металки собирают?! Такие и гору в воздух пульнут и не пёрнут!

– Ты, Ютован, лучше б помалкивал. И без тебя тошно.

– А правда, что они целое стадо овец с собой привели? Я так вот и не видал...

– Сбрехал тебе кто-то, а ты и уши развесил, дурак.

– Осаду учинят... Как пить дать, мужики. Крыс есть будем. Берегите жратву!

– Ух, холод ведьмачий! Когда ж солнце-то кости погреет. Уж кигда птичья пошла.

– Да нам бы хоть зяблика пережить...

– Что там Хорост тянет?! Уж помёрзли все. Не видели кто там у него грехи замаливает?

– Неее...

– Эххх, как там Золушка моя... Не добрались пади до Бруни ещё...

– Да до нее больше ста километров... Спят, думаю, бабаньки наши... Главное, щобы этот леший их в лесу не поглодал. Затих он шо-то... Ушел с наших мест что ли...

Авилеро свернул в темный переулок и через несколько минут очутился перед низким палисадником. Небольшой

деревянный дом стоял прикрытый голыми ветками старого клёна. В глубине дома теплился свет. Дверь, как обычно, оказалась не запертой, и он смело прошел внутрь в сени. Оставил в прихожей утепленные унты и скинул полушубок на дубовый сундук, обитый коваными заклёпками. Всё это он делал в полутьме, на ощупь, ведь он знал этот дом наизусть. Раздевшись, эльф постучал в дверь, ведущую в гостиную, и сразу вошёл.

– ... сумрак скрыл нашу скамью... О! Ави! Наконец-то! Заходи. Давай, давай! – затараторил развалившийся на топчане Блёмер, я тут как раз новый стих зачитываю. – Начну сначала, раз уж ты тут, – обрадовался он.

Авилеро только улыбнулся и кивнул, подмечая, как Четвертак закатил глаза. Четвертак никогда не был ценителем прекрасного, а в особенности, когда этим прекрасным были рифмы Блёмера под лиру Нэнне.

Ильгукк снова с удовольствием провёл пальцами по струнам:

– Привет, Ави! Садись сюда. Готов, Блём? Ну, начинай.

– Хэкмм, посвящается.... Хм. Даме... Значит, примерно так:

Туман окутал наши силуэты.

Вечерний сумрак скрыл скамью.

За нею дуб сплетает ветви.

Листою

сыпет
седою.

Её лица осколок лунный
Теряет в дымке сонной очертанья.
Слова забыты, мысли путаны.
Моего
осеннего
признания.

А потом её губы может
Иль мотылька запоздалого крылья.
Скажут мне, -
“Люблю.
Тоже”.
И порхнут на мои в бессилии.

Обратимся ночными бабочками.
Оботрем друг о друга крылья в клочья
В аромате лесных пряностей.
Стали дни
Ночей
Короче.

Настала тишина, и только полыхающие поленья резвились
в печи веселым треском. Все четверо сидели на полу на шку-

ре оленя вокруг низкого стола, как это обычно делали ильгукки.

– Нууу, дааал, – не выдержал Четвертак. – Это чего... Это с каких же пор эльфы такие страстные стали, а? Крылья, говорит, оботрём друг о друга. Хе! Знаем мы ваши крылья.

Четвертак хитро прищурился и похлопал по плечу округлившего глаза эльфа.

– Так это ведь для рифмы. Аллегория! Не понятно разве?

– Так, тааак, – решил подхватить тему Авилеро. – А вот про адресата стихов мы как-то в неведении. Не припомню у нас незамужних девушек кроме Валеси и Услады...

При первом имени Нэнне и Четвертак скривили лица, в знак явного неодобрения выбора, а при втором дружно зацокали языками и оценивающе закивали в сторону раскрасневшегося Блёмера.

– Да, неважно, кто это, – начал было он.

– Нееееет уж колись теперь, – не унимался Четвертак, и на его румяных щеках снова заиграли добрые и немного детские ямочки. Он встал и пошёл налить друзьям чай, продолжая улыбаться.

– Оставь, – вдруг сказал Нэнне, помрачнев. – Всё равно все женщин ушли... Не свидимся уж. Кто оставаться? Слышаль я – Дая, жена кухаря нашего, старая Уйка-знахарка, да Елена – жена Гамжота. Не смогли, говорят, их отправить. Зацепились за дом и мужей, хоть с кожей отрывай.

Блёмер продолжал бурно краснеть, а Четвертак опустил

голову. Из четверых друзей только у него была семья – жена и маленькая дочка. Они с трудом, но все же ушли в спасительную Брунь.

– А где Яль? – решил перевести тему Авилеро.

– Наверху спать лёг, наверно, уже, – ответил Нэнне. – Сказать, перед битвой нужны отдохнувший ум и отдохнувшее тело. Весь день сегодня стрелы подбирать, да ходил по восточной стене от Шибалы до Огневицы, все смотреть, как расставить лучников, чтобы и бойцов прикрыть и в эльфов попасть.

– Молодец твой брат. Вопросов нет. Ты в его отряде?

– Да.

– А тебя, Четвертак, куда бросили?

– В арбалетчики, представь себе. Хотя, что удивительно-го? Мы в резерве будем пока. Военег сказал, что ежели враг отхлынет, мне будет можно примкнуть к кавалерии. Мы используем вторые малые северные ворота и оттуда сможем неожиданно вырваться и преследовать на конях ... До защитных рвов и обратно... Как-то так сказал.

– Если враг отхлынет, а? – почесал затылок Авилеро.

– Хм. Так сказал...

Вечер тёл в тихих разговорах под трескотню печи. Друзья, не сговариваясь, старались больше не обсуждать следующий день, войну и свои страхи. Но во взглядах и едва уловимом особом тоне голосов была слышна тревога за то, что этот вечер может быть последним беззаботным и мирным,

когда можно поговорить о пустяках, посмеяться над глупой шуткой, подколоть по-товарищески. Не надо жалеть о потерях, вспоминать погибших друзей или мучаться в лазарете от гниющей раны. Пока нет этой тягостной тишины, в которой так по-мужски – без слов – можно скорбеть.

Блёмер допил остатки чая и проговорил:

– Мне удивительно, что сюда не дошла эта гадость. Этот сокх. Мы когда путешествовали с цирком по югу Республики, уууй, там столько деревень и городков на это подсели. Напасть прямо.

Четвертак согласно закивал.

– Да, через эльфийские леса до нас, видать, этой отраве не просто добраться, – продолжил рассуждать Блёмер. – Я слышал, эльфы вообще день-два и сами не свои от этого зелья. Говорят, становишься ближе к богам, но вы бы видели, что он делает с людьми и эльфами если крепко подсесть. Ужас! Некоторые совсем стервенеют. Люди-то ещё не сразу, а мы вмиг после второго приема... Один купец сказал, это происки Савошских ведьм. Они целый культ там организовали. Народ к ним стекается и пропадает в топах.

Собеседники погрузились в свои думы, похлебывая чай на местных травах.

– Ладноть, мужики, спать надо, – встал Нэнне. – По домам давай. Завтра удачи вам. Как говорийть у нас в степях "Посади смерть себе на стрелу, а жизнь себе на щит".

Обнялись.

Вышли в черную глубину тихой ночи и разошлись, не оглядываясь.

Луна подозвала к себе тёмненькое курчавое облачко и о чём-то заговорила с ним... Наверное, о войне.

Когда Авилеро подходил к своему дому, большинство домов вокруг уже спали. Только в паре сгорбившихся деревянных лачуг, чуть припорошенных снегом, едва теплились догорающие свечи. Эльф вошёл в дом, ополоснул лицо из ручного умывальника, сбросил полушубок на лавку и присел. Тишина. Его взгляд остановился на подготовленных на утро начищенных защитных наплечниках и круглом нагруднике. Традиционный Айнахский прямой лук с тусклым рубином на рукоятке стоял в углу. Лук был «приличный». Именно так с уважением, стараясь не показать зависть, отзывались о нём местные воины – «приличный». Он попал к Авилеро случайно, через одного купца, который, по его собственным словам, выкупил лук у одного старого эльфа в предгорьях Северного Айнаха. Внешняя часть лука была обклеена сухожилиями убитого краснопёрого дракона для максимальной упругости. Это была древняя техника: жилы клеились постепенно в течение нескольких лет, сначала один слой, потом другой, но только когда предыдущий высохнет и буквально вырастёт в дерево. Авилеро было не жалко отдать за лук боль-

шую часть своей годовой выручки, ведь найти такое сокровище – большая удача.

Рядом с луком были подготовлены два колчана для разных типов стрел: один он закрепит завтра на спину, другой на пояс. Напоясный колчан был с небольшими и лёгкими стрелами чёрного цвета, которые эльф ласково звал «пиявочки», а другой – заплечный – с крупными стрелами потяжелее.

«Завтра повеселимся...» – подумал Авилеро без особого веселья. Он прошёл в спальню, зажег наполовину оплавившуюся свечу, сгорбившуюся как старый гоблин в своём подсвечнике на тумбе, разделся и лёг. В доме было холодно, но ему была лень топить печь. Комнату наполнила тишина, прерываемая только тихим шуршанием мыши за стенкой. «На завтрак лучше ничего не есть, – подумал он. – Больше шансов выжить при ранении в живот... Сохрани нас, Цартэ, от боли и страданий». Он коснулся пальцами, сложенными в знак семерки, своего лба и закрыл глаза. Было странно, что больше никакие мысли не идут в голову. Ему было не за кого переживать, кроме друзей. У него не было тех, кто бы переживал за него. Всё было оставлено, брошено многие годы назад там, на юге Ливеллии. Там, где так прохладны и нежны воды Великого Озера Тайдушо и где уже, наверное, тепло в это время года. Снова обрывки воспоминаний закрубились, заметались, как кусочки порванной бумаги. Надо было бежать... Даже не простившись с родителями... Во бла-

го государства и короля... Хэвес был неумолим... Вспышки яркого света от ворожбы теурга. Как его звали? Фян Шалиф как-то... Вспомни, что там было... Что за колдовской обряд? Потом бегство в неизвестность. Скитания по землям... Вечное скитание...

Складочки-чёрточки у уголков рта – вечная печать тех времен – как будто стали глубже и темнее.

Воспоминания.

«Почему именно сейчас? Только не сейчас», – подумал он, отгоняя мысли. Иногда было так приятно, когда они исчезали на время, но он знал, что бессонница снова вернётся и снова будет прогонять ту ночь кадр за кадром. Неминуемо, как то, что за морской волной, пролившейся на гальку, обязательно последует ещё одна волна... а потом ещё и ещё. В полудрёме он снова переживал ту ночь. Старый теург не был уверен в силе проклятия или что бы это ни было. За эти прошедшие годы Авилеро даже не было обидно, что решили проверить на нём... Ведь не на принце же было изучать свойства этих чар. Бедный Шалиф. Он так долго подбирал заклинания, чтобы извлечь то, чем, по его словам, были отмечены они с Эльнаэ. Это была Сила, но деструктивная, страшная, тёмная: «Как же теургу удалось вырвать её ценой своей жизни? И удалось ли? Не помню... Сколько я был без сознания? День? Или ночь? Проклятый Годы. Годы скитаний. Изгнание. Изг....?.....»

Авилеро не заметил как провалился в тяжелый, но спаси-

тельный сон.

Весь форт спал в ожидании следующего дня. Лишь удвоенный дозорный патруль тревожно всматривался со стен в черноту поля вокруг. Но противник тоже спал. После многодневного марша лесные эльфы беспокойно ворочались у себя в стынущих с каждым часом палатках. Их поколение не знало войны, поэтому они могли только представлять, что их ждет впереди.

С первых же ударов в дверь он проснулся. Реальность опустилась на него как занавес в цирке. Сначала скомканная, не раскрывшаяся: "я у себя дома... как тепло и хорошо...", потом расправила все складочки и развернулась вся: "Война! Надо вставать! Наверно атака!" Сердце заколотилось.

– Встал! – крикнул он молотившему в дверь кому-то.

– Общий сбор! Немедленно! Площадь перед главными воротами!

– Иду!

За стенами на улице уже всюю слышались покрикивания командующих и позвякивание доспехов.

Он молниеносно прыгнул в штаны, подвязал защитные наколенники, бормоча под нос нескладную молитву во спасение жизней. От прихлынувшего адреналина сон как рукой сняло. Рубаха, лёгкая кольчуга и сверху кожаный панцирь,

наплечники. Всё! Нет, идиот! А лук!?

Море света ударило в глаза. «Да что б тебя! – подумал эльф, подняв голову вверх. В небе не кружились, а некрасиво и косо неслись белые плюхи – крупные комки мокрого снега. Разгоняемые шквалистым ветром, они мелькали в глазах, белили землю и тут же таяли. – Когда же потеплеет, твою ж мать!?» Снег противно охлаждал щёку. Авилеро натянул кожаную шапку лучника с металлической накладкой и трусцой побежал к главным воротам.

Перед воротами уже выстраивались в два отряда защитники южной стены. Воины, защищающие восточную стену, должны были собраться на второй площади у донжона. Ими командовал Кессен Фойердаль. Здесь же разгонял тучи своим низким басом дядюшка Военег.

«А ведь нас не так уж и мало», – прикинул про себя Авилеро. И действительно, на небольшой площади едва умещались семьдесят воинов, большая часть из которых была уже в строю.

Половина из собравшихся были лучниками, которые напрямую подчинялись Авилеро. Ещё пять человек ушли на катапульту: наводчик, двое – подносить ядра, один на отведение рычага и один с тяжелым деревянным молотком – для удара по рукоятке и произведения выстрела. Оставшиеся же воины количеством около тридцати оставались в запасе. Это были арбалетчики, которые должны были взбегать на стену в случае, если у лучников кончатся стрелы или, если враг

достигнет стены, и начнётся рукопашная схватка. Арбалетчики имели более тяжёлые доспехи и короткие прямые мечи для ведения ближнего боя.

Авилеро встал рядом с Военегом.

– Доброе утро! Что там? Готовятся лесные к штурму? – быстро проговорил он.

– Здорова, эльф! – улыбнулся воевода в бороду. – Да, формируют линии для атаки. При восходе солнца начнут. Обойди своих, как соберутся. Я обойду арбалетчиков.

Они начали обходить каждого, проверяя готовность. С одними здоровались по имени, других подбадривали, если встречали неуверенный или испуганный взгляд. А таких было немало. После Военег поднялся на деревянный ящик посередине площади и заговорил:

– Други! Друзья мои! Родные мои! С Вами мы не одну зиму зимовали. Не раз бок о бок на медведя ходили. Времена настали... – он запнулся, – Извиняйте, братья, не силён в словах. Времена такие, что вспомнить надо, кто Мы! Мы – семья! Невзирая на расу или форму ушей. Мы жили, кормились за одним столом.

Авилеро видел, как лица в строю постепенно разглаживались. В глазах появлялась уверенность: не в том, что не умрёшь, а в том, что защищать свой дом – это долг и честь. Свой дом и своих товарищей.

– Мы росли здесь, – продолжал Военег. – Так сразимся за семьи и за мир! Лесные подумали скрутить нас как крендель,

да слопать, А МЫ НЕ ДАДИМСЯ! – заорал он неожиданно.

– Даа! – послышалось с нескольких сторон в ответ.

– Потому что нас не сломаешь и не надуришь сказками про мессию и про блаженство на земле! Защитим наш Байу, как его ещё никто не защищал! Засыпем ушастых железом! Так, чтобы только угли остались!

Воины во весь голос заорали троекратный клич Родины: «Драааа! Драааа! Драааабааант!!!». Военег хотел было добавить ещё что-то, но со стены раздался встревоженный крик сторожевых:

– Задвигались! Кажись, идут!!!

Воевода спрыгнул с ящика и отдал приказ рассредоточиться.

Авилеро повел за собой отряд лучников, первым ловко взбираясь по ступенькам на стену. В первой пятерке с сосредоточенным лицом бежал Блёмер Дау. В отряде было ещё несколько эльфов. В основном, горных: их выдавали собранные в пучок волосы, в которые были умело вплетены тонкими струйками травы. Каждый клан эльфов Айнаха имел в гербе своё соцветие горных трав. Они вплетались в косы либо по праздникам, либо во время боя. Остальных эльфов распределили на восточную стену. Капитан форта разумно посчитал, что формировать отряд полностью из эльфов может быть опасным. И хотя всех он знал лично, что сейчас творилось в их головах, никто точно сказать не мог.

Тем временем, Авилеро двигался вдоль стены, пробира-

ясь к своей площадке для командования, которая находилась ближе к Толстому Ригдару – главной башне южных ворот. Он достиг своего места и только теперь решил поднять глаза на происходящее за стеной форта. Взгляд его прорезал воздух, залепленный мокрыми комками снега, и остановился на воинской массе противника. Она была идеально выровнена и стройными рядами медленно-медленно приближалась. Впереди каждой колонны скакал краг со знаменем. Отряды явно не спешили атаковать. Что-то зашевелилось в глубине леса. Шеренги пришли в движение – начали скорее расширяться, как будто давали место для развёртывания большему числу воинов. И действительно, несмотря на мешающий видимости снег, Авилеро всё же смог разглядеть, как по основной тропе из леса выдвигаются всё новые войска. Много всадников с синими гребнями на шлемах. Они высыпали на поле и поскакали вдоль леса. На небольших треугольных стягах красовалась эмблема, изображающая камыш. За ними растягивались в шеренгах всё больше и больше пеших легко вооруженных воинов. «Камышовое войско», – кто-то с досадой пробурчал сквозь зубы. Лучники на стенах выглядели озадаченными. Их беспокойные взгляды продолжали цепляться за новые и новые колонны противника.

Вот, наконец, из леса вышел последний отряд и потянулся на уготованную ему диспозицию. Авилеро заметил, как навстречу последнему взводу Камышового войска двигается небольшая свита во главе с Изаром – командующим Арми-

ей Петляющего Леса. Не доезжая десяти метров Изар остановил коня, ожидая как к нему приблизится командир второй, только что прибывшей, армии. Навстречу ему лёгким шагом двигался чалый конь. Всадник был высоким, очень высоким и худым. Прямая, как стволы сосен, осанка делала его ещё выше, но и это не было главной особенностью всадника. Очень странным и каким-то неестественным казалась длиннющая шея, на которой сидела небольшая лысая голова. Авилеро не видел глаз или черт лица, но видел необычную смуглость... или даже черноту, покрывающую часть лица всадника. Человек с почерневшей, будто обугленной половиной лица, даже не обернулся в сторону форта. Он подъехал к главнокомандующему и спокойно о чём-то заговорил. Разговор шёл всего две минуты. Было видно, как они обменялись несколькими фразами, и только после этого всадник на чалом коне развернулся и впервые взглянул на крепость.

Холодок пробежал по спине Авилеро. Краем глаза он заметил, как поёжились рядом стоящие лучники. Что это было? Просто неприятный взгляд странного человека? Эльфа?

Всадник развернулся к лесу и протяжно засвистел. Сперва за завесой снежной сыпи ничего не было видно, но вскоре в чаще что-то зашевелилось. Тень высотой с треть взрослой сосны сгустилась в глубине, а потом, видимо, откликаясь на свист, на свет вышло нечто непохожее ни на что, будто созданное чьим-то больным воображением. Четырёхрукое громадное существо на крепких толстых ногах и с ши-

рокой, круглой мордой шагнуло к всаднику и застыло. Издалека было сложно разглядеть создание более подробно и попытаться понять, из какого же мира, из каких преданий оно явилось, но его вид и размеры внушали страх.

Рядом с Авилеро один за другим послышались возбужденные возгласы защитников форта.

– Это что за холера!?

– Привели-таки тварь...

– А с этой блядью как совладать?!

И тут, не успел форт очнуться от вида неведомого гостя, как вдалеке из центра растянутых эльфийских полчищ послышался окрик и тут же сухой громкий щелчок. Второй! Что-то тёмное черкнуло пасмурное небо, прошло над головами и будто бы ушло за стену, в глубину форта. Далеко, за святилищем раздался глухой звук падения и ломающихся досок и брёвен. И снова тишина. Авилеро прислушался: вдалеке заржали испуганные кони. «В людей не попало... Да и не кому там быть. Поломало дощатую мостовую или угодило в повозки. Они как раз оставлены рядом со святилищем», – подумал Авилеро, и не успел он развернуться обратно к нападавшим, как вновь послышалась команда и удар по спусковому рычагу. На этот раз народ на стенах зашумел, а некоторые даже испуганно пригнулись, ожидая удара, но метательные камни снова ушли внутрь форта.

Авилеро, наконец, удалось рассмотреть две небольшие катапульты. Они были размещены посередине развернутых

отрядов так, чтобы огонь можно было вести и по южной, и по восточной стене форта. Вокруг копошились наводчики. Сами катапульты казались меньше той, которая была в форте Байу, что объяснялось сложностями в транспортировке подобного рода инвентаря; когда дело касалось перевозки на дальние расстояния, и уже тем более через лес. Пару выстрелов сделали и баллисты, но стрелой, даже в один метр длиной, было сложно попасть в цель на стене, а самим стенам попадание не причиняло никакого вреда.

Какое-то время обстрел продолжался. Сначала эльфы закидывали внутрь форта камни, потом в дело пошли бочки с горящими углями. Несколько снарядов попали в дома и одну казарму, но очаги сразу удалось затушить. Вскоре эльфы перешли снова на ядра и начали целиться в башни и стены. К катапультам присоединился многорукий великан – он начал метать камни поменьше, но с большей точностью. Однако и это не принесло нападавшим большого успеха.

Стены под ногами лучников сотрясались при каждом ударе, но они были достаточно крепкими, чтобы выдержать обстрел.

– Паааааберегись! – послышался крик снизу, и привычный стук молотка о рычаг раздался теперь уже по другую сторону стены. Это заработала катапульта форта Байу. Выстрел был встречен одобрительным «Уууууэээээээrrrr!» – боевым кличем Драбанта. Ядро взметнулось со скоростью сапсана и перелетело стену, устремившись ввысь.

Авилеро понимал, как этот первый выстрел важен для поднятия морального духа защитников. До него они стояли с растерянным видом и просто наблюдали за тем, как пришедшие из леса чужаки разрушали их Дом. Чувство бессилия отражалось то на одном, то на другом лице. У кого-то к бессилию примешивались бешенство и ярость, у других в глазах читались страх и неуверенность... Теперь же они могли достойно ответить. Старая катапульта форта Байу была своего рода козырной картой. Она располагалась за стенами, а значит, попасть в неё из орудий врага было очень и очень сложно. Катапульта метала снаряды большей массы и била на большее расстояние. А в складских подвалах оказалось достаточно гладко вытесанных валунов для метания, чтобы забрасывать противника долгое время.

Первый же выстрел оказался на удивление удачным. Снаряд полетел так быстро и так неожиданно, что даже не был замечен нападавшими. Просто в какой-то момент одна из передовых шеренг вдруг рассыпалась. Двое умерли сразу – их верхние части тела снесло и кровавыми кусками разбросало в перекошенные от ужаса лица воинов, стоявших по соседству. Продолжив падение, ядро стукнулось о землю и пробуровило её на несколько метров, перебив ноги ещё несколькими воякам. Из-за снега Авилеро мало что смог увидеть, но он услышал звуки: глухой удар, хруст костей, потом крики, вой раненых и спешные команды врачей, бегущих к покалеченным.

Ряды противника зашумели.

Это была первая кровь – пока только проба пера бога войны. В этот момент даже воины на стенах испытывали больше шок от душераздирающих криков умирающих, чем радость от удавшейся атаки.

Тем временем командованию эльфийской армией стало понятно – обстрел форта не приведёт к каким-либо существенным результатам, а выжидание на открытой местности под огнём только даст новые потери. Приказы не заставили себя ждать. Шеренги воинов всколыхнулись и двинулись. Вперед выступили небольшие группы с абордажными лестницами. Рядом с каждой такой группой маршировали меченосцы – основная ударная сила. Позади них – линии лучников для поддержки. Марш набирал темп. Отряды приближались. Тут же задвигалась и кавалерия. Большая масса конных лучников из Камышового Войска обогнули марширующие пешие колонны. Выскочив вперед и набирая скорость, они понеслись к стене для предварительного обстрела форта. Разгоряченные кони выдували клубы пара из ноздрей и стелились по коричнево-белой земле так, что Авилеро невольно залюбовался зрелищем. Было похоже, как будто огромный и опасный косяк хищных рыб выходит на охоту. Бока лошадей поблёскивали от пота. Краем глаза Авилеро видел, что его лучники уже взяли свои цели. Натянутые тетивы потрескивали. Острые зазубренные концы стрел медленно двигались вслед приближающимся всадникам. Авилеро поднял

руку для приказа стрелять, но не опускал её. Конница почти приблизилась на расстояние выстрела, но эльф всё не отдавал приказ.

Конные развернулись и сделали ещё круг, дожидаясь, когда основные силы подойдут ближе. С каждым кругом они проносились всё ближе и ближе от стены, но по-прежнему держали расстояние выстрела. Вот с очередным кругом эльфы на скаку достали стрелы, наложили их на тетиву и начали прицеливаться, приближаясь к форту ближе, чем раньше и готовясь осыпать оборонявшихся. И тут всадники в авангарде, на полном скаку вдруг стали проваливаться словно под землю. Со стен было прекрасно видно, как лошади с диким ржанием кувыркались через головы при падении в ямы-ловушки. Часть атаковавших успели притормозить лошадей, но попали на скользкий склон. Кони неуклюже скользили по краю канавы, не в силах удержать равновесие, валились на бок и сползали внутрь на острые пики. Те, кто успел, рванули лошадей в сторону – прочь от «волчьей ямы».

Авилеро, наконец, опустил руку и закричал: «Стрееелы!» Воздух наполнился жужжанием нескольких десятков стрел. Они разили эльфов, пытающихся выбраться из канавы, и не успевших ускакать всадников. Конные эльфы не имели тяжелых доспехов, и поэтому стрелы для многих оказались смертоносными.

Пятнадцать стрел в минуту – таков был минимум для лучников Байу. Кому, если не лучникам, было защищать стены

форта в первую очередь? Поэтому, именно их умениям и навыкам уделялась главная роль с самого основания этого приграничного блокпоста. В течение многих лет, проведенных в форте, воины оттачивали меткость, скорострельность, различные техники ведения стрельбы. И сейчас это дало свои плоды. Впервые лучники почувствовали настоящую причину, зачем они потратили многие годы своей жизни на обучение. Этот момент мог не наступить вообще. Но он наступил. Только теперь их чувства были смешаны, ведь перед ними были не манекены на деревянных кольях, набитые соломой. Перед ними корчились в предсмертной агонии сраженные стрелами эльфы – их лесные соседи, с которыми они общались и вели торговлю многие годы.

Некоторых эльфов, сраженных метким попаданием, кони понесли дальше. Другие лежали на земле – мёртвые. Из ямы уже никто не выползал: даже тот рыцарь, который вёл за собой «косяк» лучников. Он свалился в волчью яму первым, ему удалось не сломать шею, и его взял на себя Авилеро. Руки сами автоматически наводили айнахский лук и спускали тетиву. Первая стрела воткнулась в склон канавы чуть правее предплечья, когда рыцарь пытался из нее выбраться, раз за разом соскальзывая вниз. Другая пригвоздила его к этому самому склону, пробив кольчугу посередине спины. Его шлем с коротким синим гребнем как-то нелепо соскочил с головы и медленно поплыл по грязевому склону на дно ямы. Рыцарь же так и повис на стреле, украсив склон своей фи-

гурой в красивых латах. Это была первая кровь благородного свойства – кровь рыцаря – явно одного из знатных родов Сапфировых озёр.

На несколько секунд шеренги встали в замешательстве. Всадники галопом уходили в тыл пеших легионов, а краги отправили разведчиков проверить расположение и протяженность «волчьей ямы». Для большинства разведчиков такая пробежка была сродни смертному приговору. «Лёгкая мишень,» – думал Авилеро, наблюдая, как его люди отстреливают бегунов одного за другим. Далеко не все успели вернуться живыми. Вскоре для командования эльфов Ливеллии стало ясно – обойти яму не получится. Необходимо идти через неё.

Авилеро смерил расстояние до противника, отдал приказ не стрелять (надо беречь стрелы) и стал наблюдать.

Снова стреляет катапульта Байу, разбивая пополам один из отрядов: сперва рассыпавшаяся шеренга вновь собирается в строй.

Испуганные лица эльфов в первых рядах.

Вестовой с чёрно-жёлтым флагом отделяется от командующей конной группы, в которой угадываются фигуры Изара и недавно прибывшего высокого всадника с черной половиной лица, и объезжает вдоль всех войск, выкрикивая один и тот же приказ.

Войска разворачиваются и отступают.

– За сегодня они сколотят мосты, и завтра начнется настоящая осада, – пробурчал сквозь бороду Военег.

– Ха! Зато наша катапульта не даёт им покоя ни днем, ни ночью... Вряд ли они будут спокойно спать, – в явно поднятом настроении проговорил управляющий внутренними делами форта Имелик Дзыба.

Сумерки обступали Байу, просачивались сквозь щели в воротах, медленно перелезали через каменные зубцы стен, окутывали дома и площади, скрывали суровые лица оборонявшихся в сизую темень. Снег перешел в дождь, а затем и вовсе перестал. Со стороны лагеря эльфов не умолкая раздавались стуки молотков и звуки пил, вгрызающихся в плоть дерева.

На этот раз командование форта собралось в столовой, которая размещалась на третьем этаже донжона, аккуратно выше главного зала. В свете канделябров тускло мерцали лики древних воителей Драбанта – предки теперешней династии Фичгровов: искусно выведенные в гобеленах и коврах портреты и сцены былых побед Великой Войны, уже наполовину выцветшие, но всё же сохранившие основные краски. Однако красота не была главным назначением гобеленов. Более важным было то, что они сохраняли тепло в помещениях.

Кроме капитана Фойердаля, Военег и бурмистра Дзы-

бы за длинным дубовым столом на этот раз сидели командующие отрядами лучников Авилеро и Яль, командующие меченосцами-арбалетчиками Ерень Де Брёйне и Житомир Нозарь, а также предводитель конного отряда – низкорослый, но свирепый Закк Ревень. Все они были впервые в стенах жилища командующего и поэтому немного смущались. Кессен Фойердаль посчитал необходимым провести общий ужин, чтобы обсудить завтрашние действия при обороне и в целом сплотить дух команды.

На столе была разложена вяленая оленина, а в тарелках дымилась луковая похлёбка, приправленная айнахскими травами. Продовольствия, запасенного ещё с лета, хватало. И хотя в то время о войне даже не думали, тревожные и не совсем ясные новости о смутах то в Ливеллии, то в Республике подсказали Дзыбе запастись провиантом поосновательней. Чем-чем, а интуицией Дзыба обделен не был.

– Пойдут всеми силами на стены, предварительно обстреляв нас из катапульта и луков, чтобы немного сбить пыл и уверенность, – продолжал Кессен, не забывая давать знаки, чтобы кельнер подливал двадцатиградусную наливку на рогах оленя. – Думаю, они сколотили простейшие мостки. По ним будут по очереди перебираться через волчьи ямы, но темп штурма всё равно замедлится на подступах к основному рву с водой.

– Уверен, что ловушки пройдут быстро, – покачал бородой Военег. – Главное, сгустить обстрел по мосткам, пока

они будут тесниться, перебираясь через рвы. Ави, сколько ты можешь держать обстрел пошибче?

– Около семи минут – более ста стрел в расход. Дальше – смена колчанов, – четко ответил эльф. Он был одет в свой лучший кафтан и подпоясан бело-серым поясом из кожи буйвола – типичным парадным атрибутом драбантских вояк.

– Этого будет недостаточно, – нахмурился Кессен. – Сколько у нас лучников на южной стене? Тридцать? Сорок? А их сотни и мостов они нарубили десятки... Нужна поддержка арбалетчиков. Пусть выходят на стену и отстреляют свои пять-шесть стрел сразу после того, как лучники закончат, – обратился капитан к Ялю и Авилеро.

Уже захмелевший эльф слушал капитана и не слышал... Сам того не желая, он вдруг живо представил, как нападающие в крови падают в «волчью яму» и тонут в грязи, как они толпятся и подталкивают друг друга, лишь бы перебежать смертельные рвы.

– Важно не дать им поднять лестницы. Это их первостепенная задача, – продолжил Кессен. – Мы подготовим свиной жир и смолу. Отрядите людей, которые будут лить их на поднимающихся и поджигать. Жира у нас немного, накажите его беречь!

Авилеро кивнул... Ему показалось, что он чувствует зловонье опаленного мяса и слышит противный визг горящих эльфов с красивыми зелёными глазами. Неужели этими же

голосами они совсем недавно так складно пели свои баллады под лютню?!

Он тряхнул головой и услышал Военегу.

– Позволь перебить, Кессен. Я заметил, что они идут довольно плотными шеренгами. Как по мне, так можно начать обстрел до того, как ушастые подойдут к первой канаве и начнут перекидывать мостки. Надо бы попугать их хорошенько. А нашенской катапульты обождем эльфушек бить, а попробуем достать их металки. Коли снега не будет, прицелимся получше. Попадём в их катапульту – точно механизм перебьём.

Кессен мотнул головой, и кивок его показался каким-то далеким и размытым на другой стороне стола. «Наливка... Сколько там было градусов? А завтра в бой... – думал Авилеро. – Треклятые лесняки! Что Вам не жилось?! А сам-то? ЛЕСНЯК! Знаешь хоть, ЧТО там на самом деле произошло? Ведь должна же быть причина, по которой все они пришли сюда воевать... умирать... Неужто правда с ними Боги!? Что ты вообще знаешь о своем народе? И где твой народ? И в каких богов ТЫ веришь?»

Имелик Дзыба поправил седеющие волосы и, кажется, с налетом то ли печали, то ли смущения проговорил:

– Стрелы я приказал смазать грязью. Возьмёте колчаны на рассвете из склада.

Яль непонимающе взглянул на него своими косыми глазами, в которых едва можно было разглядеть зрачок.

– Увеличивает шанс попадания инфекции и ... заражения, – ещё тише произнес Имелик.

Кессен за дальним концом стола снова кивнул.

– Согласен, Имелик, это неплохая идея. А в целом, дя-дюшка Военег прав, надо бы их, сволочей, ик, – Кессен икнул, отчего кошка, как обычно пригревшаяся у него на коленях, проворно спрыгнула на пол и удалилась с явно недовольной мордой. Капитан проводил её взглядом и продолжил. – Короче, психологически на них надавить. Поплотнее бейте, да поскорее. Я знаю, ты можешь Авилеро... Наслышан. Помни – у тебя самый важный участок. Они попрут на южные ворота как муравьи...

Сразу как отстреляются их лучники. Пехота пойдёт в наступление... Всеми силами.

Их лица будут молодыми и...

нерешительными.

Растерянными.

Озлобленность, которую так искал Авилеро, совсем не читалась во взглядах чистых зеленых глаз на красивых лицах. Глаз, обращенных ввысь на стену. Глаз, уже близких настолько, чтобы встретиться с глазами людей по ту сторону стены. Казалось, они сами искали эту злобу в себе и не могли найти. Но она придет... С убийством друга, со смертью брата, который падёт рядом на талый снег. Она разгорится желанием мстить. Желанием сжечь всё дотла и отнять всё, что есть, потому что они это заслужили кровью своих братьев по ору-

жию и собственным потом от многодневных маршей.

Авилеро и его отряд уже выдержали первый навесной обстрел эльфов. Лишь один лучник получил ранение и был спущен в лазарет. На восточной стене не было всё так же удачно. Один из метательных камней разбил защитный зубец, буквально смахнув двоих лучников Яля. Они пролетели все семь метров со стены и с глухим стуком ударились оземь. Один из них замолк сразу, второй теперь вопил от боли.

Крики раненых лишили Авилеро прежнего чувства защищенности, которое с утра предательски засело у него в голове. «Ведь как можно залезть к нам так высоко? На эти массивные неприступные стены. Под неустанным обстрелом лучших лучников Восточного Драбанта, – размышлял он, глядя из-за защитного зубца на подступающих в быстром марше эльфов. – Ведь я могу в секунду спрятаться за этим самым зубцом, а куда спрятаться Вам?»

Вот он выбрал цель и скомандовал своим людям: «К тетивее!» Он, как и в прошлый раз, выбрал себе крага. Командующий сотней был облачен в богатые латы и лёгкий шлем с железными пластинами на лбу и по бокам. Сверху неизменно красовался рыжий лисий хвост. Из-под сверкающих металлических наплечников торчали длинные пестрые перья филина. Справа от него знаменосец нёс флаг рыцарского рода, но Авилеро никак не мог, да и не хотел разглядывать что на нем.

Команда дана!

Стрелы красивой траекторией засверкали, стремясь прикоснуться к живому телу холодом железа. Проклятье! Стрела Авилеро должна была пробить грудину доспеха, но лишь по касательной отскочила от него. Эльф упал, но сразу поднялся. Мост в виде сколоченных вместе бревен был брошен через первый ров. Солдаты тут же устремились по нему вперед. Рыцарь замешался в сумятице тел. Сколько же их было много! А упало на землю так мало! Только теперь Авилеро понимал разницу в численности армий. Необходимо давить числом выстрелов и скорострельностью. Только так их можно остановить. Он вынул следующую стрелу и вначале прицелился в другого эльфа – в более близкую цель, но остановил себя. Странное чувство обиды за предыдущую промашку заставило его снова найти того рыцаря. Из множества вариантов, пока ещё очень простых и понятных, он захотел найти именно его.

«Разве так ты стрелял на стрельбищах, идиот!? – неожиданно он разозлился сам на себя. – Стреляешь вполсилы? Давай!!! Целься! Убей его!» Авилеро почувствовал, как совсем рядом пролетела стрела противника так, что обожгла ухо, но он не обратил на это внимание и не спрятался за стену. Он снова нашёл молодого рыцаря, ведущего вперед свой взвод уже через вторую волчью яму, и спустил тетиву. На этот раз стрела попала в незащищенное бедро, и рыцарь, не успев добежать до конца мостка, упал набок. Его постарался поднять подоспевший на помощь брат по оружию, но ры-

царь не смог встать и неудачно повалил обоих вниз – в яму. Дальше Авилеро уже не следил за судьбой крага. Необходимо было срочно отстрелять все стрелы.

Шеренги противника накатывали волнами на форт Байу. И как бы ни старались оборонявшиеся остановить атаки, прошло совсем немного времени, как сразу две лестницы ударились о край стены и закачались от поднимающихся по ним воинов. Из смоляных носов на них тут же полилась обжигающая смола, превращающая красивые лица в уродливые маски прокаженных. Лестницы запылали от подожженного свиного жира, щедро льющегося из заготовленных бочек. Воздух вокруг наполнялся воплями искалеченных и умирающих. Авилеро стрелял, постоянно поворачиваясь то влево, то вправо, чтобы оценить обстановку: «Есть здесь условленный порядок обороны или уже всё катится к чертям? Почему этот арбалетчик в нашем ряду? Ведь он должен прикрывать только на время перезарядки... Почему Лукас разлёгся в такой странной позе с такой наглой ухмылкой на лице?»

– Ави, у тебя из уха кровь, – крикнул ему кто-то.

Эльф обернулся и увидел рядом с собой Льдинку. Блёмер с растрёпанными волосами, выбивающимися из-под налобной повязки, занял место убитого Лукаса. За спиной у него

оставался только один полупустой колчан.

– Их слишком много! – Блёмер продолжил стрелять и добавил. – Ты видел эту тварину? Вон! Уже почти добралась до дружины Яля.

Авилеро устремился на край своего участка стены, с которого было видно, как к восточному бастиону, к осевшему от времени Брату-Шибала, размашистыми шагами приближается нечто. Теперь оно было намного ближе, чем когда Авилеро увидел его издалека в первый раз. Теперь эльф смог рассмотреть всю мерзость и неестественность этого создания. Рук у него было четыре, а может и больше – по несколько на каждой стороне. Каждая его рука состояла из множества человеческих (или эльфийских) рук, сшитых вместе, скрепленных железными скобами, завязанных тугими веревками до локтей так, что они образовывали мощное плечо. От локтей руки разветвлялись в несколько не связанных между собой предплечий. Тело и ноги также состояли из множества сцепленных вместе тел и ног. Кто вдохнул жизнь в эти пожелтевшие, местами посиневшие мертвые части тел? Монстр перелез через водяной ров и полез на башню. Сразу несколько стрел впились в плоть, но тварь даже не закричала, будто уже была мертва. Будто все эти человеческие части по отдельности не были частью этого организма. А что тогда это было?

Рост чудовища позволял взобраться и даже перелезть стену. Оно уже тянуло руки к лучникам, когда Авилеро увидел,

что кто-то подбежал ближе и плеснул на него свиного жира. Смельчак был тут же схвачен, поднят ввысь и отброшен со стены далеко в поле. И всё же это не остановило второго героя кинуть в чудовище факел. Огонь вспыхнул сразу, объев грудь и предплечья существа, которые уже было подтягивали тело к верхнему краю стены. Жуткий визг множества глоток раздался и заполнил все пространство вокруг. Тварь рухнула на спину, и только тут Авилеро увидел её лицо... лица! Даже самая больная фантазия подземного орка, объевшегося «пылающим грибом», не смогла бы создать что-то подобное. Голова состояла как бы из нескольких голов, сплавленных по кругу макушками друг к другу. В середине располагались глаза. Вернее, множество человеческих глаз. Одни были грустными, другие злыми, в-третьих читался страх, а в-четвертых удивление. Одни были слезящимися глазами старика с морщинами у уголков, другие – воспаленными глазами молодой девушки, третьи – голубыми глазами ребенка. И таких глаз были десятки. От центра, где располагались глаза, во все стороны – вверх, вниз, вправо, влево – как крупные костлявые лепестки, торчали мёртвенно-синие скулы и подбородки с перекошенными губами и почти беззубыми ртами.

Авилеро увидел, как Лыдинку вырвало. Он сам еле удержался, чтобы его не стошнило прямо со стены от вида этого разлагающегося живого трупа, но вместо этого он всадил в горящее существо несколько стрел.

Монстр противно верещал и полз к спасительному рву с

водой, оставляя за собой ошметки людских органов, которые вываливались из открытой раны на спине, видимо, полученной при падении. Достигнув рва, тело с шипением в клубах пара ушло на миг под воду. Тут же вынырнуло и поползло наверх. В спину вошли ещё несколько стрел. «Бесполезно, – подумал Авилеро. – никакие стрелы не смогут остановить его». Множеством рук существо подтянулось за край рва, выбралось на землю и заковыляло прочь.

Вокруг горели лестницы и эльфы. Те, кто успел взобраться на стену, отчаянно рубились с подоспевшими отрядами меченосцев Ереня Де Брёйне. Ерень был хорош! В своих вороненых латах, отливающих чем-то мрачным и безысходным, он остервенело повел своих людей на стену, как только увидел на ней первую шапку с лисим хвостом. Немногие эльфы, достигшие верхушки стены, дико уставшие от утомительного рейда через канавы и подъёма на стену, оказались лёгкой добычей и были просто изрублены подоспевшими меченосцами.

На южной же стене Авилеро не оставил шанса никому. Все лестницы были сломаны сброшенными на них камнями или сожжены до того, как первый эльфийский воин смог появиться на вершине стены. Вскоре Авилеро понял промашку нападавших – у них было слишком мало лестниц и слишком много людей. Они слишком торопились взять форт и пойти дальше на север до Угольного тракта и поэтому не потрудились задержаться хотя бы на несколько дней, чтобы

соорудить побольше осадных лестниц для массивированного штурма. И теперь они снова беспомощно отступали. На этот раз оставляя после себя затихшие окровавленные тела или стонущие, но неизменно окровавленные. Некоторых раненых стрелки форта позволяли оттащить, других же добивали меткими выстрелами. Тех людей, кто добивал, никто не останавливал. Тем, кто сжалился и не стрелял в спины, никто не приказывал продолжать убивать. Защитники Байу стояли на стене с дикими глазами и наблюдали за отступлением. Кто-то улюлюкал вслед, кто-то орал проклятия и угрозы, а другие просто смотрели. Усталость после напряжения боя вдруг стала подкашивать ноги и заставляла руки дрожать.

– Я же тебе сказал про ухо. Ты чего не перевязал? – Лыдинка подошёл к Авилеро.

Авилеро тронул рукой край уха и зашипел от боли. По щеке на шею струилась кровь.

– Дай посмотрю, – Блёмер осмотрел рану. – Порвано. Иди в лазарет, зашьют.

– Хорошо, – ответил эльф. – Подождем немного и схожу. Он осмотрел свой отряд и скомандовал:

– Каждый четвертый по счету от Толстого Ригдара остаётся на стене. Остальные спускайтесь. Кому нужно, в лазарет. Помогите раненым.

Сам он тоже остался на стене на некоторое время, чтобы удостовериться, что лесные эльфы не возобновят атаку.

Стоны раненых затихали. Их аккуратно спускали вниз и

переносили в лазарет, где уже в поте лица трудился единственный лекарь в форте – магистр Второй гильдии травников объединенной Драбант-Левэрской Академии – уважаемый всеми Зафар Ляхне. В это утро защитники потеряли лишь троих. Одиннадцать были ранены. Двое тяжело. Катапульти противника продолжали стрелять горящими углями и спалили два дома в восточной части форта. В остальном можно было считать, что бой полностью выигран фортом Байу. Удачным выстрелом была сломана одна из катапульти противника. С внешней стороны стены догорали осадные лестницы.

Ветерок пошевелил волосы Авилеро, выбившиеся из-под кожаной шапки. Это был теплый ветер. «Неужели, наконец, весна», – подумал эльф. Запах весны было сложно перепутать. Он исходил из глубин лесных массивов – свежий, едва уловимый. Нежный аромат как будто шёл над всем этим кровавым ужасом: поверх мертвых тел, минуя смерть, – аромат пока ещё без примеси разложения и тлена.

Неописуемое умиротворение опустилось на сердце. Авилеро глядел на передвижения эльфийских отрядов, и картина показалась ему красивой и мирной. Адреналин ушел через ноги в древние холодные камни стены-защитницы. Должен ли он чувствовать стыд или сомнения? Ведь он убивал свой народ. Нет. Авилеро не чувствовал ничего, кроме чуть тёплого южного ветерка. «Завтра всё начнется заново... – мысли текли хоть и хаотично, но плавно и размеренно. – Что

я защищаю здесь? Дом и друзей! Они приютили меня, когда Ливеллия отвергла. Обучили всему – как работать, как воевать. И плевать на разрез глаз и размер ушей. И плевать, что и здесь я никогда не буду в полной мере своим».

Темнота и сырость подвалов донжона уже как много лет не принимали гостей, и поэтому, когда Ясномысл пыхтел над проржавевшим засовом, тот ни в какую не хотел поддаваться. Уже расцарапав себе руки о железные заусенцы, он со злостью ударил обухом топора, чтобы вправить дверь. И только тогда замок, наконец, повернулся два раза. Скрежет металла открываемой двери о каменный пол отправил бесчисленное множество мурашек бегать по коже вошедших в подземелье.

– Посвети.

Пламя факела озарило узкий коридор, и тут же по каменным стенам в темные щели метнулись застигнутые враспloch мокрицы размером с человеческий палец. Влажные от сырости камни заиграли желтыми бликами. Нежданные гости долго спускались по лестнице вниз, потом двинулись по туннелю вглубь и через дюжину шагов оказались в более широком помещении. Направо и налево от него расходились ещё два коридора с рядами дверей из толстых железных прутьев. Посередине площадки стоял прогнивший стул и ведро с чем-

то мутным. Запахло затхлостью и мышинным пометом.

– Кроме крыс здесь последние десятки лет никто не пи-
ровал... Но мы это исправим, – раздался неприятный голос,
и шаги от нескольких пар ног снова глухо зазвучали в полу-
мраке.

– Кажется, туда и потом направо.

Следующая толстенная дверь не была заперта. Она висе-
ла на боку на одной петле. Ясномысл подумал, что если бы
она упала, то грохот разбудил бы добрую половину форта.
Хотя, нет. Скорее наоборот. Подземелья были построены та-
ким образом, что ни один даже самый громкий крик не мог
быть услышан снаружи. Подвалы главной башни форта Байу
с давних пор были оборудованы под тюрьму и пыточные ка-
меры, которых, к слову, было целых две.

Люди вошли в просторное помещение. По крайней мере,
так казалось, судя по менее затхлому воздуху. Огонь запля-
сал на факелах, откуда-то тянуло небольшим сквознячком.

– Тута, – прозвучал грубый голос, и тут же последовал
звук, будто на землю кинули мешок с костями.

Кто-то протяжно замычал. В комнату вошли ещё несколь-
ко человек с факелами и стало довольно светло, чтобы уви-
деть стоявшего на коленях эльфа с разбитым, наполовину
опухшим лицом и с кляпом во рту. Его обступили пять чело-
век.

– Ну и мерзость, – сказал один из вошедших то ли по от-
ношению к окружающему его убранству пытошного застен-

ка, то ли смотря на изуродованное лицо эльфа.

– Выньте ему кляп и позовите капитана, – проговорил Яс-номысл. – Будем начинать.

Один из сопровождавших побежал обратно – звать Кес-сена Фойердаля для ведения допроса.

Другой – лысеющий толстяк с дряблым широким лицом – грубо выковырял кляп изо рта узника. Тот даже и не думал кричать – он понимал абсурдность любых попыток позвать на помощь или сбежать. В тусклом свете факелов эльф расширенными покрасневшими глазами смотрел по углам комнаты. Справа от него темнело кресло для пыток с острыми ржавыми шипами и скобами для закрепления рук и ног. «Железная дева» валялась на боку рядом с креслом и представляла собой закрывающуюся камеру в форме женщины и размером со взрослого человека, полную вбитых изнутри гвоздей. На столе, придвинутом к противоположной стене, были разбросаны винтовые рукавицы для дробления костей, грудные когти, несколько воронок, видимо, для вливания раскаленного железа или смолы и ещё несколько предметов, о назначении которых даже не хотелось догадываться.

Толстяк грубо схватил заключенного за руку и одним рывком поднял на ноги. Второй рукой он довольно ощутимо врезал эльфу под рёбра так, что тот охнул, согнулся пополам, но не упал.

– Тааак, начнём с пальчиков, – прозвучал грубый голос, принадлежащий другому человеку – это был неопрятно оде-

тый в черную робу мужик с тёмными глазами и розовым шрамом во весь подбородок.

– П-п-одождите, – взмолился эльф, подняв на него глаза. – Не мучай... Что вам надо? Всё скажу.

Люди переглянулись. Пленник наотрез отказывался говорить с того самого момента, как очнулся после сильного удара по голове булавой во время боя. Было похоже, что ужасающий вид орудий пыток быстро изменил эльфу настроение.

– Добро. Сейчас капитан придёт и запоешь.

Мужик со шрамом прыжком сел на стол и достал из кармана самокрутку. От дыма горькой травы у всех тут же застезились глаза.

– Подождал бы уж, Крам. И так дышать мышшиной сранью не вмоготу. Ещё твоя отрава, – не выдержал Ясномысл, но мужчина с грубым голосом только крякнул и попытался выдыхать дым в другую сторону.

Эльф опустил голову и молчал. Остальные тоже молча стояли в ожидании, не зная, чем заняться.

Но вот в глубине туннелей зазвучали шаги, и через некоторое время в камеру вошел Кессен Фойердаль с Военегом.

– Зараза, негде покурить было? – Были первые слова Военега. – Туши, дубина.

Крам соскочил со стола и быстро затушил самокрутку, виновато потупив взгляд.

– Заговорил? – спросил Кессен.

– Да ведь это ж эльфы, милсдарь капитан. Им одну при-

блуду покажи, которая пальчики-то ломает, они в обморок и бахаются. Всёё сейчас, паскуда, выложит, – пояснил вновь осмелевший Крам, будто растолковывая ребёнку прописные истины.

Кессену подали стул, и он сел напротив эльфа.

– Как тебя зовут?

– Йомаль Гийова.

Было видно, как эльфу неприятны слова Крама, но боль уже существующая и возможность её многократного усиления, были идеальным средством, чтобы заглушить обиду.

– Хорошо, Йомаль.

Долгий немигающий взгляд Кессена действовал не хуже «крошителя костей».

– Ответь мне для начала, что ты знаешь о планах вашего воинства.

Эльф отвечал без запинки.

– Мы идём через форты Байу и Роспел. Далее на Дорсвиль, – он сглотнул слюну и закашлялся. – Потом соединяемся с основной армией и берем столицу Драбанта – Твердрек.

– Ха-ха! Так уж и берёте Твердрек! Ишь, какие ловкие! – усмехнулся Крам, но после смачной оплеухи Военег замолчал до самого конца допроса.

– Так... – продолжил Кессен, – Думаю, у вас будут проблемы со взятием этого форта. Как вы собрались брать остальные? Ладно, другими словами. Вы собираетесь осаждать

Байу до последнего или пойдете дальше, как только сойдет снег?

Эльф сморщился от боли, которую ему продолжали доставлять тяжелые кандалы и открытая рана на голове. Потрескавшиеся губы с запекшейся кровью дрожали.

– Дайте ему воды и снимите кандалы. Он вряд ли отсюда сбежит, – распорядился Фойердаль.

Ясномысл ушел за водой, а Йомаль заговорил.

– Армии Петляющего Леса и Камышового Войска достаточно, чтобы осадить оба форта и Дорсвиль, – он взглянул Кессену прямо в глаза. – Будут ещё катапульты. С нами Сила, мощь которую лучше не испытывать на себе. Достопочтенный, уверяю Вас... Ради Ваших жизней и жизней ваших семей...

– Что это за Сила? – перебил его Кессен. – Только не говори мне про Гаруццу и божественные воплощения...

– Нет, – быстро прервал его эльф. – Её здесь нет. Сюда прибыла чародейка не менее сильная.

– Говори.

– Я думаю, Вы видели её, прибывшую с Камышовым Войском. Высоченная, с обожженным лицом. Мы зовём её Третья.

– Третья?

– Да, знаете эту детскую считалочку? Думаю, она ходила и в этих краях:

«Первая ведьма лики меняла

Вторая ведьма на дудке играла»

Толстяк, всё это время стоявший в углу в тени, вдруг тихо и задумчиво продолжил:

«Третья ведьма длинной была

Четвёртая ведьма с внучкой жила

– Пятая ведьма ушла на покой, – добавил Кессен.

– Ну а Шестая, – начал Военег.

– Придёт за тобой, – закончили известную считалочку все хором.

– Она не называла своего имени, и все прозвали её просто Третья, потому что длиннющая она, – произнёс Йомаль.

Вернулся Ясномысл и дал эльфу отхлебнуть студёной воды из деревянного черпака. Йомаль впился губами в черпак и не отпускал пока не выпил всё. Кессен поёжился от холода, царившего в катакомбах.

– Значит, она командует Камышовым воинством.

– Да, она и Изар сейчас командуют.

Военег выступил вперёд и, приблизив факел к эльфу, произнес:

– Что за многорукая тварь?

На лице Йомалья появилась гримаса отвращения.

– Это «Шмель». Говорят, его создала Гаруцца из останков жителей одной деревни, несколько лет назад. Он служит ей.

– Как его остановить?

– Я не знаю. Это... эта зверюга... мы стараемся не подходить к ней. Она воняет мертвечиной. Спать уходит глубоко в лес. Возвращается только днем... Что вы со мной сделаете? – спросил эльф.

– Ничего, если расскажешь всё, что знаешь, – продолжил Военег. – Скажи теперь про горных эльфов. Айнах с вами?

– Мммм, – замычал Йомаль. – Знаю только, что юг Айнах Ад'Дира присоединился к Культуре. Это всё, что я знаю. Поверьте мне. Мне не нужна эта война, просто...

– Культ?

– Да, так вы его называете. Мы называем это «Дорогой Назад» или «Дорогой Творцов»... – он посмотрел на окружающих его людей, боясь, что они разозлятся от его нравоучений или будут нетерпеливы, но все спокойно стояли, ожидая продолжения: – Мы признали нового возродённого единого Бога – Гаруццу и её Учение. Этот Путь может привести нас всех назад к гармонии. Подчиняясь...

– Ладно, – всё-таки не выдержал Кессен. – Что с севером Айнаха?

После небольшой паузы эльф опустил голову и снова заговорил.

– Как я сказал, южные земли поддерживают Ливеллию.

Мы слышали, что отдельные регионы севера Айнаха не подчинились, включая короля. Столица – город синих кречетов, Шэ д' Иль Фиёсс и портовый Эрвил не приняли нового учения. Они ответили отказом...

Йомаль сухо излагал, стараясь не вкладывать эмоции в свои слова. Да и в целом, казалось, что он не был фанатично привержен новому Учению, но всё же верил в него – в силу нового пророка и в окончательную победу, хотя был достаточно умён, чтобы не раздражать окружающих людей демонстрацией этой веры. Эльф понимал, что всё то небольшое, о чём он расскажет – всё то, что он знает – не изменит ровным счетом ничего. Ведь форт окружён, и они все обречены на медленную смерть от голода или от меча.

– И вы не собираетесь воевать с не покорившимся Айнахом? – продолжил пыливый Кессен, стараясь узнать всю расстановку сил.

– Думаю, нет. Я слышал, мы просто перекроем Угольный тракт Камышовым войском и не дадим им соединиться с Ратью Твердрека. Горняки не пойдут против сильного конного войска на открытой местности. Это равносильно самоубийству. Все знают, что в Камышовом войске одни из лучших наездников во всех пяти королевствах.

Кессен задумался. Задумались и остальные. Где-то вдали монотонно капала вода. Пищали крысы.

– Верно, – выдохнул капитан и добавил. – Если только Саиф Рок Адвеллоун не решит бросить к чертям Линию

Несвернувшейся Крови и послать на вас Молящих о смерти.

В наступившей тишине эльф снова поднял голову и тряхнул волосами, слипшимися от запёкшейся крови:

– Если только Саиф Рок Адвеллоун не решит бросить к чертям Линию Несвернувшейся Крови и не послать на нас Молящих о смерти, – как эхо повторил он.

Выбравшись из катакомб, все с удовольствием вдохнули свежий воздух. И всё же, настоящая весна не за горами. Кигда зяблика подходила к концу, а уж в следующую кигду – кигду дрозда – солнце просто обязано согнать весь снег с полей. Дай нам дожить до этой благодати, великая Цартэ!

Люди машинально поглядели на стены и на дозорных – не случилось ли чего, не нападает ли враг? Нет. Фигуры постовых, нахохлившиеся как вороны от холода, выделялись на фоне синееющего предрассветного неба.

– Задержались мы, – проговорил Кессен. – Всё, что вы там услышали, останется при нас. Никому ни слова.

Он понимал, что байки про Шмеля и ведьму разлетятся, не успеет и солнце взойти... Ну и пусть. Он просто должен был это сказать.

– Военег, остальных пленных эльфов туда же. Свободных камер достаточно. Зажгите им пару пламенников. Кормить завтраком и ужином. Всё... Поспите... Разойтись.

Кессену снова снились Молящие о смерти – их избавители. Во сне они снова не торопились, хотя он как будто с высоты птичьего полёта уже видел форт в огне. Видел сквозь пламя, как мечутся по залитой кровью земле его люди, обезумевшие от страха и боли. Видел, как многорукое чудовище шагает сквозь развалившиеся стены и ест раненых. А Молящие о смерти... Где-то там... Вдали... За синими, дымящимися предрассветной дымкой горами. Они только собирались в путь. Он как бы видел два места одновременно. Разрывался между ними. Не мог отвести глаз от полыхающего форта, как бы ни хотел, но и не мог не следить за Молящими. Где же они – Молящие о смерти – этот несокрушимый, известный во всех землях отряд эльфов, оберегающий Линию Несвернувшейся Крови уже как более двухсот лет? Закалённый в бесчисленных схватках с орками, прощупываемыми из года в год границу, набег за набегом нападающими на Айнах Ад'Дир, но каждый раз покрывающие взгорья холодных скал Горратвेलира своими остывшими, обескровленными, выпотрошенными трупами. Капитан всё ворочался, стараясь скинуть тяжелые и страшные видения этих побелённых лиц Молящих, но продолжал быть свидетелем того, как они готовятся к бою, подводя глаза угольными тенями и крася тонкие губы глиной в черный цвет. Их было немного, но сильнее их не было никого. Никого! И почему же они так медлят!? Кессен хотел закричать, и он закричал сотней го-

лосов умирающих жителей Байу, но ни одно побеленное лицо Молящего не повернулось на этот крик. Кессен будто начал задыхаться от дыма пожаров... А воины Айнаха... Воины Айнаха, этот элитный отряд, начал молиться. Они молили Гаара – бога войны – о смерти в бою. Молили уже столько лет! Но он не даровал смерти почти никому из них! Их жизнь была долга и полна страданий, ибо человек может забыть нескончаемую вереницу лиц, но эльф будет помнить лицо каждого живого существа, умирающего в муках от его руки. И поэтому они продолжают молить. Молить Гаара прервать их муки. Но если он этого не сделает сегодня, ничего. Совсем скоро у них будет новый шанс в бою.

Прошло четыре дня с последнего штурма.

Капитан Байу в одной ночной рубашке выслушивал торопливый отчет Военег.

– ... почти готовы, и поэтому, я полагаю, сегодня они предпримут новый штурм. В последние дни они начали стрелять только по воротам Толстого Ригдара. Думают пробить там брешь, но пока безуспешно. Авилеро молодец – глаза-стый. Сказал мне, что видел, что эльфы сколотили таран. Я думаю так и есть.

– Значит, сегодня?

– Да... Все наготове. Думаю, скоро, Кессен. Скоро.

– Хорошо. Я позавтракаю – скажи Имелику подать – и спущусь. Да, пусть Имелик сам придёт: доложит о состоя-

ний съестного и воды в колодце. Вчера слышал, вода начала сильно убывать.

Военег не стал комментировать и только кивнул головой:
– Хорошо, капитан.

Кессен накинул тёмно-синий бархатный халат, вышитый звёздами и единорогами, – подарок двухлетней давности от любимой жены. Ещё свежий, не затертый. Халат снова вернул его мыслями к жене и детям. Уже несколько дней он размышлял послать тайком гонца вслед за ушедшими с Давошем семьями: «Добрались ли они до Бруни? А что дальше? Что нам это даст? Да, если всё хорошо, это успокоит ребят. Все переживают за семьи. А если не хорошо?» Кессен нахмурился и нервно пробарабанил костяшками пальцев по столу. По каким-то причинам, ему самому не известным, он откладывал это решение.

Перед тем, как войти, неизменно вежливый Имелик Дзыба постучался. И только выдержав паузу, вошёл, неся с собой поднос.

– Доброе утро, капитан!

– Доброе, Имелик. Проходи, не задерживайся. Военег уверен, что сегодня они предпримут второй штурм, так что, возможно, времени мало.

Имелик поставил поднос на стол, располагавшийся у окна в кабинете Фойердаля. Окно выходило на запад, на простиравшийся до горизонта лес. Сегодня лес стоял серый, хмурый. В снежном покрове уже начали появляться прогалины.

Ветра почти не было. Временами было видно лишь слабое колыхание ветвей, сбрасывающих остатки талого снега, как сбрасывает остатки скорлупы родившийся цыплёнок.

На подносе стояла тарелка с шкварчащей глазуньей, вяленой олениной и кусочками засоленных огурцов, а также кружка с морсом.

– Огурчики по-прежнему из твоих запасов? – с улыбкой спросил Кессен. От улыбки его и без того широкие скулы разъезжались ещё шире, и он становился похожим на ено-та за счёт серых глаз, посаженных ближе друг к другу, чем у большинства людей, и тёмной щетины, забивающей всю нижнюю часть лица. Это придавало бы ему скорее комичности, если бы не острый взгляд всё тех же глаз. Умные и где-то мрачные глаза смотрели на собеседника всегда прямо, будто они не только знали все твои секреты, но и принимали их без обвинений или обид.

– Да, капитан. Две бочки с соленьями ещё не скоро кончатся, – серьёзно заверил Имелик.

– Садись.

Имелик присел за стол.

– Что у нас с провиантом и с водой в колодце?

Бурмистр Байу всегда должен был знать ответы на такие вопросы, а Имелик Дзыба был отличным бурмистром.

– Капитан, во-первых, если позволите, более срочная информация. Только что сторожевой Джошуа Эжю со Смелого Юма доложил: небольшой конный отряд эльфов обошел

форт вокруг. Искали слабые места. Немногим позже их конница – большая часть Камышового войска – вместе с половиной повозок с фуражом снялись с лагеря и двинулись на север.

– Видать, отправились на Угольный тракт. Поняли, что осада будет небыстрой и решили перекрыть подступы для возможной подмоги нам, – капитан форта призадумался, отправляя в рот кусочек яичницы. – Похоже, это доказывает, что не все горные эльфы встали под флаги Ливеллии, и теперь лесняки торопятся перекрыть связь между Драбантом и Айнахом, чтобы не дать им скоординировать военные силы.

Кессен грустно посмотрел в окно.

– Капитан, для нас это ничего не меняет, – заговорил Имельик. – Если позволите, я продолжу.

Фойердаль кивнул и облокотился на стул.

– Провианта хватит по моим расчетам до следующей зимы. Если ограничим рацион до двух пайков в день: мясо, овощи, чистая вода, то можно будет продержаться больше. Сейчас большинство запасов размещаются на двух складах – тех, что у башни Смелый Юм. Все погреба в хорошем состоянии.

– Хорошо. Что с водой?

– С водой... Мы проверяем чистоту. Участились случаи жалоб на её качество. Но в целом это нормально для весны, так же нормально, как и то, что с наступлением тепла воды прибавится. Пока опасений нет.

Внизу послышались возбужденные голоса и торопливые шаги. Из окна Кессену не было видно, что происходит, но он сразу все понял.

Оба поднялись из-за стола как по команде. Недоеденный завтрак остался остывать на подносе.

Таран, осыпaeмый подоженными стрелами, медленно тащился через поле. Сердце его – ударное бревно – грозно покачивалось на цепях, готовое ожить и забиться. Оно представляло собой не что иное, как ствол сосны-великана, срубленной в здешних вековых лесах. На конец бревна был надет специальный железный наконечник в виде головы бакра² с небольшими, но толстыми рогами-отростками и свирепыми глазами, устремлёнными прямо на цель – главные ворота форта Байу.

Цепи, на которых висело бревно, крепились к раме в виде огромной остроугольной крыши. Под крышей по прикидкам Военeга пыхтели около пятидесяти воинов. Они рывками толкали этот навес на колесах, снятых с повозок, стараясь как можно скорее добраться до ворот. До этого дня со стен форта было хорошо видно, как эльфы валили лес и плотни-

² Бакр – крупное и опасное создание, похожее на огромного крота с мощной приплюснутой мордой, обитающее под землёй в предгорьях Айнаха, хотя некоторые путешественники утверждают, что видели подобное существо и у западных склонов Бурых гор.

чали, шаг за шагом возводя эту мощную конструкцию.

По обе стороны от движущегося орудия уже маршировали лучники. Они прикрывали наступающих, не давая защитникам крепости сильно высовываться и долго целиться в надвигающийся таран и наступающих эльфов, которые переносили широкие доски для возведения мостов через волчьи ямы.

– Грейте смолу и срочно несите к «дырам-убийцам»! – заорал со стены Авилеро.

Эльф уже давно следил за приближающимся соперником и понимал неизбежность подхода тарана к воротам. «Стрелами их не остановить! Только если сожжём. Семиликие дайте нам силы!» – мысли Авилеро метались. Он понимал, что ворота не так крепки, чтобы остановить таран, но они располагались в глубине башни, и чтобы добраться до них надо было пройти под сводами Толстого Ригдара. И это их шанс. Четыре «дыры-убийцы» были готовы: из двух польется кипящая смола – так называемые «смоляные носы», из двух других посыплутся камни и стрелы. А пока он стоял за защитными зубцами и наблюдал, как приближаются войска эльфов, и как то отвратительное создание снова выросло вдали за рядами пехоты. Оно не подходило близко к стенам, но было достаточно того, что оно кидало огромные валуны и куски земли.

Авилеро представил, как сначала атакующие столкнутся с первыми воротами Толстого Ригдара, крепко сколоченными

из двух слоёв толстых досок. За этими обычными створчатыми воротами, хоть и обитыми железными перемычками, были опущены вторые – деревянная решетка с обитыми железными концами. «Это будет не так легко, ублюдки!» – Авилеро зашёл в башню проверить, всё ли готово.

Его восприятие будто бы разделилось надвое. Одно существовало в текущей реальности – двигало тело в правильном направлении. Оно отвечало за отдачу приказов, оценку положения, контроль обороны, за физику движений. Другое же, внутреннее, вело монолог. Авилеро думалось о том, что он уже не так возбужден, как это было при первом штурме; о том, что он уже не медля стрелял и, возможно, отнял пару жизней. Он чувствовал, как нарастает злоба, как он хочет, даже страстно желает сам сесть на коня и изрубить всех на куски... Просто чтобы все кончилось... Кончилось быстрее.

– Посторонииись! – донеслось сбоку.

Авилеро отскочил в сторону, пропуская двух здоровых молодцов, которые тащили мешок с камнями. Внутри башни работа кипела, а значит скоро всё будет готово, чтобы встретить надвигающийся таран.

Он снова вышел наружу, на стену, прикрывая глаза от яркого, но еще холодного солнца. Со всех сторон его вновь обступили звуки. Брань лучников, крики раненых. Это дребезжание стрел в воздухе – какая-то особая вибрация. И еще щелчки от спускаемой тетивы то тут, то там. Гроыхание катапульта. И самые страшные, самые громкие – звуки руша-

щихся на форт ядер. На этот раз эльфы напряглись. Механики и зарядчики на вражеских катапультах неустанно работали. Неподадалёку от них стоял многорукий Шмель и тоже метал камни.

Где-то в западной части форта, ближе ко второй казарме, начался пожар.

Авилеро вынул стрелу, натянул тетиву до уха и поморщился от боли. Хоть голова и была перевязана, а шов наложили аккуратно, разорванное ухо не прекращало ныть. Вдобавок со дня ранения его периодически посещали болевые приступы от какого-то пищащего звука, то усиливающегося, то затихающего. Он постарался не обращать внимания на вновь вспыхнувшую боль и прицелился.

Стрела рванулась вперед, вслед за ней полетел взгляд и мысль Авилеро. Попал! Сражённый эльф завалился назад со стрелой в груди и сразу скрылся за спинами отрядов, продолжающих марш.

Когда кончились колчаны со стрелами, на стену выбежали арбалетчики и повели настильный огонь. Авилеро строго следовал указаниям Военег беречь стрелы. Кто знает, сколько ещё придется держать оборону? Поэтому после того, как отстрелялись арбалетчики, на стене все притихли, прячась за оборонительные зубцы. Арбалетчики спустились со стены и вернулись на прежние позиции. Поодаль мелькнуло потное лицо Четвертака, где-то рядом должен был быть Льдинка. Военег орал приказы, всё больше словами, не упо-

требимыми в обществе дам. Двоих раненых спускали вниз...

На восточной стене между Братом Шибалой и Сестрицей Огневицей тоже не было спокойно. Если на южной оконечности форта атакующие сконцентрировали силы на пробитии главных ворот, то на востоке эльфы шли широким фронтом, планируя взобраться на стену при помощи лестниц, и на этот раз лестниц было намного больше.

Таран было не остановить. Он въехал под своды башенной арки, в глубине которой располагались ворота, таким образом скрывшись внутри башни. Бабах!!! Таран врезался в ворота с такой силой, что оставшийся снег осыпался не только с ворот, но, казалось, со всего Толстого Ригдара. На потолке арки открылись дыры-убийцы и через них на осаждающих с шипением полилась смола. Камни загрохотали по крыше таранной конструкции. В нескольких местах камни проломил доски, но не так, чтобы в отверстия можно было хорошо прицелиться из лука.

– Не лейте всю смолу! Ждите, пока проломим щель побольше! Поджигай! – закричал Авилеро.

Это было рискованно, но в то же время очень эффективно. Поджечь таран и выкурить оттуда эльфов. Внутри башни стоял оглушительный ор – это кричали эльфы, раскачивающие таран. Авилеро был уверен, что в таком аду они ещё не оказывались. Вокруг на них сыпались стрелы и камни, смола обжигала плечи, руки, ноги, а теперь ещё возник и огонь! Некоторые были уже не в силах сдерживать боль от ожогов

и попытались выбежать из-под прикрытия, но тут же были сражены стрелами.

И всё же эльфы скоординировали атаку.

– Лестницы!!! – зазвучало вдруг с разных сторон.

Основные силы эльфов решили поддержать атаку тарана, бросив и на южную стену несколько сот воинов с лестницами. Авилеро выбежал из башни и в ужасе увидел, как лестницы с треском падали на стены и скрипели под тяжестью взбирающихся эльфов. Их лица уже не были похожи на смущенных воинов. Они были по-настоящему наполнены решимостью, злобой, но больше пониманием, что назад дороги нет.

Военег скомандовал обнажить мечи. На подмогу лучникам на стены снова вбежали арбалетчики-меченосцы. Длинными шестами люди скидывали лестницы и поднимающихся. Те старались цепляться за камни, но с проклятьями летели вниз и становились лёгкой добычей для стрел. Авилеро тоже успел подстрелить дюжину взбирающихся по лестницам эльфов, воспользовавшись прекрасным обзором с вышки. Башня Толстый Ригдар была угловая – фланкирующая – поэтому у лучников на башне был вид сразу на всю юго-восточную стену, что давало отличный шанс для меткого попадания.

Но вот впервые зазвучал лязг металла. Впервые соприкоснулись мечи: сперва на одном участке стены, потом на другом. Впервые брызнула темная кровь на ещё более тёмный,

мокрым от утренней росы, камень. Авилеро увидел, что его люди на стене бросили чаны с кипящей водой и свиным жиром, чтобы биться рукопашную. Он закричал:

– Не бросать!!! Жгите лестницы! Иначе они так и будут лезть! Жгите, вашу мать!

У его ног уже катилась оставленная кем-то бочка с кипящей смолой. Рядом оказался Четвертак. Вместе они подхватили горячий чан за деревянные ручки и, склонившись от тяжести, понесли его в сторону, где виднелись выступающие из-за края стены перекладыны лестницы. Краем глаза Авилеро уловил стремительно надвигающуюся фигуру с зелёно-серой раскраской камзола, типичную для воинов Петляющего леса. Он не выпустил бочку, а успел только поднять голову и увидеть, как нападавший вдруг дёрнулся, вскинув руки. Стрела вместе с толстой струёй крови вышла у нападавшего эльфа из горла. Второй взобравшийся эльф уже был встречен мечом подоспевшего Ереня Де Брёйне. Вокруг кипел бой. Стоял оглушительный рёв сотен глоток и лязг сотен мечей. Авилеро прекрасно понимал, что это именно тот момент, когда решается судьба форта. В спешке они расплескали смолу себе под ноги, но ни Четвертак, ни Авилеро не бросили чан. С ожогами они разберутся потом...

Когда обжигающая смола потекла прямо на плечи и изумленное красивое лицо поднимающегося по лестнице эльфа, которому не хватило лишь метра, чтобы добраться до края стены, Авилеро чуть не стошнило. Настолько близко был

этот эльф с пузырящимся от ожогов перекошенным лицом. Это уже было не лицо! Эльф летел вниз, успев открыть рот в немом крике; немом, потому что в горло уже затекла огненная жижа. Кто-то подоспел с факелом, и лестница полыхнула вместе с оставшимися на ней бойцами.

С другой стороны, метрах в десяти, с треском стукнулась о край стены ещё одна лестница. На стене, казалось, уже были все. Даже люди с катапульты бросили обстрел и вынули свои мечи. Авилеро увидел, как Военег недалеко от него размахивает своей булавой с заостренными набалдашниками. Другие налегали на рогатины, стараясь оттолкнуть лестницы. Ближе к восточным башням враг сумел не только взобраться, но и закрепиться на участке стены, прикрывая подход всё новых воинов.

Бабах! Продолжал свою работу таран. Он реже наносил удары, но мощь их не ослабевала. Авилеро крикнул стоящему неподалёку Ереню:

– Пали таран! Не бойтесь, что ворота загорятся, мы их быстро потушим песком. Сейчас нужно сжечь таран!!! Бери это на себя!

– А ты?

– Я возьму пятерых. Надо помочь выбить лесняков с того участка, – он показал пальцем на место, где толкались эльфы, стараясь расширить занимаемое на стене завоёванное пространство. Бой разгорался возле башни Сестрица Огневица. Авилеро позвал пятерых: Четвертака, Льдинку и ещё

троих наиболее подготовленных бойцов. Он оставил лук в углу башни так, чтобы вспомнить где он, вынул из ножен меч и побежал по проходу стены. Сама стена была построена довольно широкой. Двое человек спокойно могли разойтись по ширине прохода, а если бочком, то и четверо. Поэтому Авилеро быстро приближался, минуя лучников, прямо к эпицентру борьбы. В голове дико пульсировала боль, но тело бежало, бежало, бежало. «Боги! Что там делается?!» Приближаясь к общей толчее, он видел, как падают со стены люди и эльфы. Военег весь забрызганный кровью собственноручно ломил черепа своей палицей, пыхтя и ругаясь. Авилеро подоспел вовремя, потому что последний оборонявшийся с его стороны стены воин вдруг присел на одно колено и повалился на край стенового зубца. Эльф, сделавший выпад, вынул свой меч и поднял глаза – Кто следующий?! Эльф не ожидал увидеть подбежавшего так быстро Авилеро. Он также не ожидал увидеть перед собой эльфийские зеленоватые глаза и типичный эльфийский овал лица. На долю секунды лесной эльф оторопело уставился на Авилеро и этой доли хватило на... Мир война Петляющего леса разделился надвое и поплыл... Следом разъехалось пополам лицо, рассеченное лезвием. Авилеро замахнулся снова, чтобы ударить следующего, но его удар был отражен. Потом следующий... и следующий. Слева от него встал Четвертак, поддерживая атаку. С другой стороны закричал Военег:

– Тесните их к лестнице! Иначе они так и будут лезть!

Бляди!

Льдинка и оставшиеся два воина не могли чем-либо помочь, находясь за спинами Авилеро и Четвертака. И тогда Блёмер Дау – бывший акробат бродячего цирка – сделал сальто и в один прыжок слетел с высокой стены вниз на землю, приземлившись чётко на ноги. Он вынул из-за спины лук и принялся отстреливать снизу сражающихся на стене эльфов. С внутренней части форта проход по стене был огорожен лишь тонкими дощатыми перилами, поэтому эльфы были как на ладони, беззащитные перед летящими практически в упор стрелами. Вжж! Вжжж! Вжжж! Один! Два! Три! Льдинка отличался прекрасной скорострельностью! Только не кончился бы колчан!

– Ха! Хааа! – заорал со стены Военег. – Вот это ход! Молодца, Льдинка!!!

Он хотел ещё что-то добавить, но решил поберечь дыхание. К тому же, на него налегли уже трое. Один удар меча выбил защитную пластину с плеча, другой попал точно в стык панциря с наплечником. Дядюшка Военег даже не повёл ухом, когда из плеча брызнула горячая струя. Увидев это, воины из его дружины тут же отстранили Военегу и продолжили удерживать позицию.

Эльфы запаниковали. Они не имели щитов и совсем не были защищены от обстрела снизу. Один из нападавших в панике спрыгнул со стены внутрь форта. Раздался хруст, и он завопил, держась за ногу, но ненадолго. Блёмер очередной

стрелой быстро заставил его замолчать и уткнуться лицом в отмерзающую по весне влажную землю.

Маленькая битва на данном участке стены была выиграна. Эльфы запаниковали и полезли назад по лестнице. Один на удивление здоровенный воин с покосившейся лисьей шапкой, из-под которой струилась на лоб кровь, выступил вперед, чтобы задержать напиравших людей. Он умело парировал удар Авилеро и каблуком ботинка больно вдарил ему в пах, отчего тот согнулся, хватая ртом воздух. Воин хотел было рубануть сверху, но Четвертак вовремя подстраховал. Во второй руке здоровяка мелькнул меч покорооче. Быстрым движением он проткнул им запястье Четвертака, сжимающее меч. Четвертак вскрикнул и схватился за кисть. Меч выпал. Здоровенный эльф, не мешкая рубанул сверху вниз. Удар был мощный настолько, что перебил кольчужные кольца и врезался в грудь. Но это было последнее, что видел верзила. Стрела Блёмера ударила ему прямо в висок. Голова сильно дернулась влево, все тело ударилось о стену и бухнулось навзничь. Авилеро преодолевая боль подхватил осевшего Четвертака, из груди которого хлестала кровь. На всякий случай Авилеро поднял голову, но за упавшим здоровяком уже не было живых эльфов.

На других участках ситуация тоже выровнялась. Эльфы не смогли закрепиться где-либо на стене. Большая часть лестниц была в огне. Многие лестницы сброшены и сломаны. На других просто не хватало бойцов, чтобы создать атакую-

щий напор для захвата хотя бы части стены и дальнейшего проникновения внутрь форта. Изар понимал это и поэтому велел ещё больше расширить фронт наступления от Толстого Ригдара дальше на север вплоть до Брата Шибалы. Воинов Петляющего леса хватало на всю протяженность этого участка, а вот защитников Байу было намного меньше. И всё же первая волна атаки захлебнулась. Слишком много жертв со стороны нападавших действовали деморализующе. Эльфы Ливеллии не имели столько практики и военной подготовки, сколько имели защитники Байу. Для лесных эльфов сама война, да и все события ей предшествующие, казались слишком быстрыми, неожиданными и где-то даже сказочными. Они увидели нового «мессию», уверовали в его божественность, а королевские агитаторы и жрецы пробудили в них желание отвоевать потерянное и снова быть на вершине власти, как когда-то давно, но воевать они так быстро не научились. А воины Байу... Всю жизнь их обучали, как вести войну, им платили за такую жизнь. Они охраняли границу Драбанта – самого богатого и могущественного государства всех пяти королевств. В общем, они знали толк и в стрельбе из лука, и во владении холодным оружием... И все же эльфы подавляли числом.

Основные войска Ливеллии по-прежнему стояли на почтительном расстоянии от стены напротив ворот Толстого Ригдара. Они видели, что лестниц не хватало, и штурм с их помощью, скорее всего, не удастся, и поэтому они ждали, ко-

гда свою работу закончит таран.

Таран был главной надеждой этого штурма. Главной!

Одновременно с событиями у Сестрицы Огневицы, где Военег и Авилеро со своими людьми добивали запаниковавших эльфов, Ерень Де Брёйне, оставленный защищать ворота, предпринял неожиданный шаг. Оценив ситуацию, он заметил, что крыша тарана, защищающая нападавших от стрел, находится совсем рядом с дырами-убийцами. А дыры в свою очередь вполне подходили, чтобы сквозь них мог пролезть человек. Бывалый вояка, славившийся своей храбростью, приказал использовать два передних более узких отверстия для слива кипящей смолы и свиного жира и тут же поджечь их, а сам вместе с несколькими воинами спрыгнул на крышу тарана из более широких отверстий, которые находились ближе к воротам и предназначались для камней и обстрела из луков. Таким образом, задняя часть тарана запылала, а внутри, в закрытом пространстве рядом с воротами началась резня. Эльфы, толкающие таран, были полностью застигнуты врасплох отчаянным шагом Ереня, ведь, по сути, он с небольшой группой воинов оказался за внешней стороной стены. Из-за огня и дыма бой у ворот не был виден другим отрядам эльфов, прячущимся за широкими сколоченными щитами намного дальше от стены. Эти группы эльфов ждали либо, когда ворота будут проломлены, и они смогут проникнуть в крепость, либо, когда настанет их очередь взбираться по лестницам. Но большинство лестниц сгорело,

а таран все ещё не справился со своей задачей, поэтому они предпочитали не высовываться из укрытий. И, конечно, никто не понял, что в утробе Толстого Ригдара идёт отчаянный рукопашный бой. Из аркообразного свода башни была видна только задняя часть тарана. Когда она запылала, а из арки повалил дым и начали выбегать раненые эльфы, спасти таран было уже поздно. Ерень и его немногочисленная команда без труда расправились с деморализованными, обессилившими бойцами. Битва в замкнутом пространстве арки ворот была стремительной и жестокой. Отборные меченосцы Ерень рубили направо и налево. Они пробились внутрь, под крышу тарана. Дым мешал дышать, резал глаза. Люди с трудом разбирались кто свой, кто чужой, но всё же они успели зарубить немногих оставшихся эльфов и обрубить цепи, за которые было подвешено ударное бревно. Всё! Тарана больше нет!

Ещё было время...

– Скиньте песок и воду! Давай, твою ж мать-размать! – заорал Ерень наверх в отверстие на сводах крыши. – Надо срочно тушить, чтобы не загорелись сами ворота!

Сквозь щиплющий глаза дым было сложно рассмотреть, что происходило вовне, но по усиливающимся крикам товарищей с башни Ерень Де Брёйне понял, что эльфы бегут. Крики переросли в ликующий ор. Он сам вскинул руки в победном жесте. Его бойцы начали принимать мешки с песком для тушения разваливающегося тарана. Вокруг стоял треск

от огня и почему-то не прекращающиеся крики людей на башне.

Были ли они такими уж ликующими?

Неожиданно всю конструкцию тарана тряхнуло. Искры посыпались во все стороны и заметались по туннелю прохода как бешеные пчёлы.

– Что за? – начал было Ерень, прикрывая глаза от искр.

Таран содрогнулся снова и накренился на левый бок. Какая-то невероятная сила заставила его сдвинуться и потянула назад, открывая бойцам Ереня вид из арочного прохода на поле и водяной ров. Их глаза в ужасе расширились.

Перед ними стоял Шмель! Это жуткое создание с рёвом тащило таран наружу. Десяток глоток оглушительно визжали, брызжа слюной. С десяток человекоподобных рук зацепились за края полыхающего осадного орудия и тянули. Финальным рывком монстр окончательно выдернул таран из башни и тот, перевернувшись на бок, свалился в ров с водой. Вода зашипела, и вся конструкция наполовину ушла под воду.

Опомнившись, лучники начали обстрел многорукого существа. Но было ощущение, что они стреляют просто по мешку с землёй. Стрелы входили в посиневшие части тела Шмеля и оставались там, будто бы даже не причиняя боли. Шмель развернулся к бойцам Ереня, стоящим перед своими же запертыми воротами. До них было два-три шага. Он преодолел их за пару секунд.

Ереню Де Брёйне повезло, наверное, больше, чем другим. Воин успел даже рассечь монстру одну из рук, отрубить на второй несколько пальцев и воткнуть нож в третью, которая уже сжимала его горло. Оставшиеся пара рук монстра взяли его за ноги и с силой швырнули о стену, разбив вороненые латы в щепки.

Тварь с лёгкостью разрывала воинов на кусочки и разбира-сывала их тела: кого назад в поле, кого – через стену на кры-ши домов форта.

Разделавшись с людьми, Шмель отошел назад. Он со-гнулся и подобрал с земли огромное дерево, видимо, прине-сенное из леса. Это была прямая и мощная сосна, вырванная с корнем. Великан поднял её всеми своими руками и понес к воротам.

Эльфы начали стягивать силы ближе к Толстому Ригда-ру. Они предвкушали... Надеялись... Ждали... Изар на коне командовал перегруппировкой.

Кхххрррр! Корни сосны заскребли по стенам. Буум! Де-рево врезалось в правую створку ворот, изрядно потрепан-ную тараном ранее. Проломив отверстие, в которое могла бы влезть корова, сосна прошла насквозь и вышла корнями на-ружу во двор форта.

Во дворе Байу уже фыркали и гарцевали от возбуждения кони. Пара десятков жеребцов били копытами и норовили сорваться с места. Они выстроились в десяти метрах от во-рот, чтобы было место для разбега. Во главе – Закк Ревень

с вылупленными глазами и открытым в оскале ртом. Почти карлик. Вторым ребенком в семье. Нельзя сказать, что его не любили, но можно смело утверждать, что он точно не был самым обожаемым сыном или самым общительным парнем в поселении. Мрачный и нелюдимый Закк Ревень: за свои сорок два года он так и не обрёл семьи, полысел, а всё, что он отлично умел делать, – это сидеть в седле и одновременно орудовать коротким копьём. Впрочем, сегодня от него требовалось только это умение.

Из-за угла показались ещё два всадника – это были Кессен Фойердаль и Имелик Дзыба. Капитан форта в полном облачении, позвякивая золочёными доспехами, спокойно ехал по направлению к Толстому Ригдару. Фиолетовый гербовый шарф – горноста́й со змеёй в лапах – по традиции Драбанта был повязан аккуратным бантом на предплечье. Рука покоилась на рукоятке длинного меча с темляком. Он понимал, что идёт на смерть. Ещё несколько ударов, и ворот не будет, а за ними АРМИЯ!

Тем временем, Шмель с треском вытянул ствол сосны из пролома в воротах и отступил будто бы перевести дух. Чудо-вище чуть вздохнуло. То, что могло быть грудью – переплетение полуразложившихся эльфийских тел – едва приподнялось и опустилось вновь. Шмель оглушительно завопил. Вой нескольких глоток был настолько сильным, что как эльфы, так и люди с ужасом вздрогнули и заткнули уши руками.

Но что это примешалось к этому страшному крику? Какой-то более утробный, более древний и глухой звук.

Откуда он?

Два звука. Два воя слились в один.

Шмель замолк всеми своими глотками, но второй – протяжный и более грубый вой – продолжился, затихая, а потом резко оборвался и перешёл на странные Клок! Клак! Клок! Клок! Клок! Клок!

Голова Шмеля мотнулась влево, потом вправо в поисках источника воя.

Все многочисленные глаза Шмеля сузились, выискивая...

В лесу!

Этот звук.

Из леса.

Шмель повернулся к темному лесному массиву. Все, абсолютно все смолкли и также развернулись. Наступила звенящая тишина, нарушаемая лишь стонами раненых.

Из влажных недр сосняка выступила корявая тень, размерами не уступающая Шмелю. Это был ЛЕШИЙ!

Большие как две луны, тёмные как сама смерть и грустные как её неумолимость глаза с красными светящимися ободками радужки. Рога больше похожие на заточенные ветки старого дуба – не длинные, но толстые и мощные. Поросший седой шерстью клюв-пасть. Мощные и длинные передние лапы, на которые опирался леший, заканчивались двумя разветвлёнными пальцами. Они были грубыми, ороговевши-

ми, больше похожими на копыта. Такими лапами леший мог как сорвать ветку с дерева (лешие были травоядными), так и схватить или растоптать непрошенного гостя. Эти дикие создания Петляющего леса были, конечно, поменьше Царя – знаменитого лешего из священного леса Эльневар, который раскинул свои безбрежные кроны по всему югу Ливеллии и уходил дальше в неизведанные и пустынные земли. Однако, здешний хозяин чащоб был ничуть не менее опасен, когда его потревожить. К тому же, все знали: лешие не подчиняются никакой силе – ни тёмной, ни светлой. Морок сильной ведунницы или колдуна им нипочем. Они – самые чистые дети леса, неподвластные никому.

По седым прядям шерсти было видно, что леший уже не молод. Старые лешие редко нападали на людей. Они считались более мудрыми, ибо жили на земле дольше, чем даже эльфы. Но этот... Это лесное создание сильно потревожили. Очень сильно. Сначала эльфы целыми днями валили деревья, мастера из них таран и мостки через волчьи ямы, а теперь этот невыносимый шум битвы... Леший долго не хотел и даже опасался выходить, но вой странного многорукого существа, которое он видел теперь перед собой... Этот вой был просто невыносим. Он доставлял боль. Он был не присущ ничему живому. Он был чужд этому лесу, и леший должен был положить этому конец.

– Срань Гаара, да это ж лешак!

– Лесовик точно! То-то щёлкал да прищёлкивал по ночам.

Уж какую неделю, а?

– Братцы, лесной чёрт! Хана всем!

– А вот и гаркун появился! Попали остроухие! Ща даст жару!

Слышалось со стен форта.

В рядах же эльфов шел тревожный говор:

– Боровой тута... Только бы ведьма нас уберегла!

– Думаешь Третья справится или этот... Шмель?

– Чё-та не видел я её на поле-то. Ну-ка посторонись! Давай-ка назад!

– Да убери ты лук, Вьемм! Хочешь беду накликать?!

Со всех сторон звучали приглушенные шепоты и перебранки.

Леший широко расставил передние лапы и утробно взвыл. Из его распахнутого заострённого клюва вырвались клубы пара и сгустки слюны. Стоящие ближе всех к лесному созданию воины попятились. Кто-то не выдержал и побежал назад к лагерю, кто-то выпустил стрелу. Она молнией метнулась по направлению к ревущему духу леса и впилась ему в плечо. Эльфы не успели распознать виновника, хотя многие повернули головы и уже было хотели идти бить морду тому идиоту, который догадался стрельнуть в самого хозяина лесов... Но было поздно.

Авилеро наблюдал эту страшную картину издалека, но уже сейчас понимал, что этот момент может быть решающим.

Военег с наспех перевязанным плечом был совсем рядом, на Толстом Ригдаре и всё бормотал себе в бороду: «Ну, давай! Давай! Задай им перцу!»

Кессен Фойердаль с Имеликом подъехали к стене и пытались докричаться хоть до кого-то, чтобы понять, почему Шмель прекратил ломать ворота, и что это за страшный вой.

Изар стоял как вкопанный на своем пегом скакуне. Он покосился на шатёр, где осталась Третья.

Воспользовавшись моментом, защитники крепости скинули почти все оставшиеся лестницы со стен. Эльфов Ливеллии на стене форта Байу больше не было.

Легкая утренняя дымка будто бы выбралась из леса и начала нежно обволакивать поле.

Шмель, видимо, переварил увиденное, и направился напрямиком через водяной ров к лешему.

Между тем лесное создание двумя прыжками сократило расстояние до ближайших эльфийских отрядов. Ударом лапы – жилистой, покрытой клочками шерсти, местами сваленной в небольшие колтуны – леший отбросил сразу нескольких обезумевших от страха эльфов, стоящих в первых рядах. Остальные бросились врассыпную, наступая друг другу на пятки. Началась давка. Леший не всем дал уйти. Он топтал и ломал им позвоночники, расплющивал головы и отрывал своим клювом части тел. Ярость переполняла создание леса. Весь забрызганный эльфийской кровью, он кидался то налево, то направо, разбрасывая несчастных, пока

не почувствовал сильнейший удар в бок, от которого повалился наземь.

Над ним стоял Шмель.

Леший тут же поднялся и взревел. Следующим взмахом лапы он так саданул Шмеля по груди, что скобы, скрепляющие чудовище воедино, затрещали и частично полопались. Из раны выпали несколько бесформенных ошметков.

Лесной зверь в прыжке накинулся на Шмеля и впился острым клювом ему в то место, где у человека находилась бы ключица. Леший рванул мордой и выдрал у Шмеля ещё часть плоти, от чего тот заголосил десятками агонизирующих глоток.

– Целься! – раздалась команда Изара, которому удалось развернуть бегущие полки, привести их в подобие порядка, построить лучников и дать команду начать скоростной настильный огонь.

Стрелы замелькали в воздухе, впиваясь как в спину лешему, так и в отбивающегося Шмеля. Отряды встраивались вокруг них на почтительном расстоянии.

Одновременно Изар приказал коннице поддержать атаку. После того, как основная кавалерия ушла к Угольному тракту, у эльфов оставалось лишь тридцать всадников, и сейчас они галопом приближались к месту боя двух великанов. Вместе с ними скакала ведьма. Со стороны форта могло показаться, что вокруг её рук, свисающих до колен, образуются мелкие молнии. Магия...

– Открывай ворота! – заорал Закк Ревень.

– Ты рехнулся!? – Кессен подъехал ближе к командующему небольшим конным отрядом. – Их же все ещё тысячи.

– Капитан, дай сразиться. Это может быть нашим шансом обратить их в бегство. Смотри, они почти отступили!

– Отступили! Но только со стен!... С поля ты их не сгонишь! Леший долго не протянет.

– Пусть! Это лучше, чем погибать здесь с голоду!

– Мы ещё долго продержимся, Закк. Нам нужны люди!

– Капитан, сейчас – в седле, да в поле – я унесу больше жизней, чем отбиваясь на наших узких улочках форта, когда они возьмут Байу приступом. А это случится, если не сегодня, то завтра!

Кессен выдохнул:

– Это верная смерть, Закк... Мы ещё можем дожидаться подмоги.

Он уже сам не верил в свои слова. Кессен опустил голову.

– Открывай створки! – крикнул Закк. – Други, покажем поганцам как воевать!

Двое людей спешно подняли засовы и отворили ворота. Когда всадники проносились мимо, все отметили ни на что не похожее выражение на их лицах... Нет, на лицах не читалась смерть, хотя и надежды выжить оставалось мало. На лицах была решимость и ярость. Они просто хотели, чтобы всё завершилось... но перед этим они хотели убить как можно больше эльфов.

Двадцать с небольшим резвых всадников выскочили на поле.

Закк и его бойцы быстро проехали по сколоченным подмосткам, оставленным неприятелем, и начали разгонять коней, нацеливаясь атаковать наиболее слабые ряды противника подальше от места, где бился леший со Шмелём. Они клином пошли на первых попавшихся воинов. Эльфы от неожиданности начали отступать ещё больше, а некоторые от вида свирепых скакунов и вовсе обратились в бегство. Запаниковавшие эльфы были лёгкой мишенью сначала для метательных копий, а потом и для мечей всадников. Закк с отрядом быстро продвигался, разбив пополам и рассеяв целый краг – отряд в сотню.

И всё же всадники Закка не могли совершить прорыв опасный настолько, чтобы оттянуть на себя хотя бы часть отрядов, атаковавших лешего. Хозяин леса оказался в окружении. Его шкура хоть и была достаточно толстой, стрелы, выпущенные с близкого расстояния, всё же пробивали её, причиняя невероятную боль. От неё леший окончательно обезумел: начал крутиться, стараясь вынуть стрелы, которые впились вновь и вновь; прыжками старался настигнуть обидчиков и разорвать их на части. Но лучники были везде. Подгоняемые Изаром, вокруг лешего собралось больше половины всей эльфийской армии.

Люди понимали, насколько важно сейчас поддержать напор и заставить эльфов полностью отступить. В недрах фор-

та вновь заработала катапульта. Со стен посыпались стрелы. Защитники Байу начали бить в сгустившиеся вокруг лешего отряды, сея в них панику.

Вскоре на лешего напал и подоспевший конный отряд. Сначала они проскакали в стороне, метнули свои небольшие топорики, а потом осмелились пойти в рукопашную. Увидев, как леший припал на колени, тяжело дыша, они явно переоценили его состояние. Истекающий кровью, но по-прежнему опасный лешак с невероятной силой вдруг замахнулся и обрушил на первых двух приблизившихся всадников обе передние лапы. Как несколько наковален... Всадники были просто вбиты в землю вместе с конями. Желаящих идти в рукопашную сразу поубавилось.

И только Шмель осмелился снова вступить с лешим в ближний бой! В многочисленных руках у чудовища была всё та же сосна. Само существо шаталось, а из разошедшихся швов выпадали остатки тел, ранее скрепленных в один противный самой природе организм – шутку, а может и великое творение Гаруццы. Всё это не помешало Шмелю сделать замах и сбить лешего с ног.

На этот раз леший вставал медленно. Очень медленно. Он будто кашлянул, извергая из клюва сгустки крови. Светящаяся радужка правого глаза-луны подрагивала, то гасла, то разгоралась. Сам глаз стал похожим на луну во время полного затмения – кирпично-красным с серебряными отблесками слюды. Леший застонал. Рядом стоял монстр – творения

зла. И леший знал это. Своим врожденным, тонким чутьём он многое ощущал. Мог чувствовать, как просыпается природа с наступлением весны, мог чувствовать, что завтра будет теплее, чем сегодня, а через несколько дней, наверняка, вернуться из тёплых краёв перелётные птицы, он слышал запахи прошлогодних трав и молодых, ещё не зазеленевших, а только пробуждающихся в глубине оттаявшей земли, он чувствовал страх этих маленьких и глупых двуногих созданий, которые причиняют ему такую ужасную боль. А ещё он знал, что внутри этого существа ЗЛО и больше ничего. В этой многорукой твари, клацающей десятком челюстей, не было ни боли, ни страха, ни любви. Это нехорошо для его леса. Этого не должно быть рядом.

Леший собрал остатки жизни и ... опередил. Шмель был готов разбить ему деревом голову, но леший неожиданно приподнялся, взмахнул лапой и, растопырив два мощных пальца-копыта, поймал ими Шмеля за шею, как на рогатину. Лешак напряг все силы и сжал клешню так, что шея монстра громко затрещала, будто ломались десятки человеческих шей. Шмель пооткрывал свои рты, но из них вырывались только хрипы. Он уже давно сжимал своими многочисленными руками лапищу лешего, пытаясь разжать хват. Но как бы ни вздувались жилы на руках Шмеля, он начал оседать телом. Десятки стрел продолжали впиваться в лешего, да и в самого Шмеля. Эльфам было все равно. Они одинаково боялись обоих.

Третья подоспела ровно, когда леший ударом второй лапы Шмелю в грудь выбил остатки того, что можно было назвать жизнью, а заодно и окончательно разорвал оставшиеся швы, скрепляющие эльфийские трупы в одно невероятно отвратительное создание. Голова твари бессильно опустилась набок, некоторые человеческие глаза уже были закрыты, и только пара челюстей ещё дёргались в конвульсиях.

Третья воздела руки к небу, и вокруг них начал собираться электрический заряд похожий на пляшущую молнию. Она что-то выкрикнула и направила заряд на лешего. Было ли это нужно или лесное создание уже умерло к той минуте, никто сейчас не ответит, но в тот момент, пронизанный током, он запрокинул морду и затрясся. Разряд перешел и на Шмеля.

В полной тишине они оба рухнули на землю. Шмель уже был не похож на привычное существо, а стал просто грудой зловонных эльфийских останков. Леший же мелко задергался и замер.

Немногие заметили, как зеленоватый светящийся сгусток, похожий на светлячка, плавно вылетел у лешего изо рта и полетел в сторону леса.

Резкий запах паленого мяса, шерсти, мертвечины.

Слякоть и таящий снег.

Широкая спина леса – всё в той же серой мантии, накинутой на него с небес каким-то скучным и унылым богом.

Последующие дни были на удивление тихими. Осаждающие с меланхоличной медлительностью хоронили множество падших. Обстрелы стали вялыми, больше похожими на некое напоминание о том, что "мы тут", "мы никуда не ушли", "скоро вернемся".

В форте Байу так же прошли похоронные службы: Хорост Рэм совершил обряд упокоения по павшим в бою. Всех решили захоронить у северно-западной части стены за старыми конюшнями, недалеко от башни Смелый Юм.

Особыми словами восхищения и скорби вспоминали Еренья Де Брёйне и его отчаянный поступок. Все понимали – его безрассудная отвага граничила с трезвым расчётом... Ещё месяц, и кони бы не продержались без сена. Толку от его летучего отряда тогда было бы мало... Некоторые говорили, как видели, что Ерень с молодцами почти добрались до шатра главнокомандующего. Другие утверждали, будто он разбил два крагга, прежде чем со славой сложить голову. Третьи же и вовсе были уверены, что он выжил, вовремя усколькнув в лес.

По правде говоря, Авилеро сам смутно помнил, как обстояли дела на той стороне поля, ведь он больше следил за сражением двух великанов. Он точно видел, как отряд Еренья распахал надвое целый крагг и обратил эльфов в бегство, преследовал их, но вскоре напоролся на следующую сотню, был окружен и слился в общей сумятице битвы, в серой мас-

се воинов.

– Думаю, там он и нашел свой конец... Вряд ли был способ выбраться из того ада, – тихо произнес Авилеро.

Он сидел на углу кровати, где лежал умирающий Четвертак. Его мучил жар. Рассечение грудной клетки. Сломаны три ребра. Почти наверняка внутреннее кровотечение.

– А в книгах герои умирают на поле.....акх, кх, кх, – закашлялся Четвертак. – А ты тут лежи как говно...кх, кх. Жди, пока подохнешь... Несправедливо... И некрасиво.

– Ты храбро бился. Спас меня, – проговорил Авилеро. – Тебе нужен покой. Обойдётся... За тобой, видишь, как Уйка присматривает. На ноги точно поднимет.

– Угу... Знахарка. Не по душе мне её энти зелья, ну да пёс с ними...теперь-то, кх, кхх, кх, – Четвертак посмотрел на Авилеро мутными глазами, сглотнул и продолжил. – Ты присмотри за Льдинкой. Он шалопай... Чую что-то мутит, но...кх... Не предатель он. Просто последи, ладно?

– Конечно. Он к тебе обещался к вечеру зайти. Поговорите.

– Подожди... Ещё... Если вдруг окажешься в Бруни... Если всё обойдётся.

– Нет, Четв...

– Да постой ты. На всякий случай... Если будешь там, а меня не будет. Проверь моих, а? Василису и Элайу. Я знаю. Кх, кх... Не имею права просить тебя позаботиться о них, но ты хотя бы проверь. Мало ли. Дошли ли? Если ли хлебушек.

И всё...

– Да. Хорошо. Не волнуйся, – эльф встал.

В душной, сильно натопленной комнате царил полумрак. Несмотря на то, что Четвертаку не становилось лучше, он был только рад, когда его переместили из небольшого госпиталя в собственный дом, где о нём заботилась старая знахарка. Уйка переехала к Четвертаку после того, как в её дом попал снаряд и полностью разрушил каркас. В госпитале же мест катастрофически не хватало, и Имелик Дзыба настаивал на размещении больных, по возможности, в домах. Особенно если о них мог позаботиться кто-нибудь из соседей или родных. Это также было связано с тем, что лекарь Зафар Ляхне как назло сильно простыл и лежал с температурой в общей палате, теперь он мог только указывать двум помощникам, как следует проводить операции по извлечению стрел, как ухаживать за гниющими ранами и как ампутировать конечности. Медики еле справлялись.

Авилеро нагнулся и тронул друга за плечо:

– Я зайду завтра, а ты спи больше и слушайся Уйку.

– Ещё бы, – крикнул Четвертак. – Слушаюсь и повинуюсь.

Уже у двери эльф натолкнулся на Уйку, которая тихо выходила из соседней комнаты, неся в руках небольшое корытце с дымящейся желтоватой жидкостью. С одной руки свисало полотенце для примочек. Она подняла взгляд на Авилеро так, что по глазам можно было ясно прочесть диагноз. Эльф не стал ни о чем спрашивать. Он только посмотрел на

нее и тихо произнес:

– Постарайся облегчить боль.

Знахарка чуть заметно кивнула.

Потянулись тоскливые дни. Без солнца. Без штурмов. У воинов обеих армий не было сил. Эльфы снова валили лес и заготавливали штурмовые лестницы и таран, но на этот раз не так быстро. Лагерь воинов Ливеллии был уже не таким стройным, пёстрым и оживленным. Бойцов заметно побавилось. Костров по вечерам стало меньше. На лютне уже никто не играл: должно быть, игрок не вернулся с окровавленных стен Байу. Да и вид самих эльфов стал не таким достойным и опрятным, как это было в первую неделю осады. Эти красивые, благородные эльфийские овалы лиц, где они теперь? Лица осунулись, глаза казались ещё больше за счет впалых щёк и выступающих костяшек скул. Часто ходили на охоту, так как запасы еды, доставленные из главного города срединной Ливеллии – Тофф Дольдена, почти подошли к концу. Приходилось экономить пока не придут обозы с припасами из тыла.

Иногда они по пятеро выходили в поле подальше от стены и играли небольшими шариками, которые расставляли в пирамидки, а потом с установленного расстояния разбивали каждый свою специальным шариком. Бывало, они смеялись, подкалывая друг друга, и тогда казалось, что это просто приехавшие на какую-то ярмарку эльфы. Сейчас они поиграют,

пойдут поспать в свои палатки, а утром придут в форт продавать знаменитые эльфийские снадобья и сушёные травы Петляющего леса.

Сам форт жил размеренно. Имелик четко распределял запасы продовольствия, не давая лишнего никому. Они жили надеждой, что скоро прискачет Кильд Соттивельда с подмогой, и они, наконец, разобьют этих неуступчивых лесных соседей.

Поле, разделяющее их, было почти чистым. Люди не стали препятствовать, когда эльфы собирали падших товарищей с поля боя. Из почтения к лешему эльфы похоронили и его. И только зловонные останки давно умерших эльфов деревни Гьяфе, из которых был сшит Шмель, синели прогнившим мясом и костями.

– Ты думаешь мы сильно меняемся в течение жизни?... Ну, в отличие от людей.

Блёмер сидел на небольшом бочонке из-под солений, который служил ему стулом в комнатке, приходившейся и кухней, и столовой. Когда он прошлым летом остался в Байу, ему выделили этот мезонин, давно никем не занятый. В самом доме проживала семья главного кухмейстера при капитане форта, который готовил на всех более или менее важных персон в форте Байу. Эльф все эти полгода надеялся,

что это временно, и рано или поздно обстановка разрядится, появятся вести, опровергающие военное положение, и он, наконец, сможет беспрепятственно покинуть форт, но этого не произошло.

– О чём ты? – спросил Авилеро.

После очередного напряженного дня он решил заглянуть проведать Блёмера перед сном. Ночь должна была быть спокойной. Сегодня осаждавшие снова не предприняли никаких попыток пойти на штурм, а только вяло постреливали из катапульты, да пару раз заходили конницей, чтобы осыпать форт градом подоженных стрел.

– Я хочу сказать, бывает такое, что ты смотришь на людей, и тебе кажется, что они сильно изменились не в лучшую сторону. Ты прям видишь все их недостатки. Какие они, ну... стали жадные, например, или завистливые... видишь так же чётко, как... я сейчас вижу тебя, – Блёмер замялся. – И ты ничего не можешь с этим сделать...

– Хм, пожалуй, случается, – задумался Авилеро. – Но знаешь... у меня нет близких друзей, которые так бы меня разочаровали.

Блёмер махнул рукой и облокотился о стену, взглянув Авилеро в лицо.

– Я не про кого-то конкретно, а в целом. Я просто не понимаю, ради чего всё это. Лесные эльфы увидели в людях угрозу, но сами творят весь этот ужас. Они говорят, какие люди захватчики, но пока я не вижу ничего, кроме желания

эльфов разрушить эту крепость и забрать побольше земли, – с горечью произнёс Блёмер.

– Мой народ..., – произнёс задумчиво Авилеро. – Ещё с ранних лет я помню, как многие мои родственники боялись этого, возможно, слишком бездумного и стремительного развития людей. Я говорю и про их расселение, и про их технологии: дамбы на реках, фабрики, эксперименты бог знает с чем. А ещё лесные эльфы обижены на оскорбительные условия мира и потерю своих земель, хотя это и было двести семьдесят шесть лет назад. У меня в семье каждый второй вспоминал былые времена. Но вспоминать старое доброе время – это одно. Совсем другое – снова завязать войну. Эльфы забыли цену чужой крови, чужих жизней и ставят свои, якобы высшие замыслы, выше других. Так что да, ты прав. Иногда ты не видишь собственной жестокости или оправдываешь её, прикрываясь целью исправить грехи других.

Они оба вздрогнули, когда увидели в окно, как вдали по чёрному небу пролетела, разбрасывая искры, горящая бочка с углями. Красивое зрелище, если на секунду забыть о смысле происходящего. Эльфы почти не услышали, как она упала за крышами домов. Это было достаточно далеко отсюда, в южной части форта. Здесь же сегодня можно было спать спокойно. Катапульта временами стреляла в ночи, видимо, деморализовать жителей, чтобы у осажденных оставался постоянных страх перед пожаром или перед попаданием ядра в

дом. Сон, действительно, не приходил, если возле тебя грохотали тяжеленные снаряды или подождённые бочки. При попадании в дом, бревенчатые стены разваливались как солома, а крыша могла обрушиться на спящего и похоронить его. Но люди заметили, что катапульта ночью не сильно меняла направление стрельбы. Если уж нацеливалась, например, на южную часть форта, то и била примерно в ту сторону, чуть корректируя дальность на несколько десятков метров. Потому в такие ночи люди просто переходили ночевать в противоположную сторону крепости, располагаясь на ночлег у знакомых или в казармах.

– С другой стороны... Люди вырубили половину Янэ Калиб, – задумчиво произнёс Блёмер. – Священного леса Ливеллии...

Авилеро молчал.

– Это не моё дело, конечно... – Блёмер отвернулся, но потом неожиданно встал и заговорил быстро и сбивчиво. – Ави, я ведь даже не знаю на чьей стороне мой Айнах Ад’Дир! Ты вот видишь, где твои лесные, где люди. Живёшь здесь уже много лет. Сам выбрал сторону, а я... Я-то в горах всю жизнь провёл... Там отец и мать... братья. Может они сейчас идут сюда, чтобы сражаться... с людьми, за ...

– За что?

– Не знаю.

Авилеро посмотрел в окно и увидел, как зарево от упавшей огненной бочки медленно тухло за крышами домов,

снова погружая форт в синюю тишину ночи.

– И ты готов поднять оружие на тех, кто кормил тебя эти месяцы, кто принял тебя и дал кров? – он обвёл рукой комнату. – Даже не ответив на главный вопрос – зачем? Ты готов тупо идти за своим народом?

Видно было, как Льдинка старается найти правильный ответ.

– Так сложно выбрать... Понять, кто прав, когда ты не знаешь всего, – произнес он после недолгой паузы.

– Да. Согласен. Ладно... – перевёл разговор Авилеро. – Как твои стихи?

Блёмер только горько улыбнулся:

– Никак. Прихожу после вахты и валюсь спать.

– Но не всегда, – улыбнулся в свою очередь Авилеро. – Говорят, тебя частенько в северной части встречают.

Льдинка, казалось, не смутился.

– Гуляю после дозора... Помогает заснуть...

Авилеро подождал скажет ещё ли что-то Блёмер, но тот всё больше молчал и смотрел в окно.

– Ладно, – лесной эльф встал и похлопал Блёмера по плечу. – Если захочешь чем-то поделиться, я к твоим услугам. Выспись.

– Ави.

– Да?

– Какое имя твоего рода? Для всех ты просто Авилеро, но я хотел бы узнать...

– Нет не хотел бы, – Авилеро уже стоял в дверях, наклонившись под низким скошенным потолком. – Меня лишили фамилии. У меня нет родных ни здесь, ни в Ливеллии.

– А татуировка? – не унимался Льдинка, явно не замечая, как тон Авилеро перестал быть тёплым и выражал желание поскорее завершить разговор. – Тот карлик с деревом в горбу? Откуда она?

На слове «она» Блёмер услышал только стук закрывающейся двери и невнятные слова прощания, которые Авилеро, казалось, пробурчал сам себе под нос. Горный эльф только фыркнул: «Подумаешь... Тоже мне, тайны... А ещё друг... Отшельник, несчастный». Льдинка подергал плечами от неожиданно проникшего из оконной щели холодка и натянул плед до самого носа, но от окна не ушел. Ему нравилось смотреть на спокойное перемигивание звезд на чёрном полотне неба. Можно было подумать о стихах.

Однажды, ближе к вечеру Авилеро возвращался после своей традиционной пробежки: от южной части форта до северной и обратно. Он проходил по темнеющим улочкам крепости и вспоминал детство: игры с принцем Эльнаэ, жизнь в достатке среди своей семьи. Он так и не рассказал никому в Байу, что его род уходит корнями к знаменитой фамилии Ювель' Льёнов, а отец его занимал, впрочем, может быть и

продолжает занимать вполне весомый пост Хранителя Нерушимой Печати. Каким был отец? Память стёрла почти всё о нём. Только помнились вечера, когда он читал сказки на ночь в небольшом поместье у берега Хьёсса. Их летняя открытая веранда покоилась на могучих ветвях древнего дуба, раскинувшего свои кроны прямо над спокойными водами реки. Обложенный подушками, зарывшись с головой в мягкие и тёплые одеяла, Авилеро смотрел на широкое звездное небо, а отец читал сказки. Возможно, как раз про Брата Шибалу и Сестрицу Огневицу. Приятный ветерок обдавал лицо прохладой, а под одеялом было тепло и уютно. Особенно ему нравились фонарики, развешенные на ветвях, – желтые, красные и зеленые. И так не хотелось засыпать, так хотелось продлить этот момент близости с отцом, погружения в сказку и ощущения волшебного мира вокруг. Казалось, жизнь будет длиться вечно, ведь эльфы так долго живут... Неужели все они – вся семья – отказались от него? Ему так и не дали увидеться с ними после всего, что произошло на озере Тайдушо...

Эльф погрузился в думы. В памяти замелькали годы скитаний, и, наконец, тот день, когда перед ним распахнулись двери Байу, и дядюшка Военег, весело подмигнув, пробасил своим приятным голосом: «Оставайся, эльф. Накормим, стрелять научим, дом тебе подыщем. Места у нас много, а дозорных мало. Станешь хоть настоящим челов... ну, в общем, эльфом с крепким ДелоМ, а то что тебе скитаться-то...»

Авилеро попытался было вспомнить свои первые попытки стрельбы из лука, как услышал из ближайшего переул-ка женские крики, похожие на мольбу, а потом чей-то очень знакомый голос, звучащий с вызовом, но в то же время обреченно. Лёгкой трусцой и с необъяснимой тревогой в сердце Авилеро побежал по направлению к звуку. Он завернул за угол полуразрушенного дома и неожиданно очутился перед группой людей. Они стояли полукругом спиной к нему. Когда эльф подошел ближе и увидел, что происходит, навстречу ему полетел чей-то грубый и резкий голос:

– А! Вона и дружок его явился! Гляньте-ка!

На грязной земле на своей пятой точке сидел не кто иной, как Блёмер Дау. Правая сторона его штанины и рукав были все в грязи, видимо, от падения. Под глазом уже наливался синяк. Его взгляд, источающий бушующую ненависть, буравил того, кто стоял прямо перед ним. Вернее, даже над ним, немного наклонившись и сжав здоровенные кулаки. В стороне двое держали растрёпанную молодую женщину. Это была Дая – жена мясника и главного кухаря.

– Гульвар! Только подойди к нему!!! – взвизгнула она. – И ты меня больше не увидишь!

Мужчина, стоявший спиной к эльфу, еле повел головой в её сторону и злобно, но негромко проговорил:

– Это мне теперь решать, Дая. Может, и не увижу. Но ты своим хахалем уже точно не полюбишься, шшшлюха.

Гульвар сплюнул ей под ноги.

Блёмер попробовал подняться, перекатившись в сторону от Гульвара, но тут же был сбит ударом каблука другого мужчины, имени которого Авилеро не помнил.

– Сидеть, красавчик! – лязгнул он челюстями и прищурился. – Захотел женку чужую обрюхатить, да ушастых уродов тут нам народить, а? Мало родичи твои нашего брата пошибали, так ты ещё и баб наших трахать будешь!?

Рябое некрасивое лицо мужика перекосила злая ухмылка.

Толпа недовольно заворчала. Другой мужик с перевязанной рукой, на которой сквозь бинты проступали алые пожелтевшие по краям разводы, прокричал:

– Десять плетей ему! И в темницу!

– Ага... Легко отделается, – крикнул Гульвар.

Он сделал быстрый шаг и саданул ногой Блёмеру в живот так, что тот согнулся пополам.

Авилеро растолкал собравшихся зевак и выступил вперед:

– Ты что творишь?! – начал он грозно, стараясь не выдавать волнения. – Он недавно бился с вами бок о бок!

Большинство живших в северной части форта не так хорошо знали Авилеро, так как сражались на восточной стене, где командовали Яль и Житомир Нозарь. Однако, все знали, что Авилеро командует лучниками на Толстом Ригдаре.

– Ты бы лучше помолчал, эльф... – прошипел рябой мужик. В глазах у него плясал огонёк ярости. – Была б моя воля, я бы вас всех на всякий случай в застенок отправил от

греха подалее. И тебя, и эту блудливую рожу, и вообще всех эльфов в Байу, – повысил он голос, чтобы все услышали.

Народ снова заволновался. Многие закивали. Темноволосый горный эльф по имени Кьё Илая, недавно подошедший на шум, попятился, но натолкнулся на чью-то широкую грудь и встал как вкопанный. Народ всё прибывал – слух о стычке распространялся по улицам быстрее огня на ветру. Авилеро вдруг осознал, насколько народ озлоблен. Людям надо было выплеснуть свою ненависть к оккупантам, и, как назло, им попался Блёмер. Он понял, наконец, что за тайну носил с собой Льдинка; почему он так надолго отлучался по вечерам и почему был так весел и загадочен в эти дни... Его окрыляла любовь. «И надо же было попасться именно сейчас», – с досадой подумал Авилеро.

– Уведи её подальше, Сбродич, – сказал Гульвар мужику, державшему женщину. – Запри в сарае возле маво дома... Её очередь вечером придёт. Раз уж этому уроду дала, так и всех желающих обслужить сможет. А то мужичье изголодалось. А мне похер теперь.

При этих словах на рябом лице мужика, по всей видимости друга Гульвара, нарисовалась ухмылка, а маленькие глазки заблестели. Откуда-то из толпы послышалось:

– Не глупи, Гульвар.

– Заткнись! – рявкнул муж. – Каждый получит свое! – он сделал паузу. – Уводи её я сказал.

Дая запричитала, но не за себя. Когда её оттаскивали

прочь, она умоляла не убивать Блёмера.

Вдруг Льдинка ловко вскочил на ноги и прыгнул на Гульвара. Авилеро без лишних слов, предупреждений или попыток кого-то урезонить уже летел вперед, выкинув кулак, который с глухим звуком впечатался в висок рябому. Он краем глаза видел, как двое людей держат темноволосого эльфа, видимо, тоже решившего вступить за собрата.

Началась потасовка.

Большинство собравшихся просто стояли. Одни что-то одобрительно выкрикивали, другие молчали. Авилеро смог свалить рябого, но тут же почувствовал, как на него сзади навалилось несколько мужиков, сбили с ног и вмяли в землю, наградив ударом по почкам. Боль прошла живот и бок. Кто-то коленкой вдавил его голову в холодную и грязную землю, но ему удалось заметить, что Гульвар вынимает из-за пазухи нож, а Льдинка с кровоточащими губами трепыхается в руках двух людей.

"Как же глупо", – промелькнуло в голове у Авилеро.

Гульвар уже было приблизился с ножом к Блёмеру... По выражению его лица читалось, что он не сомневается, что делать.

В этот момент часть из стоящих в толпе людей не то чтобы расступилась, а буквально вывалилась вперед от чьего-то мощного толчка в спину.

На освободившееся место в эпицентр всего происходящего выступили Военег и Ясномысл. По выражению лица Ясно-

мысла и по тому как он жестом руки показывал на открывшуюся им картину борьбы стало понятно, что именно он привел воеводу. Оба тяжело дышали от вынужденной вечерней пробежки.

– Что... тут... происходит?! – громко произнёс Военег с паузами между тяжелым дыханием. Он остановился в паре шагов от Гульвара и теперь обводил глазами то нож, то избитого Блёмера, то поваленного и пригвождённого к земле Авилеро.

Гульвар на миг растерялся, но в ту же минуту собрался и тряхнул головой:

– Военег... это мое личное. Не вмешивайся лучше. Тут про честь... Отойди.

Воевода остался стоять на месте. В опущенной руке лежал боевой топор с широченным лезвием. Это не мог не заметить Гульвар. Но он так же не мог не заметить, как его рябой друг и ещё несколько его знакомых подошли чуть ближе, обступая Военегу с Ясномыслом.

– Помолчал бы ты, дядечка, а то мало ль какая беда может тут с тобой... отступи, отступи подалее, – заговорил рябой.

Рябой поступил на службу не так давно и поэтому не питал никаких особых чувств к воеводе – ни уважения, ни страха. Он просто приехал сюда заработать и переждать, пока в его родном городке не улягутся страсти после случая с кражей казны у градового. И почему все подумали на него? Те-

перь приходилось где-то перекантовываться. Ну, и припрятать кое-то из «заработанного». Звали его Юджик Чернозоб. И он сам был не прочь поуправлять дружиной форта. Ну, пару дней, пока не найдет, чем поживиться. А потом... Потом надо будет бежать в лес. Подальше от войны... Юджик просчитывал варианты... Но его опередил Военег.

– Так, значит! – закричал воевода зычным командным голосом, кося глазами на сжимающееся кольцо недовольных и возбужденных людей. Они ещё не были уверены, что делать, люди ещё сомневались, и этим надо было воспользоваться. Военег знал, как накалилась обстановка внутри форта за последние дни, но не ожидал, что дисциплина пошатнулась настолько. Многие были недовольны сокращением дневного пайка. Немало людей не доверяли эльфам, оставшимся в форте, и притесняли их. Эльфы могли предать – таково было мнение. Военег же понимал, что потерять верных бойцов, да ещё и отличных лучников, пусть их даже будет и всего шестеро на весь форт – это значит ослабить гарнизон. Именно поэтому он сделал Авилеро командующим. Военег с Кессеном старались сделать так, чтобы в каждом отряде было по эльфу. Таким образом и люди видели участие и верность своих эльфийских братьев по оружию, и эльфы не имели повода изолироваться в отдельную группу. Видимо, план не сработал. Воевода чётко отдавал себе отчёт – если начнется самоуправство, форт падет в считанные дни.

– Гульвар, брось нож, я сказал, и слушай, каналья! – Вое-

нег настроился на громогласную речь о единении, равенстве и верности, но, не успев продолжить, получил сильный толчок от Гульвара и чуть не упал.

– Отвали! Мужики, придержите его. Сейчас разберёмся с ушастыми, а потом и до начальства дойдём. Давай...

На этот раз уже Гульвар не успел договорить. Было ли это самонадеянным, считать, что Военег, старый дядюшка Военег, отступится и замолчит? Да! Было ли это наивным полагать, что воевода побоится снова выступить и быть схваченным толпой, часть которой была на стороне Гульвара. Определённо! Было ли недалёковидным игнорировать в полутьме опущенную, но всё же изредка поблёскивающую секиру? Безусловно! Пожалеет ли о сказанном и сделанном голова Гульвара, летящая по восходящей траектории. Скорее всего нет. Она просто не успеет. Мозг будет переживать колоссальную потерю крови и недостаток кислорода. И даже те три секунды полёта, когда шаткое сознание не покидает Гульвара и живёт за счет кислорода, оставшегося в голове, он думает ни о чём другом, кроме как о боли. Это последнее, что он почувствовал в этом мире. А последнее, что он увидел, было то, как его собственное тело рухнуло на спину, а собравшиеся вокруг люди отшатнулись назад.

Военег медленно наклонился и обтер кровь о рубаху Гульвара. Затем поднялся. Желание произносить долгую речь отпало. Не успевшие ничего предпринять поделщики Гульвара отступили. Военег сказал:

– В форте Байу все едины. И закон един. Кто начнёт ставить свои законы – умрёт.

Он окинул взглядом собравшихся и, уже разворачиваясь, добавил:

– Уберите и закопайте тело.

Народ начал расходиться. При свете заката и подоженных факелов цвет лиц приобрел латунный оттенок. Авилеро уже давно никто не держал. Он встал и помог подняться Блёмеру. Вместе с Ясномыслом они довели его до дома и уложили в постель. Потом направились к сараю Гульвара, где заперли Даю. Вокруг никого не было. Когда они вошли, девушка набросилась на них, подумав, что это мужики пришли исполнять волю её мужа. Авилеро с трудом удалось её успокоить. Только сейчас он увидел, что Дае было не больше двадцати пяти. Светлые потрёпанные волосы закрывали заплаканные серые глаза. Лицо припухло от слёз. Узнав о смерти мужа, она только кивнула и еле заметно выдохнула.

– Хочешь остаться дома? Или мы можем отвести тебя в дом Блёмера. – спросил Ясномысл.

– Да, лучше туда, – полепетала она. – Спасибо! Я только сбегая возьму одежду.

На следующую ночь эльфы форта Байу сожгли склады. Пожар зловеще озарял северный бастион желтыми сполоха-

ми. Во тьме люди, матерясь, носились с вёдрами колодезной воды, песком и остатками снега. Пожар удалось потушить, но основные съестные запасы оказались уничтожены.

Быстро обнаружилось, что пропали темноволосый Кьё Илая и ещё двое эльфов: один из отряда меченосцев Житомира Нозаря, другой из отряда лучников Авилеро. Разъяренные жители форта перевернули вверх дном их комнаты. Стало очевидным, что они спешно собрали все необходимое и сбежали через малый северный ход.

– Вероятно, они не убежали в лес, а присоединились к осаждающим и уже рассказали им всё, что знают, – качая головой, произнес Военег.

Кессен Фойердаль был мрачнее тучи. Наклонившись над камином, он яростно выбивал пальцами дробь по железной обивке каминного портала. Мияма, не замечаемая хозяином, урчала и тёрлась у него под ногами...

– За остальными послал? – Кессен не отрывал взгляд от огня.

– Да, их сейчас приведут.

– Ты понимаешь, что сейчас уже нет места послаблениям или... исключениям.

– Похоже, что так, Кессен.

– Что ещё слышал?

– Мои люди говорят, что эльфов снова спровоцировали. Доказательств нет, но мне сказали, будто какая-то компания вчера сильно подшутила над Кьё Илая. Это было недалеко от

второго барака. Къё вспылл. Подонки избили его и бросили на улице...

– Кто это сделал известно?

– Нет. В том-то и дело.

Вскоре послышались шаги. В дверь главного зала донжона постучались и тут же вошли несколько человек во главе с Имеликом. За ними – трое эльфов: Блёмер Дау, Авилеро и ещё один уже не молодой эльф, служивший ранее при Хоросте Рэме помощником друида, но теперь значившийся в дружине Житомира Нозаря.

Все трое поздоровались и уставились на Кессена. Капитан форта стоял в задумчивости. Многочисленные складки на его лбу давно перестали быть просто временной гармошкой и превратились в глубокие борозды будто бы вспаханной земли.

– Вы слышали о поджоге? Сейчас весь форт готов растерзать первого же эльфа, попавшегося на глаза, – Кессен устало выдохнул и мягко отбросил ногой в сторону свою четвероногую любимицу. Миама громко мяукнула от обиды и гордо, не торопясь, удалилась. Фойердаль продолжил:

– У меня нет выбора кроме как перевести вас в подвал донжона, пока всё не уляжется. Всех, кроме Авилеро, – Кессен бросил взгляд на лесного эльфа. – У тебя хорошее алиби – Уйка подтвердила, что ты навещал Четвертака, когда вспыхнул пожар... К тому же... тебя знают... и уважают.

– Но я тоже! Тоже был дома! Дая подтвердит, – начал было

Блёмер.

– Нет, Блёмер, – перебил его Военег, – тебя первого прирежут, учитывая последнюю историю с Гульваром. Многие считают тебя главным зачинщиком.

– Конечно, – невольно улыбнулся Имелик. – Правда, люди и тебя, Военег, мягко говоря, не восхваляют, после того как ты лишил мужиков нормального кухаря. Кто теперь у плиты? Вочлыб? Тфу... У меня отрыжка от его стряпни второй день не проходит.

– Мы не можем рисковать, – продолжил Кессен. – Паёк вам оставим без изменений... Я верю, что вы не при чём. Это глупо... Зачем было тогда оставаться? Но народ сейчас не рассуждает логически.

– Господин, Фойердаль, – произнёс Блёмер с обидой. – Но запрятав нас за решетку, вы невольно, но покажете всем, что мы виноваты. Разве нет?! Ави, скажи, если я не прав.

Капитан, как и все собравшиеся, молчал. Первым заговорил Авилеро. Он извинился и попросил у Кессена минуту переговорить с Блёмером с глазу на глаз. Капитан кивнул. Эльфы отошли в другой конец зала, где бы их не услышали. Авилеро положил руку на плечё Блёмеру и тихо заговорил.

– Так будет лучше для Даи. Если тебя убьют, некому будет её защитить. Она может переехать на время в дом Четвертака, поухаживать за ним вместе с Уйкой. Я пригляжу, не волнуйся. Они правы: народ ищет виноватых, а ты – лучший кандидат.

Блёмер задумался на секунду и кивнул.

– Пообещай, что, когда всё начнется, ты меня выпустишь, – шепнул он.

– Я сделаю что смогу... Не волнуйся. Буду тебя навещать.

– Хорошо.

Так в форте Байу остался только один эльф, который мог смело ходить по улицам. Несмотря на это Авилеро уже не так часто занимался вечерними пробежками. Сказывался всё уменьшающийся паёк. На столе главной столовой уже закончились сыр, доставляемый раньше из Роспела, не было масла, были съедены куры и яйца, выпит весь сидр. Однако, ещё оставались запасы бобов и гороха. В день выдавали по сто грамм соленой свинины. Раз в два дня наливали чарку эля – Кессен приказал откупорить бочки, заготовленные три года назад для вызревания в подвалах донжона. В такие дни по трапезной второй казармы (первая сгорела на вторую неделю осады), где обычно ужинала добрая половина форта, разливался приятный аромат смеси трав и специй, заключенных в большом количестве в эле: вереск, мирт, сосновая смола, полынь, можжевеловые ягоды. Будучи большим любителем поэкспериментировать над способами брожения и всевозможными добавками, в свое время к рецепту приложил руку сам капитан форта.

Фойердаль был убежден в важности поддержки морального духа. Он часто сам выходил ужинать в казарму, общал-

ся с солдатами. На исходе кигды соловья – третьего десятидневного периода весны – он даже настоял на праздновании дня рождения Имелика Дзыбы. Готовились весь день. Настроение было приподнятое. Вечером в просторном холе уцелевшей казармы расставили столы и разожгли канделябры. Собрались почти все, за исключением десятка дозорных, дежуривших на основных башнях форта. Народ, подогретый элем, уплетал сервированные по случаю остатки свинины. А тех, кому не хватило, теперь ждали зажаренные крысы. Тарелка с ними ещё не была выставлена на главный стол, а стыдливо стояла в стороне. Другого мяса не осталось. Новый повар Вочлыб подгонял двух своих помощников – молодых парней лет шестнадцати. Предлагать крыс они, конечно, постеснялись, а больше подливали остатки эля и подносили похлёбку наподобие кальи: ржаную муку разводили в воде, крошили туда остатки сушеных грибов и лука.

Кессен решил устроить своему верному бурмистру небольшой сюрприз. Вместе с Военегом и Нэнне они нашли в кладовой сундук со старыми нарядами эпохи Добрых Веков – мирного времени, наступившего примерно к семьдесят третьему году после образования Союза Пяти Королевств и длящегося последующие сто лет. Облачившись в платья друидов, видимо, предназначавшиеся когда-то давно для театральных представлений, и загасив часть свечей, они оставили зал в таинственном полумраке. Все собравшиеся притихли в ожидании. Время от времени раздавались лишь редкие

причмокивания – попытки вынуть из зубов застрявшие кусочки мяса, да приглушенные отрывки от перебродившего эля.

И вот на освещенный и расчищенный от столов пятачок вышли Фойердаль и Нэнне. В руке у Кессена покоилась его любимая ивовая флейта, на которой он любил играть на ночь в одиночестве, но никак не на людях. Ильгукк держал на коленях лиру. Видно было, как он нервничает перед столькими зрителями. Нэнне дернул струны тихо и настороженно, взял два первых аккорда и заиграл перебором. Совершенно неожиданно из мрака появился улыбающийся Хорост Рэм с листком в руке. Он был не только одет в широкую тёмно-синюю мантию верховного друида, но также и лицо его было разукрашено золой, а под глазами яркой оранжевой пастой: как сотни лет назад, когда людской род только пытался прощупать своё положение в этом мире, населенном эльфами, орками и гномами, а друиды оставались проводниками между миром земным и миром духов. Но они исполняли также и функции просветительские, облекая свои проповеди в легенды, былины и саги о мифических существах и героях. Друиды тех времён слыли искусными сказателями, которые собирали народ, чтобы и развлекать, и наставлять. Хорост Рэм был уже довольно стар для долгих выступлений, голос его был уже не столь зычен, но друид отлично понимал необходимость отвлечь защитников форта от ужаса войны, показать, что жизнь продолжается. А ещё он, как и все, знал,

насколько сильно Имелик любит всякого рода представления. Именно бурмистр в свое время пригласил в форт цирк, где выступал Блёмер Дау. Именно Имелик устраивал всевозможные конкурсы и состязания на ловкость, эрудицию и другие таланты среди жителей форта.

И теперь он наслаждался. Хорост начал читать отрывок из «Саги о Пустынных Вождях». Сначала монотонно, без выражения, вскоре громче и певучее. Как только Фойердаль уверенно принялся вклиниваться переливами флейты в струнный мотив лиры, Хорост уже полностью вжился в роль, размахивал руками, поглядывал на замороженных слушателей из-под густых седых бровей, проверяя реакцию.

Весь зал наполнился хриловатым, как у всех мудрых стариков, голосом друида, волшебным пением лиры, игру которой обволакивала – то взвиваясь ввысь, то спускаясь до еле слышного шёпота, то играя в догонялки с главным мотивом, то нежно вплетаясь в паузы между слов саги – ивовая флейта капитана форта Байу. Вместе они, казалось бы, оборвали связь с окружающим людей голодом, холодными ветрами за окном, печалью об ушедших жёнах и детях, утратой друзей и ожиданием неизвестного, а скорее всего просто смерти. Авилеро сидел в углу зала вместе с Ясномыслом и Ялем. С его места было отчетливо видно, как изменялись угрюмые лица людей за столами. Хмурые взгляды прояснились, остановились. И если во время чтения саги люди предавались мечтам и фантазиям, летящим вслед за героическими при-

ключениями Пустынных Вождей, то потом... Потом Хорост смолк, и все до единого остались наедине с музыкой и своими мыслями. Именно тогда Авилеро заметил, как сидевший до этого со своим обычным серьёзным видом Имелик вдруг, впервые за всё это время ссутулился и отвернул голову в сторону так, что его волнистые черные волосы закрыли всё лицо... Только единожды с подбородка блеснуло что-то, отделилось янтарной капелькой и утонуло, падая, во тьме.

Авилеро не знал, по чему тоскует Имелик. Да и не всё ли равно? Была ли у него семья, или он тосковал по своим грядкам с огурцами, которые так хотелось вырастить ещё хотя бы одно лето? Может, он просто заслушался? А может, горевал по утерянной спокойной жизни. Ведь практически только он один знал, сколько осталось съестных припасов, как это количество можно разделить на число оставшихся воинов и как всё это посчитать в днях, которые можно прожить без мучительного, скручивающего все внутренности голода.

Прошло пять дней.

Вши не давали спать. И голод. Первыми начали страдать почки, печень и пищеварительная система. Многие стали заметно медленнее передвигаться. Сгорбленные фигуры стражников на стенах больше оставались на месте. Они следили за такими же фигурами на полях вдаль. Эльфийский

лагерь теперь не так как раньше пульсировал жизнью. Завоеватели тоже страдали от недостатка провианта, хотя и имели возможность охотиться в окрестных лесах. Их боевой дух падал, но Изар не был уверен в необходимости снова идти на штурм и нести потери. Он ждал подкрепления, а подкрепление из Тофф Дольдена всё не приходило.

Авилеро и Ясномысл в эти дни составляли новое звено дозора и дежурили с полудня до трёх часов. Они вставали на караул после обеда, но как только поднимались на башню, у них уже снова начинало урчать в животах. Организм требовал добавки. Друзья старались отвлечься разговором.

– Он шибко страдал? Ну, когда помирал? – казалось, стыдливо спросил Ясномысл.

– Порядочно, – подумав, ответил Авилеро.

На южной стене было спокойно. Весенний ветерок доносил пение первых птиц, недавно прилетевших из далёких южных краев. Вдали, как обычно, слышался лёгкий шум от биваков эльфов и стуки топора.

– Когда я зашел в последний раз, он уже был в беспамятстве. Несмотря на все старания Уйки он... Да... Явно страдал. Но потом, знаешь, под вечер как-то попритих. И... В общем, не понимал, что происходит вокруг. Не узнавал никого.

– Он что-то говорил?

– Говорил что-то невнятное. Говорил, будто у него что-то в груди... Будто он готов взлететь, будто в нём тысячи

дельфинов. Представляешь? Хм...

– Дааа.

– Думаю, Четвертак никогда не видел дельфинов... Разве что на картинках.

– Разве что так, – согласился Ясномысл и шмыгнул носом. – Я вот тоже не видал рыбин-то этих. Да и пёс с ними...

Ясномысл почесал в затылке и достал флакончик с эфиром, приготовленным ещё прошлым летом Уйкой. Открыл пробочку и понюхал.

– Последний, – вздохнул Ясномысл.

Эльф только сочувственно помотал головой. Четвертак скончался два дня назад, а у Авилеро по-прежнему стоял в ноздрях запах его пролежней, пота и гниения от гангрены. Уйка плакала. Дая тоже. Дельфины... Возможно это последнее, что сказал Четвертак осмысленно, прежде чем забыться в своей последней агонии.

Они похоронили его рядом со стеной за старыми конюшнями, где было организовано небольшое кладбище. Прощальную речь сказал Кессен. Говорил больше про выполненный долг: долг перед страной, перед своими родными и детьми. Хорост Рэм вспомнил, что Четвертак всегда чтит богов и часто посещал святилище. Друид произнес напутствия для живущих, а на могилу наложил знаки оберегов для лёгкого пути через семь лугов очищения в загробное царство Амет.

– И да не тронут душу его когти Неспящих, – произ-

нёс Хорост своим скрипучим голосом. – Мы будем помнить твою доброту и силу духа.

Сама процессия была короче, чем в первые дни осады, когда люди хоронили первых павших бойцов. Со временем обряд становился монотоннее и быстрее. Да и горевали люди быстрее. Они привыкли оплакивать умерших, и поэтому сама скорбь становилась всё менее горькой и страшной. Скорбь вошла в привычку и стала похожей на хроническую мигрень, от которой страдаешь, но с которой привыкаешь жить... Молча собирались. Слушали речи и кивали. Кто-то мог вспомнить какой-нибудь забавный или просто примечательный случай из жизни ушедшего. Смеялись. Печалились. Потом расходились. В основном молча, шаркая ногами, ибо голод уже начал выедать силы из их тел.

Послышались неспешные шаги по лестнице, и на стене появился Нэнне.

– Ну, сейчас буду вас удивлять, – были его первые слова. – Слушайте. Вчера, не поверить точно вы мне, видел на стене возле западной башни знаете кого? Колток сидел!

Авилеро и Ясномысл переглянулись.

– Ммм, духи колтки што ли? – вопросительно посмотрел на него Ясномысл.

– Не духи, а дух... Один значить. Сидел так, свесив ногу

вниз, да болтать ей туда-сюда. Не к добру это. Все знают. Брошенный чтоль, подумать я.

Авилеро нахмурился:

– Как понял, что колток?

– Как понял, что колток?! Ха-ха-ха! Ну как, вот сидит ни с того ни с сего на верхотуре малорослик с огненными такими волосами во все стороны.

– И?

– Говорю тебе, я крутанулся. Ба... Да у него два лица. Одно грустное такое. На луну, значить, пялится. А второе, ну как в байках Уйкиных посреди живота, пострашнее. На меня зыркает да хмурится. – Нэнне понизил голос. – Я-то никому не стал говорить. Ну его к чертям. Скажут, сдурел от голода. Мужики, сам знаешь, у нас какие. На смех пустяк. Начнут байки травить... Как помнишь, годка два назад Ясномыслу не поверить, что он лешего слышал. Да прозвали...

– Тугомысл, – позволил себе чуть улыбнуться Авилеро.

– Спасибо что напомнил, – проворчал Ясномысл, трогая зуб, который день назад начал качаться от недостатка витаминов.

Духов колтков давненько уже не встречали в здешних землях. Хотя раньше их было достаточно. Эти лесные духи-крошки считались вполне безобидными и даже, наоборот, часто помогали людям. Любили пошуметь, поболтать. Жили по поверьям в зарослях бузины. Сильные маги былых времен старались приманить и приручить этих духов, хотя

они и считались более дикими, лесными. Но в отличие от большинства домашних духов колтки были привередливы и не поддавались магическим уговорам. Они, напротив, могли пойти на службу скорее обычным людям или даже эльфам. Для этого им часто приносили вкусные угощения: пряники, сладости, леденцы. Главным испытанием было вытерпеть все проказы колтков, прежде чем они останутся в доме жить и помогать хозяевам. Колтки могли и еду всю съесть ночью и мусор раскидать. Но любимым их делом было покрошить мусор в крынку с молоком. Накрошат и сидят в укромном месте, смотрят, выпьют ли хозяева. Если выпьют, быть колткам при доме и помогать уже во всем.

Нэнне махнул рукой:

– А ну его. Как появился, так и сгинуть. Я уж глядеть, ан нет его. И конец истории.

– Хм, – задумался эльф. – Если он был один, да так близко к людскому жилищу, значит, прислуживал кому-то из наших... А теперь... Теперь остался не у дел? – Авилеро растягивал в задумчивости слова. – Думаю, его хозяин умер.

– Четвертак?

– Мммм... Такое может быть. Вполне. Помнишь, как Четвертак с семьей жили? Всегда у них чисто, как ни приди.

– Ха! Вот те на! – крикнул Ясномысл.

Все трое замолчали.

– Слушай, Ави, – произнёс Нэнне. – Что-то тебя не видать в последнее время. Только на стене и нигде больше. Как ты

вообще?

За прошедшие тридцать три дня с начала осады Авилеро, казалось, постарел на несколько лет. Его вертикальная складочка на переносице стала ещё глубже, а рядом к ней приросла вторая поменьше. Возле уголков рта углубились две бороздки. Взгляд, и без того тяжелый, теперь был ещё и безразличным, потухшим. Типичная зелень ливеллийских глаз подёрнулась тёмной мутью, будто туда напустили болотной грязной тины. Эти внешние изменения сильно контрастировали с его умением не проявлять слабости и говорить всегда бодро и живо. Авилеро почти всё скрывал внутри, но как бы он хорошо ни прятал свои эмоции, каким бы активным ни казался, глаза выдавали эмоциональную усталость. В последнее время только с Льдинкой, который был теперь узником подвалов донжона, он мог честно поделиться своими тревогами. А поделиться было чем.

Эльф вспомнил про найденную недавно у порога дома записку с корявой надписью «Убирайся ко своим! Еначе мы сами тебя убирём!» Кроме капитана форта, бурмистра и воеводы писать мало-мальски умели только три человека. Однако у Авилеро не было охоты разбираться с этим. Он не сказал никому ни слова, а просто смял записку и выбросил. Кроме желания поскорее закончить со всем этим, он больше ничего не чувствовал. А если всё закончится быстрее, что ж, возможно, оно и к лучшему. Это бы избавило его от чувства голода, от этой ноющей, сверлящей боли в желудке, от чув-

ства, как твой организм поглощает постепенно сам себя, стараясь за счёт хоть какого-нибудь органа найти главную пищу для мозга – глюкозу. Ему было невыносимо ПОСТОЯННО думать о еде.

– А я слышать, трое из твоего отряда ушли на восточную стену, – продолжил Нэнне.

– Верно... Попросились к Ялю перевестись. Я отпустил. Взамен выделили двоих из арбалетчиков Житомира. Толковые парни.

Нэнне немного замялся.

– Ты же знаешь, Ави! Я всегда поддержу. Давай переведусь к тебе на южный бастион.

– Переводись. Нам люди нужны.

– Вот и славно! – обрадовался Нэнне, как будто даже облегченно выдохнув.

– Тшшш! – вдруг зашипел на них Ясномысл, всё это время смотревший на Нэнне с какой-то хитринкой в глазах. – Замолкните! Слыхали?

Из глубины форта нарастал шум голосов.

– Ээй! Что там? – крикнул Ясномысл пробегающему мимо стены коренастому арбалетчику.

– Чёрт их поймёт! Говорят, Кильд вернулся! Да с посланцем от самого короля!

Всех троих как волной смыло со стены. На бегу Авилеро отдал приказ младшему дозорному остаться на стене для продолжения наблюдения.

Скороход Кильд Соттивельда и поверенный гонец самого Отакара Фичгрота ждали целые сутки у северной стены, прячась в лесу, пока не поймали момент, когда у эльфов, наконец, произошёл временной разрыв в смене патрульных. Дозорные посты были выставлены захватчиками вокруг всего форта на расстоянии ста метров друг от друга для предотвращения прорыва из или, наоборот, проникновения в Байу. По счастью, оба варианта эльфы считали маловероятными, и патруль оказался не слишком бдительным. Сменялись посты два раза в день. Именно моментом смены патруля (заскучавшие эльфы остановились поболтать с заменяющим их новым дуэтом дозорных), а также близким расположением стены к кромке леса и воспользовались гонцы.

Ночью на третий день кигды зеленого дятла Кильд с королевским посланником прокрались к северным «малым воротам», сквозь которые мог пройти бочком только один человек и которые предназначались для секретных вылазок. Проход был умело замаскирован густыми зарослями плюща, опутывающими стену, и поэтому не был раскрыт. В толстенной одностворчатой двери снаружи были вырезаны специальные углубления-пазы. В эти пазы вставлены камни: плоские с одной стороны для удобного размещения в паз и грубые с внешней. Таким образом, если не подходить к двери

вплотную, издалека каменная кладка на двери была идентична кладке на всей стене.

Аккурат перед рассветом короткими перебежками добравшись до ворот, скороход Кильд Соттивельда что есть мочи завопил, адресуя послание дозорным на башне Смелый Юм. Лирош Ниггтваллен – дозорный лучник второго ранга, девятнадцати лет от роду – спросонья, не услышав содержание слов, воспринял громогласные призывы Кильда за боевой клич эльфов и чуть не пустил первую же стрелу меж глаз бедному скороходу. В помутнённом от голода и бессонной ночи сознании Лироша в мгновение ока возникла картина, как всё эльфийское войско стоит у форта и закидывает десятки вновь наструганных лестниц на крепостные стены, где он один несчастный несёт вахту этим утром. Лирош яростно тёр глаза и вглядывался в тёмный кустарник. Он совсем не подумал о том, зачем изможденному Камышовому войску и воинам Петляющнго леса штурмовать совершенно нетронутую ядрами стену, да ещё и ограничивать передвижение, пробираясь сквозь лес, если на юге уже есть полуразрушенные ворота Толстого Ригдара, а на востоке засыпанный для быстрой переправы ров и наполовину обрушенный бастион Брат Шибала. Дозорный также не заметил и растянутый в руках Кильда стяг с гербом Кессена Фойердаля, специально взятый для целей скорейшего опознания своих.

Лирош чудом не попал.

Парень очнулся только когда услышал трубный голос ко-

ролевского гонца: «Именем короля Отакара Фичггота!!! Отворяй, стерва!»

На крики отреагировали и эльфы. Они уже бежали по направлению к гонцам, вскидывая на ходу луки, но пока ещё были далеко,

На подкашивающихся ногах с вылупленными красными от недосыпа глазами Лирош кубарём скатился до секретной двери... Отворил! А также... Получил крепко по морде от посыльного короля, получил на следующий день устный выговор от Кессена, был лишен дневного пайка и уже в сторонке успокоен Военегом:

– Ну хоть не уколошил никого. Впустил же, а? Это ничего, что в штаны надул... Все же целы. Забудь. Я попросил за тебя. Останешься во втором ранге.

Однако всё это было пустяками по сравнению с вестями из Главного Штаба. В ту же ночь, когда Кильд чуть не был сражён стрелой Лироша, стараясь не поднимать лишнего шума, оба прибывших были препровождены в покои капитана форта. Там гонец короля – крепко сложенный густобровый молодец по имени Огмар Дези с ударением на И, как он сам уточнил в начале своей речи, выдал наизусть заученное послание.

«Капитану Кессену Фойердалю и всем защитникам форта Байу.

В связи со стремительным продвижением армии Ливеллии по территории Республики Левэр и риском скорого вы-

хода войск неприятеля к границам дорогого нам Драбанта мы не имеем возможности перебросить вспомогательные части на восточный фронт.

Генералу Сигуру Колючему приказано занять позицию у форта Роспел, который в крайней степени благоприятствует успешной обороне нашими ограниченными силами, что также поможет консолидировать оборонительные силы в одном месте. Мы вынуждены оставить Восточную Крепость и Форт Байу. Да поможет вам милостивый Осгунд.

Приказываю держать оборону до истощения сил. При понимании безысходности положения и скорого захвата крепости, форт не сдавать, а сжечь. Людей, при возможности, сохранить и отступить скорым маршем на Роспел. Решение об отступлении принимать только капитану Фойердалю, либо при его кончине, его первому заместителю.

Верю в вашу доблесть и верную службу королевству!
Король Отакар Фичгрот»

После прочтения густобровый Огмар Дези пожелал незамедлительно проинформировать его о положении в крепости, продиктовать обратное послание королю и на следующий же день отправиться обратно в Твердрек.

К сожалению, для торопящегося гонца, на следующий же день кольцо постов вокруг форта сильно сжалось. Число дозорных увеличилось. Они встали палатками на своих участках и теперь денно и ночью наблюдали за каждым метром

стены. Вырваться из окружения, не будучи обнаруженным, теперь не представлялось возможным.

На утро следующего дня Фойердаль задумал собрать всех у донжона и произнести речь в присутствии королевского представителя, но его опередил вестовой Меербю Эддидр, дежуривший в то время у восточной стены. При первых лучах солнца он, волнованный и взмыленный от пробежки, доложил:

– Командор Фойердаль, только что на стреле получено послание от противника: командующий Армией Петляющего леса просит Вас прибыть к восточной стене на переговоры. Сам он там будет ожидать без оружия на коне, как только солнце покажется из-за леса.

Солнце к тому времени только плеснуло розовым на тёмно-бирюзовую гладь неба. В начале кигды зелёного дятла оно уже начало пригревать. Снег сошёл, и, как это бывает в здешних краях, тут же закипела жизнь: прилетели цапли и начали расхаживать по полю, в лесу добавилось множество новых птичьих веселых песен. Скоро всё вокруг зазеленеет.

«Хорошо бы дожить до настоящего тепла и лета», – подумал Кессен, облачаясь в свой официальный кафтан командора, состоящий из многослойной стёганой ткани и множества заклёпок, образующих сложный узор в виде пластинок и ячеек на груди и спине. Он повязал на предплечье гербовый шарф, затянул узлы на красивых кожаных налокотниках, застегнул широкий пояс и направился к главным воротам.

Помимо Военега, Имелика и Житомира командующий фортом решил взять с собой Авилеро и Яля, показав этим врагу, что в форте нет расовых разделений: все они сражаются за одно королевство.

К моменту, когда они взобрались на стену, под ней их уже ждали двое: главнокомандующий армией Икар... и человек, в котором можно было распознать того всадника, который привёл Армию Петляющего леса, – колдунья. Третья, как по слухам её звали сами эльфы, на этот раз оказалась на расстоянии всего нескольких метров. Оба прибывших подняли головы.

Кессен и остальные отшатнулись, но вовремя взяли себя в руки. Правая половина лица у Третьей была пурпурно-чёрной, будто бы обожженной. Но пугало даже не это, а то, что по сожжённой части лица проходило несколько трещин. Кожа в этих местах лопнула и раскрылась, обнажая... Там должны были быть кровь, мясо, кости в конце концов... Но вместо этого в глубине борозд, казалось, что текла лава, будто тлели угли, то разгораясь, то затухая до едва уловимых красноватых рубцов. Правый глаз походил больше на раскалённый уголь, брошенный в тёмную чашу глазницы. Пульсирующие красным внутренним огнём шрамы уходили вниз на длинную шею, на широкие ключицы и далее прятались за вырезом балахона. Только по строению маленького лысого лица и отсутствию растительности на нём можно было догадываться, что перед ними женщина. Под тёмной мантией

был лишь небольшой намёк на женские груди.

Заговорил Изар.

– Примите наше почтение, господин Фойердаль! Вы дрались отважно и благородно. Меня зовут Изар – главнокомандующий объединёнными армиями Петляющего Леса и Камышовой.

Он выждал паузу, но видя, что Кессен не собирается вступать в диалог, перешёл к делу.

– Буду откровенен: мы знаем, что к вам прошлой ночью проник посыльный, и думаем, вам теперь известно о вашем текущем безвыходном положении. Наши разведывательные отряды не замечают приближающихся войск ни с одной из сторон в периметре на пятьдесят вёрст, а значит, Восточная рать Твердрека не решилась прийти вам на помощь. Иначе они бы уже дошли до этих земель. Мы думаем, что король Отакар не стал рисковать восточным фронтом, растягивая войска в марше на форт Байу. Вы обречены. У вас нет шансов выстоять эту осаду даже пару десятков ночей. – Изар переводил взгляд с одного лица на другое и отмечал, насколько изможденными они выглядели: темные круги под глазами, впалые щёки.

– Значит, вам придётся пожечь костры под нашими стенами здесь ещё пару десятков ночей, – хрипло ответил Кессен.

Он хмуро, не шевелясь, смотрел с высоты оборонительной стены, покрытой множественными выбоинами и вмятинами от попадания ядер. Несмотря на осунувшееся лицо и

худобу вся его осанка и железный голос производили впечатление, будто он сам пришёл завоевывать земли с армией в разы превосходящей противника. Внутри себя он уже давно всё решил.

Защитники Байу в свою очередь отметили болезненный цвет лица Изара. Военачальник был явно непривычен к длительной армейской жизни в отрыве от домашних удобств. Услышав ответ Кессена, Изар не смог скрыть разочарование. Продержать армию ещё с десятков дней под стенами форта было и невыгодно в плане расхода припасов, и опрометчиво в плане скорости наступления.

Неожиданно Кессен и его свита слышали приближающиеся шаги. Они обернулись. Скороход короля Драбанта, уже покрывшийся испариной, взбегал по лестнице на стену с подозрительно уверенным видом человека, который опоздал на своё выступление, но сейчас же готов наверстать упущенное. Поднявшись, не поздоровавшись с капитаном, а только сердито стрельнув в его сторону глазами, что можно было истолковать только как «какого хрена меня не позвали на переговоры!», скороход посмотрел вниз на двоих и заорал.

– Я – Огмар Дези! Я буду говорить от имени короля Отакара Фичгрота.

– Господин Огмар, – перебил его было Фойердаль, но тот тут же остановил его, подняв руку.

– Король королевства Драбант, соправитель триумvirата независимой Великой Северной Степи и островов Дурп

Кратор повелевает всем чужеземным войскам оставить территорию королевства и незамедлительно! – на слове «незамедлительно» Огмар сорвал голос на писк, но прокашлялся и продолжил: В противном случае наши войска вырежут... хм-хм... проведут чистки по всем землям, осмелившимся осквернить святой Союз Пяти Королевств от Смирного моря до озера Тайдушо.

Фойердаль и его свита пришли в такое замешательство от неожиданного выступления Огмара, что не находили слов, но вдруг за них это сделала спутница Изара.

– Уважаемый Огмар, – заговорила вдруг Третья немного шепчущим, будто шелестящим, но чётким голосом, – Ты лжёшь. Нет никакой армии, которая идёт остановить нас. Есть только измождённая кучка защитников форта, которая либо умрет через несколько дней, либо сегодня же станет нашими пленниками, но останется жива.

– Да кто ты такой, чтобы ставить такие условия!? – брызжа слюной возмутился Огмар, так и не поняв женщина перед ним или мужчина. Он скривился от отвращения, глядя на лысую обожженную голову на длинной тонкой шее. Ещё чуть-чуть и её вряд ли можно было назвать человеческой – Не вижу герба твоего Дома?

– Тебе не нужно знать, кто меня уродил, – спокойно ответила Третья.

– Благодарим за предложение, – поспешил вмешаться Кессен. – Мы ценим ваше старание ... кхэ.... предложить

мирные варианты, – И потом твёрдо добавил. – Мы не сдадим форт. Пусть всё решит воля и милость Семиликих.

– Пойдите, – снова перебил скороход короля, заметно нервничая. – Если вы собираетесь продолжать осаду, я требую, чтобы меня немедленно выпустили из форта! По статье сорок восьмой приложения номер два к Союзу Пяти Королевств все скороходы королевств должны пользоваться неприкосновенностью на землях союза!

– Нет никакого Союза, глупец, – раздражаясь, зашелестела Третья и краснеющие огни внутри глубоких шрамов вдруг ярко запульсировали на обугленной коже, – Ты останешься здесь ждать своей смерти.

Она дёрнула лошадь за уздцы, чтобы развернуться. Изар, позволявший всё это время вести колдунье переговоры от лица Ливеллии, и на этот раз промолчал. Он только задержал взгляд на Кессене, всё надеясь, что тот изменит решение. Вместо этого он услышал перешедший на визг крик скорохода:

– Я требую выпустить меня! Я готов передать королю ваше личное послание! Стойте! Куда вы! Твари! Стреляйте же! – он в бешенстве повернулся к капитану форта, – Прикажите стрелять! Они же уйдут! Грязные эльфийские выродки!

Он продолжал в отчаянии жестикулировать и «отдавать приказы». Гонец очень не хотел умирать, оставшись в крепости. Даже мысль о том, что он лишит себя привычных десяти куормильск устриц на завтрак и свежего стейка из тун-

ца на обед, щедро подаваемых к столу королевских гонцов, сввергала Огмара Дези в отчаяние.

Изар уже развернулся и поскакал обратно к позициям эльфов, а вот Третья... Третья не была так терпелива. Она скинула капюшон, закатила по локоть рукав правой руки – такой же чёрной, как и лицо. Колдунья вскинула руку по направлению к пятерым на стене и выкрикнула что-то малоопытное, что только Авилеро смог расшифровать как эльфийское «Прикуси язык!».

Никто на стене не смог понять, что случилось, и пригнуться. Волна полупрозрачного будто расплавленного воздуха струёй метнулась от ведьмы к стене и попала точно в Огмара Дези. Скороход отшатнулся, но его успели подхватить стоявшие рядом Яль и Военег. Житомир молниеносно выхватил из-за поясицы укорочённое метательное копьё и кинул в ведьму. Третья успела вовремя пригнуться и прищипорить коня. Через мгновение она уже неслась по полю, догоняя Изара.

– Это что за чертовщина, чтоб её бесы забрали?! – недоуменно произнёс Военег, продолжая поддерживать королевского посла за руку, – Вы в порядке, господин Дези?

Огмар оттолкнул воеводу и хотел было чем-то возмутиться. Он открыл рот и... Вместо привычной ругани вдруг донеслось «куааа». Все недоуменно уставились на него, не понимая, шутит ли он. Однако, судя по лицу скорохода, в мгновение покрывшемуся крупными каплями пота, и по глазам,

полным слёз, стало предельно ясно – господину Дези вовсе не до шуток.

Он громко замычал. Схватил первого, кто стоял рядом (коим оказался Военег), и с мольбой в глазах открыл рот, показывая язык. Глаза его говорили примерно: «Посмотри, что там происходит!?!»

Военег потом ещё долго не мог отогнать эту картину: из открытого рта Огмара вместо языка высунулась жаба. Да, это была самая настоящая жабья морда – мокрая, в бородавках, с зелёными пуговками-глазками; передние лапки с растопыренными пальцами; жабье пятнистое пупырчатое тельце. Всё это Огмар, должно быть, ощущал нёбом, щеками, горлом.

– Куааа, – снова запела жаба, как только скороход открыл рот.

Глядя на перекошенное в отвращении лицо Военега и снова услышав кваканье, Огмар выпучил в ужасе глаза и завыл так, как это позволял ему сделать язык-жаба. Вышло что-то вроде горлового рёва, похожего на коровий, на фоне которого жаба успела ещё раз приквакнуть.

Сложно представить отчаяние и ужас человека, который почувствовал во рту настолько отвратительное, живое, скользкое создание. Неужели теперь с этим жить? А как же говорить? Есть? Любить женщин из знаменитого столичного Клуба Холостых Стервятников, за которых он был готов отдавать десять дукатов за ночь. О великий Юмма, – покровитель земных наслаждений! Да! Они стоили своих денег!

Все эти вопросы наверняка появились бы у посла позже, если бы он взял себя в тот момент в руки, прижал бы как-нибудь к нёбу засевший у него во рту лягушачий отросток и заставил его на время замолчать. Если бы он перестал паниковать.

– Успокойся, Огмар, спокойно, – произнёс Кессен взволнованно.

Но несчастный уже заметался из стороны в сторону, не в силах понять, куда бежать и что делать.

– Господин посол, постойте. Я позову Уйку – нашу знахарку. Это может быть наваждение... Иллюзия, – сказал Авилеро.

Посол, казалось, не слышал и не видел ничего вокруг. Он снова попытался завопить, но вместе с мычанием послышалось неизменное «куааа, куууааа». И тогда Огмар высунул язык-жабу изо рта, сжал зубы на её голове и стиснул их что есть силы.

Кровь хлынула изо рта королевского посланника. Голова лягушки с противным звуком шлёпнулась о камень и... Все увидели откусанный кусок языка...

Скорород Огмар Дези попятился и упал в обморок.

Их осталось семьдесят восемь.

Воды в колодце хватало, но запасов еды было катастро-

фически мало. Кессен Фойердаль приказал сократить паёк до одного приёма в день, а также отстреливать, при возможности, всех птиц, пролетающих над фортом. Крыс всех перебили. Повальная охота на них длилась последние несколько дней, пока в крепости не осталось ни одного грызуна. Погреб донжона с провиантом теперь охранялся пятью вооружёнными солдатами.

Капитан также сократил дозорных на каждой стене до трёх вместо пяти. Таким образом, на стенах форта оставалась дюжина человек. При опасности дозорный должен был добежать до небольшого колокола, установленного на каждой стороне света рядом с главными сторожевыми башнями.

Авилеро раз в день ходил проведать Блёмера. Иногда он приносил несколько лепёшек, которые пёк из остатков прогнившего картофеля. Иногда к нему присоединялся Ясномысл. Рассказывать особо было нечего, но они изо всех сил старались приободрить друга. Говорили о последних незначительных событиях, происходящих в форте, о наплыве посетителей в святилище, где Хорост Рэм теперь чаще чем прежде справлял службу Поминания Злых Дум. Изю дня в день он отпускал просившим их особо тяжкие грехи и, если их накапливалось достаточно много, проводил «выжигание грехов», что обычно означало прижигание раскалённым клеймом. Ещё они говорили о вероятном новом штурме и как к нему готовиться.

Чтобы не вызывать лишние вопросы, Дае было разрешено

посещать заключённого только вечером, когда стемнеет, и не чаще, чем раз в два дня. В первые дни девушка не пропускала ни одной возможности увидеть возлюбленного и, несмотря на гнетущий мрак и холод подземных катакомб, как ровно и соседство с молчаливыми гордыми эльфами, пленёнными в предыдущий штурм, оставалась подолгу. Спустя же некоторое время визиты сократились. Что было делать в этих влажных, дышащих затхлостью застенках? О чем было говорить с Лыдинкой – раньше таким нежным и любвеобильным, теперь же немногословным и тихим? Да и как можно было утешить его словом или телом, когда в тюремной тишине каждый звук, каждый шёпот впитывался сидящими по соседству угрюмыми, изголодавшимися пленниками? Поначалу Дая осталась жить в доме Четвертака вместе с Уйкой, но, когда одной ночью часть дома обрушилась от прямого попадания ядра, Дая попросилась жить к Авилеро. Старая Уйка осталась погребённой под обвалившейся крышей и стенами дома. Собравшиеся ночью люди покликali – не осталась ли она жива под завалом и, не услышав в ответ ни звука, разошлись, решив не тратить сил на разбор тяжелых брёвен. И только когда через два дня об этом узнал Кессен, он немедленно дал команду обязательно разбирать завалы, если под ними оказывались люди – неважно, мёртвые или живые. Народ поворчал, но принялся исполнять.

Дая же теперь жила у Авилеро и бросала на него взгляды, чуть более долгие, чем это требовало приличие. Ходи-

ла вечером, не стесняясь, в полупрозрачной ночнушке, через которую были видны темные соски ее груди. На фоне уже начавших сильно выступать рёбер, груди её на удивление сохраняли прекрасные округлые формы. Однажды она довольно бесхитростно попросила Авилеро подать полотенце, когда голая плескалась в деревянном корытце. Дая была по-своему красива... И всё же Авилеро всеми силами старался избегать любой возможности проявления этих намёков, даже учитывая, что в последний раз он был с женщиной до начала зимы: как обычно в Дорсвиле, как обычно в пропахнувшем дешёвой выпивкой, потом и не менее дешёвой похотью салоне «У Мадам Кью». В тот вечер эльф принёс полотенце Дае, но, стоя прямо перед ней и не отворачивая взгляда, когда она встала из корытца, и когда по устью между грудей у неё так соблазнительно сползало вспененное облачко от мыла, он чётко дал понять, чтобы девушка вела себя поскромнее. Разговор был неприятный.

Тем временем уныние и безысходность опустились на форт душным одеялом, которое невозможно скинуть. Приливы братского единства во имя одной цели – выстоять – теперь перемежались всё больше с чувством одиночества и отчуждённости. Каждый теперь посматривал поровну ли делится пустая обеденная похлебка, чуть заправленная оставшимися овощами и картошкой, не отрезали ли кому больше хлеба, изъеденного долгоносиком. Чтобы избежать спекулирование едой или установления «особых» порядков в казар-

мах, капитан форта вынужден был поставить двоих наиболее верных солдат следить за справедливым разделением пайка прямо в столовой. Несколько раз возникали громкие споры. Народ требовал выдать паёк больше.

– Мы знаем что есть запасы! И вообще, чем там наш Кессен сам-то лакомится? – Пади мяско оштавил себе, а?

Особенно доставалось новому повару – Вочлыбу.

– Ты меня не затыкай, курва! Наливай давай добавки! Смотри сам-то ряху наел!

– Робяты, давай пожрём, что осталось в погребах хоть раз нормально, а потом в лес. Неча хробить себя, коли мы тут никому не нужны! Слыхали гонец приехал от самого короля?

– Да без языка гонец-то. Говорить не может. Сам видел.

– Это что ж за гонец, да без языка? Не слыхивал о таких.

Писарь што ли?

– Сам ты писарь Сава! Его Кессен, говорят, языка лишил, чтобы дурные слухи не распускал.

– Аха. В это я поверю!

– Нее, ты нашего каптана не трошь, трепло! Токмо за счёт него и дышишь теперича. Точно тебе говорю, энто бесовка та. Она чаровница, говорят.

– О! И я слыхал об том же. Говорят, может показать тебе, чего ты не видывал, а ты и уверуешь.

– Свят, свят, свят! Сбереги нас Цартэ-прародительница.

– А я говорю, это всё начальники наши жизни не дают!

Посол – не посол, ведьма – не ведьма!

Когда дошло до организованной забастовки, которую возглавил задиристый Шижень Стромм, Кессен самолично и жестоко её подавил.

Открытый организованный бунт означал конец всему: либо заговорщики победили бы и покинули форт, взяв оставшиеся съестные запасы, либо проиграли бы и угодили в катакомбы донжона. И то, и другое должно было вылиться в вооружённое столкновение, что бы привело к критической потере большой части людей в крепости. Действовать надо было быстро и на опережение. Поэтому по совету Имелика, которому вовремя донесли о намечающемся бунте, во время единственной полуденной трапезы Кессен разделил людей на две группы. Они должны были идти одна за другой якобы для большего удобства поварам в обслуживании. Группа побольше ушла на обед, а что поменьше, куда входили Шижень и его главные сподвижники, осталась в казарме. Это сильно уменьшало шанс сопротивления. Кессен ворвался в казарму с верными ему воинами и увёл бунтарей. Оставшиеся в казарме люди заступаться за главных заводил не стали: одни выступали за продолжение защиты форта и стояли за Кессена горой, другие либо побоялись, либо бездействовали от неожиданности.

Тем же вечером капитан приказал прилюдно бить бунтовщиков палками. Семнадцать ударов по спине. Полуживых, непрерывно стонущих, после экзекуции их тут же отнесли в лазарет к Зафару Ляхне. Один из зачинщиков – местный

кузнец Дубич Зогтаус, не пережил ночь и умер, так и не придя в сознание.

Недовольные притихли.

Будни в лагере лесных эльфов также продолжали меняться. Эльфы уже не стучали топорами, похоже, заготовив достаточно лестниц для нового штурма, но и не решались на очередную попытку взятия форта. Катапульта стреляла всё реже. Утром пять выстрелов с единственной целью – развалить до конца бастион Брат Шибала, на котором обороняющимся уже было опасно находиться, и стену возле него для образования широкой брешы. Вечером – пять выстрелов по форту в разные точки. Сначала закидывали ядра в центр по донжону, потом по ядру шло в южную и северную части форта. Больше эльфы стрелять не решались. Ядра были нужны для штурма следующих крепостей. Казалось, командование никак не могло решиться, что делать дальше и приняло выжидательную позицию.

Катапульта защитников форта тоже больше молчала. Оставалось двадцать четыре ядра, припасённых на случай штурма. Хотя в моменты, когда вражеская катапульта наносила существенный урон форту, разрешалось стрельнуть разок-другой в ответ по шатрам противника, размещенным на окраине леса и в лесу. Ядра ломали ветви, иногда валили попавшиеся на пути деревья. Достигали ли они цели? Возможно. Особенно когда за хрустом веток и стволов следова-

ли эльфийские крики и брань.

Но штурма не было.

– Я видел во дворе мертвого дятла, – сказал в один из таких дней Ясномысл. – Это

не к добру – увидеть мертвую птицу кигды. И шо только делал тут?

И всё же, несмотря на недобрые предзнаменования и страшный голод, у многих в Байу иногда складывалось ощущение безопасности. Противник был пассивен слишком долгое время. А на седьмой день кигды дятла после разбора завалов сгоревших складов обнаружили нетронутые двери, ведущие в подземные кладовые. В подвалах оказались бочки прошлогодней вяленой трески. По счастью крысы тронули только три из пяти бочек. Благодаря прохладе и фасовке маленькими порциями в бумажные свертки рыба оказалась пригодной для еды.

К тому же ночи стали теплее...

В одну из таких ночей Авилеро приснилось нечто странное. Его качало на волнах. Он будто парил над каким-то скоплением не то кораблей, не то китов, а вдали сквозь брызги волн и синеватую дымку мерцал огнями величественный город. Своды его, вытесанные из скал, стремились ввысь в несколько уровней и достигали самых вершин нависающих над морем гор. На террасах Авилеро заметил множество силуэтов. С факелами в руках они ждали чего-то. Эльф чувствовал мощь морской твердыни и угрозу, которую источали

и острые рифы, рассыпанные вдоль береговой линии, и выступающие крепкие башни с бойницами. И даже ветер словно защищал город и нещадно трепал корабли... Или огромные плавники невиданных рыб? Потом чувство угрозы сменилось спокойствием и пустотой. Он видел морские водоросли, танцующие в зеленоватом мерцании. Ленивые рыбы тарасили свои стеклянные глазищи. Эльф был свободен в этой тишине глубин. У него здесь не было ни друзей, ни врагов. Он не был здесь ни чужим, ни своим. Здесь всем было наплевать, откуда он пришел и куда пойдет. Лицо Авилеро во сне, наконец, расслабилось, две дорожки на переносице на миг расступились, и улыбка тронула на секунду его тонкие потрескавшиеся губы.

– Кессен, когда думаешь настанет момент? Ты ведь понимаешь, что нам не пережить ещё одну атаку? – спрашивал Имелик, когда по обычаю заносил завтрак капитану.

– Пожалуй... Пожалуй... – в задумчивости отвечал Фойердаль, рассматривая в мутное косское зеркало впалые щеки, параллельно думая, узнала бы его жена, случись так, что судьба позволила бы им вновь увидеться.

– Я извиняюсь... Милорд? – упорствовал бурмистр, почему-то переходя на официальный тон, будто это поможет капитану сконцентрироваться и дать более чёткий ответ. –

Простыми словами скажу: еды у нас на две кигды. Я не уверен, что через несколько дней раненые или заключённые не начнут повально умирать. Им тяжелее других.

– Хорошо, Имелик... Заключённым паёк не сокращать. Прикажи... лекарю... зайти ко мне сегодня и отчитаться о состоянии больных и раненых, – Кессен задумался. Говорил он с долгими паузами. Мысли и внутренние диалоги всё больше захватывали его в свой мир: – Мы продержимся ещё немного. Дадим время нашим мобилизовать побольше сил, и потом мы сожжем форт, а сами уйдём.

– Сир???, мы не уйдём далеко, если нас заметят. Они на конях. Патрули сейчас усиленные.

– Знаю, Имелик. Мы постараемся сделать всё ночью. Застанем их врасплох: вырежем по-тихому патрули у северных ворот и уйдём в лес. Когда они к утру очнутся, мы уже затеряемся в лесу. Не думаю, что у лесных цель – обязательно истребить нашу команду изголодавшихся калек. Вряд ли погоня будет долгой, – усмехнулся Кессен, принимаясь за завтрак. – Хотя они, конечно, должны быть в бешенстве от того, что так долго задержались здесь.

– Хм, план неплохой, но...

– Не беспокойся за форт, – махнул рукой капитан.

Имелик Дзыба поднял брови и вопросительно посмотрел на Кессена. Он хотел спросить совсем о другом, но было невежливо перебивать.

– Да, милорд?

– Мы с Военегом, Авилеро и ещё парой патриотов останемся. Заранее подготовим всё для поджога и сожжём форт, как только увидим, что они попрут на стены. Думаю, как только на следующее утро они обнаружат отсутствие людей из своего патруля и заметят, что на стене так мало дозорных, они не будут больше медлить со штурмом.

– Но, – перешёл к своему главному вопросу Имелик, – Если они начнут штурм раньше, чем мы предпримем попытку вырваться?

Кессен не смутился. Он просто и открыто улыбнулся.

– Тогда нам останется только одно – драться.

Имелик не дрогнул.

– Верно, милорд.

Бурмистр уже собрался уходить, но всё же замялся, выстоялся в своей типичной позе аиста и спросил:

– Возможно ли, если позволите, оказать честь быть одним из тех, кто останется жечь форт?

Кессен снова улыбнулся. Было видно его одобрение. Капитан оценил этот жест доброго и верного бурмиистра. И хотя они не были близкими друзьями, Кессен за это время сильно заужавал Имелика за его стойкость, собранность и верность. Жаль, что раньше они не так часто общались. Капитану вспомнился Давош Жильтик, с таким рвением покинувший форт, и он едва не поморщился от этих воспоминаний.

– Нет, Имелик. Мой добрый друг, – Кессен встал из-за стола. – Я ценю твоё рвение и готовность пожертвовать со-

бой, – он положил руку на плечо Дзыбе, которое доходило капитану почти до уровня подбородка. – Ты не солдат и не должен идти на это. Тебе мы отведём не менее важную роль – поведёшь тех, кто покинет форт. Они знают тебя и уважают. Вы доберётесь до Бруни, и ты расскажешь нашим семьям во всех подробностях, что тут происходило.

– Слушаюсь, – Имелик испытывал смешанные чувства. – Что вы сделаете с пленными?

– Если доживут, их освободят свои. А вот Блёмера и старого Виллеэлла... Хм, вы возьмёте их с собой. Береги их. Их больше ненавидят свои, как отступников, чем мы – люди. С вами они будут в большей безопасности.

– Согласен, – бурмистру нечего было добавить. – Увидимся на смотре дозора, капитан.

Имелик ушёл.

Через некоторое время долину на юго-востоке окутало редким по густоте туманом. Необычный, местами зеленоватого оттенка туман стелился по полям, выбираясь из леса со стороны разбитого эльфами лагеря. Клубы его, поднимавшиеся высоко – выше человеческого роста – вскоре скрыли и линию леса с пестреющими между деревьев тканями палаток, и поля, а потом доползли и до самого форта, облизав рябую от пробоин стену, но не перешагнув её.

В предутренней тишине сигнальный звон колокола раздался сразу поразительно резко и громко, как хлопок в ла-

доши над ухом чутко спящего. Звонили с Толстого Ригдара, что и следовало ожидать. Тут же ему откликнулся тревожный и обрывистый, но не менее зычный колокол с Сестрицы Огневицы. Колокол на Брате Шибале молчал. Его там просто не было, так как бастион был разрушен, и теперь чтобы пройти далее по восточной стене на север, надо было спуститься по лестнице на землю, пройти мимо завалов обрушившегося бастиона и только через сорок метров по другой лестнице залезть на привычные семь метров над землёй.

К этому моменту Авилеро был уже на ногах: чувство голода не давало долго спать. К слову сказать, он предчувствовал, почти знал, что скоро что-то случится. Движений было минимум: надеть защитные лёгкие латы, кожаный шлем, зашнуровать сапоги, застегнуть укорочённый меч и накинуть на плечо плащ. На улочках привычная суэта. Только влажность и сильный туман с привкусом болотной гнили дополнили пейзаж.

– Смолы! Огниво! Свиной жир! Поторапливайтесь, ребята! Живее! – командовал Военег направо и налево, отправляя отряды на стены.

Он увидел Авилеро, который один из первых прибежал на звон занимать привычный ему пост у Толстого Ригдара, и закричал:

– Ави, принимай командование! Лучников побольше выдели по левую руку от жирдяя Ригдара – говорят, эльфы прут!!! Будто со всего Петляющего леса повылезали!

– Подкрепление? – спросил Авилаеро, взбегая по лестнице.

– Пожалуй. Сейчас сам всё увидишь. Ага-га! – засмеялся вдруг Военег. – То-то потеха сейчас станется! Попляяшем!

Авилаеро, забывший перевязать волосы, разметавшиеся по тёмно-коричневому кожаному панцирю, потрескавшемуся и потертому от времени, на ходу собрал их в хвост, повязал лентой и потом снова надел шлем.

– Да чтоб их гоблины зажарили! – выдохнул он при виде, который ему открылся.

Туман... Туман везде. И всё же через него можно было разглядеть очертания множества шеренг. Четкие линии солдат двигались ровно как по одной команде, развёртываясь для штурма. В руках у каждой сотни было по пять лестниц – намного больше, чем при последней осаде. Откуда они взялись? Неужели Тофф Дольден сумел собрать армию в два раза превосходящую войско, прибывшее почти сорок лун назад? Как такое возможно?

Сколько же было этих шеренг? В центре марширующих шла на коне Третья, чуть разведя обе руки в стороны ладонями к форту. Туман то поглощал наступающих, то отступал, обнажая позолоченные шлемы. Пред глазами защитников форта предстала настолько зловещая картина, что все до единого почувствовали полную безысходность. Исхудалые лица людей стали белы. К ним шла сама смерть. Это понимал каждый. Слишком свежими, слишком многочислен-

ными казались войска Ливеллии. А об удивительной слаженности марша и решительности движений каждого наступающего эльфа и говорить было нечего.

– Ишь как идут. Как в учебниках, – прошептал рядом стоящий лучник, чем вывел, наконец, Авилеро из оцепенения.

– Готовсь! – заорал эльф, и глаз его безошибочно выверил требуемое расстояние полёта стрелы до приближающихся шеренг.

Послышался скрип и треск натягивающихся тетив. Луки вскинулись вверх в чистое весеннее небо, отливающее бирюзой.

На миг, строй за строем, эльфы остановились. Вперёд вышла Третья, одетая на этот раз в легкие боевые доспехи. Стоя перед войсками, она подняла вверх руку, сжатую в кулак, и неожиданно зычным голосом закричала:

– Призываю Вас! Не жалеть крови! Ни своей, ни чужой!

Воины дружно как один выдохнули «Хххууп!!!» и одновременно стукнули мечами о щиты. Звук подобно грому раскатился по шеренгам.

– Корням? – снова воскликнула ведьма.

– Землю! – дружно отвечали ей войска.

– Ветвям? – вопрошала она.

– Небо! – незамедлительно прозвучал ответ.

– Ворону? – сквозь туман поднимается голос Третьей и эхом идёт по полям.

– Мясо! – вторят ей воины и смолкают так, что тишина становится абсолютной – неприкасаемой. Даже для птиц.

Они двинулись. Авилеро дал команду:

– Стреееелыыы!

И стрелы взвились снова, отправляясь искать своих жертв, отправляясь с приглашением на смерть. Земля, давно утыканная стрелами с предыдущих сражений, в который раз готова была снова впитывать кровь и стоны умирающих.

Эльфы, пригибаясь, двинулись вперёд лёгкой трусцой. Было странно, но при первом залпе лишь немногие упали ниц. «Неужели от голода мы разучились стрелять, – проскользнуло в голове у Авилеро, – или я плохо разглядел попадания из-за этого чёртового тумана?»

– Целься! Стреееелыыы! – снова крикнул он. Он сам поднял лук и выстрелил.

В этот момент вдалеке раздался еле уловимый звон сигнального колокола. Звонили с противоположной стороны форта. «Неужели со Смелого Юма? – опешил эльф. – Если здесь их почти вдвое больше, чем было... Неужели и с севера заходят новые войска?!» Из-за сильной отдалённости другого конца форта – с юга на север форт простирался на 955 метров – звук от колокола был негромким, но только потому, как неистово и безостановочно молотил в него единственный дозорный, оставшийся на северной стене, можно было понять, что дело серьёзное.

Спустя мгновение прискакал встревоженный Военег и приказал Авилеро выделить десять человек для переброски на северную стену. Столько же было выделено из отряда Яля с восточной стены. Воевода отправился сопровождать их до Смелого Юма и лично взглянуть на ситуацию. Вместо него командовать обороной приехал сам Кессен Фойердаль.

Авилеро вновь скомандовал спускать тетиву. Снова и снова они стреляли по приближающемуся противнику, но в тумане, всё более плотно заволакивающем землю, было сложно разглядеть, какой урон они наносят. Непривычным было то, что несмотря на уже как более сотни выпущенных стрел, со стороны нападавших не слышались обычно нарастающие к этому моменту крики раненых. Лишь изредка можно было распознать единичные стоны сраженных эльфов, но почему так мало? В редких разрывах тумана Авилеро видел всё те же стройные ряды эльфийских шеренг.

Вот они уже подходят к стене. На них обрушивается град стрел. Лучники опустошают свои колчаны, ибо понимают, что скоро надо будет рубиться только на железе – на мечах и топорах.

Лестницы синхронно взмыли в воздух и мягко (беззвучно?) опустились на камень измученных ядрами стен. Обороняющиеся с рогатинами бросились скидывать лестницы, но лестниц было слишком много. Сердце Авилеро ускоренно колотилось. Мимо с мечем в руке пробежал Ясномысл. Он бежал к лестнице, торчащей в каких-то десяти метрах от

них. По лестнице из тумана, редющего к вершине стены, уже поднимался эльф в красивых дорогих доспехах. Как он смог так быстро подняться?

Пока Авилеро натягивал тетиву, он услышал, как по улице к ним кто-то приближается галопом.

Авилеро выстрелил и не поверил своим глазам. Стрела прошла сквозь грудь воина! Просто пролетела сквозь, не потеряв скорости, и ушла дальше, чуть не попав в другого лучника из своих. Ясномысл это видел, но у него не было времени ни удивляться, ни безадресно задавать вопросы. Он был ближе всего к этому красивому воину со светлыми полупрозрачными глазами и позолоченными доспехами. Оба вскинули мечи. Ясномысл опустил свой на голову эльфу, вложив в удар всю мощь, придав удару не только силу рук, но и тела. При обычных обстоятельствах тяжеленный двуручный меч расколот бы шлем противника надвое, но в этот раз всё было не как обычно. Поразительным образом, не встретив сопротивления от удара, Ясномысл потерял равновесие и всем телом вперед головой ухнулся прямо в... облако тумана с зеленоватым оттенком, по форме напоминающее фигуру человека. Воина не стало. Облако тут же разбежалось на клочки и слилось с туманной массой, начавшей заволакивать стену и переползать через неё.

– Нужны ещё воины!!! – послышался снизу охрипший голос Военег. – На северной стене по меньшей мере тысяча. Вся Армия Петляющего Леса и взвод Камышового Войска!

Сколько можешь дать, Ави?

Авилеро встал как вкопанный. Он посмотрел на стену направо, потом налево. И там, и тут появлялись фигуры воинов в золочёных доспехах. Идеальных воинов! Слишком красиво одетых, со слишком хорошо уложенными на старый манер волосами. Все они от ударов меча превращались в дым и туман. И ни звука. Лишь крики и ругань своих же лучников, топот сапог, хриплое пыхтение. Всё происходящее напоминало сон.

– Всех!!! – крикнул воеводе эльф с вершины бастиона.

– Что???

– Забирай всех! Этот туман! Это всё ненастоящее, – Авилеро старался объяснить в двух словах. – Это фантомы!

Он побежал вдоль стены, выкрикивая команду всем срочно перемещаться к Смелому Юму. Он добрался до Сестрицы Огневицы, по пути просто пробежав сквозь двух фантомов, и сломя голову устремился дальше к основным позициям под командованием Яля. На восточной стене картина была почти такой же. Яль тоже уже всё понял, но здесь в некоторых местах всё же звучал звон клинков. На этом участке из пяти фантомных лестниц одна была настоящей! Из десяти мнимых нападающих один был живым, и он мог убить! Чтобы слиться с основной массой фантомов, он тоже был одет в золочёные доспехи, и волосы его были уложены на старый манер. Несколько лучников форта оказались застигнутыми врасплох и были зарублены. Как же теперь распознать насто-

ящих эльфийских убийц?!

Военег снял с южной стены большинство воинов и двинулся в противоположную часть форта.

Авилеро с пятью воинами, включая Ясномысла и Нэнне, остался на время на южной башне. Полностью «оголеть» эту часть форта не решились. В замешательстве отмахиваясь от наступающих эльфов, они ожидали, что хоть один из них будет настоящим, но живых воинов уже не встречалось. Между тем туман понемногу рассеивался. Лестницы начали пропадать вместе с фигурами эльфов, которые, в свою очередь, стали зыбкими и прозрачными. Прекрасно понимая, что на противоположном конце Байу нападающие ещё до подхода подмоги наверняка успели взобраться на стену, и битва разгорается уже на улицах форта, Авилеро и оставшиеся воины тоже решили срочно направляться к Смелому Юму.

Они спешно спустились к главной улице Ригдара, которая шла от главных ворот напрямик до площади перед донжоном.

– Ави, ты думаешь это конец? – Голос бегущего рядом Нэнне дрожал. – Я слышал, эльфы ненавидят ильгукков.

– Не всё ли равно, Нэнне? – усмехнулся Авилеро, перекидывая лук поудобнее на случай скорой встречи с неприятелем. – Вряд ли они будут кого-то пытаться. Если умрёшь, это будет быстро... В бою... Возможно, ещё не всё потеряно. К тому же... они с не большей симпатией отнесутся к лесному эльфу, который сражается на чужой стороне.

Они уже было двинулись в сторону донжона, но что-то – какой-то холодок или дуновение ветра, или слабый запах серы и подгоревшего мяса – заставили Авилеро обернуться.

Сначала он ничего не увидел: ни фантома, ни движения на стене, ни тумана.

И всё же что-то задерживало его от того, чтобы развернуться и продолжить путь вместе со своими братьями по оружию.

Он ждал.

Запах усилился.

И вдруг он услышал этот шипучий, как тление костра, голос.

– Ладно-ладно. Ты меня раскусил, эльф. У тебя, действительно, отличная чувствительность к магии.

Из тени, отбрасываемой башней, вышла высокая фигура Третьей.

Она стояла на вершине, возле единственной оставшейся и, должно быть, единственно реальной лестницы, верхушка которой торчала между зубцами стены. В одной руке у колдуньи был искривлённый эльфийский меч, в другой покачивался короткий клинок, заканчивающийся изгибом, вроде крюка (такие клинки носили гиверы – жители пустынь Калёных берегов).

– Третья, – машинально произнёс Авилеро.

Ведьма легко спрыгнула с семиметровой высоты, слегка замедлившись при полёте у самой земли, и точно приземли-

лась на ноги. Из людей или эльфов этого бы никто не повторил, только Льдинка с его акробатическими способностями.

– Забавно, – она свободно шагала, чуть разведя руки в стороны, и голос её был спокойным, почти убаюкивающим. – Забавно, как вы выдумываете свои глупые считалочки. «Третья ведьма длинной была». Кажется, так? Ха! Только я не Третья! – Она остановилась в нескольких метрах от Авилеро. – Я – ШЕСТАЯ!

У Авилеро молниеносно всплыла и отчаянно запульсировала строка из невинной детской считалочки: «Ну, а Шестая придёт за тобой!». Шестой пугали детей ещё сотню лет назад, а может и больше. Говорили, что Шестая приходит по ночам и забирает непослушных проказников. Глупые байки...

«Каково это – встретиться с одним из своих кошмаров детства? Кошмаров многих поколений детей. Вживую!» – подумалось эльфу где-то отдалённо, за вереницей других мыслей: о выборе стрел и вариантах атаки. Он пятился, чуть пригнув ноги, пока его рука нащупывала оперенье лёгких стрел на набедренном колчане. Более тяжёлый наплечный колчан он решил скинуть немногим ранее, чтобы тот не мешал в битве на улицах, где требовалась большая манёвренность. Авилеро обернулся посмотреть, не остановился ли кто из товарищей, минутой ранее бежавших с ним к северной части форта. Сзади с мечами в руках стояли Ясномысл и ещё один уже немолодой воитель с курчавой рыжей боро-

дой. Нэнне и остальные были далеко. Они бежали прочь, не останавливаясь. Нэнне обернулся только раз, но его глаза, полные страха, лишь безучастно скользнули по оставшимся на дороге, как будто не заметив их, и побежал дальше.

Эльф выпустил стрелу не дожидаясь, пока Третья, а вернее Шестая, нападёт. Авилеро был одним из лучших стрелков, но колдунья следила за каждым его движением. Она молниеносно шагнула в сторону, и стрела ушла мимо.

Снова стрела – снова уклонение в сторону и вперёд. Она приближалась широкими скачками.

Шестая находилась в нескольких метрах от эльфа, когда он прицелился для последнего перед ближним боем выстрела. В этот момент на ведьму с двух сторон напали Ясномысл и рыжебородый. Это был умный ход – взять её в «клещи» слева и справа. Они идеально, почти одновременно наносили рубящие удары... Когда мячи опускались, Авилеро держал высокую фигуру колдуньи под прицелом с натянутой до предела тетивой. Эльф увидел, как голова Шестой повернулась в сторону Ясномысла, её рука отразила наносимый им удар. Но одновременно тёмная часть её лица будто отделилась от головы и продолжала смотреть в противоположную сторону – на рыжебородого, а черная рука словно независимо от другой части тела отразила его удар. В этот момент показалось, будто вместо одной головы у Шестой возникло две. Одна – нормальная, другая – обугленная голова с алыми тлеющими шрамами. И смотрели они в противоположные сто-

роны! Отразив удары, ещё секунда и тело Шестой стало снова единым.

Она сделала нырок и, пригнувшись, крутанулась нанося удары по ногам. Удары перебили коленную чашечку вояке с рыжей бородой и оставили глубокий порез выше колена Ясномыслу. Рыжий с криком упал. Ясномысл отпрянул, держа меч перед собой. Для Шестой это упростило выбор дальнейших действий. Она метнулась к не успевшему подняться воину, всадила в него меч, пригвоздив к земле, и снова повернулась к Ясномыслу.

Ведьма на секунду замерла. В эту секунду она оценивала последующую атаку: выбирала кратчайший путь от своих мечей, с которыми она обращалась на удивление ловко, до шеи Ясномысла. Ещё мгновение, и она бы бросилась на него, но в этот самый момент стрела Авилеро разорвала расстояние в несколько метров, словно луч солнца, сверкнувший из-за туч, и с глухим хлопком вошла в бок Шестой чуть ниже рёбер. Шестая не проронила ни звука, но присела на колени, схватившись за бок. Глаза её продолжали следить за движениями нападавших.

Ясномысл приблизился к ведьме. Авилеро заходил сзади. Они бросили друг на друга только один взгляд, говорящий «Ты в порядке? Ты знаешь, что это не конец и расслабляться нельзя? Хорошо! Тогда атакуй!»

Верхняя часть тела Шестой вдруг раздвоилась на человеческую фигуру и фигуру тени, фигуру обгоревшего создания

ада. Ясномысл стоял со стороны тёмной сущности, эльф же готовился биться с человеческим обликом со стрелой в боку.

Рывок! Удар Авилеро был отражен.

Меч Ясномысла лязгнул от мощного оборонительного контрудара ведьмы.

Авилеро уклонился от укола, уловил удобный момент и стремительным взмахом рассёк Шестой предплечье.

Ясномысл тоже попал! Перебил ей на руке сухожилия.

Авилеро снова ушёл от клинка...

Они заставляли её отвлекаться то на одного, то на другого. Один отступал, другой атаковал. Потом менялись ролями. Иногда атаковали одновременно.

Шестая раздваивалась, отражая удары, становилась одним целым и снова раздваивалась.

Она уставала. Рано или поздно она должна была допустить ошибку.

В один из немногих моментов, когда ведьма утратила бдительность и полностью развернулась к Ясномыслу, Авилеро стремительно приблизился и воткнул меч ей прямо в спину.

Глаза Шестой закрылись, и она осела.

Нет, всё же она смертна или...

Эльф не успел вынуть меч из тела, когда тот вдруг завибрировал. Волна смрада ударила с такой силой, что Авилеро еле удержался на ногах. На секунду всё вокруг поплыло в маслянистом мираже. Что-то тёмное рванулось в сторону...

Когда воздух снова стал прозрачным, эльф обнаружил се-

бя рядом с высушенным трупом высокого человека, отдалённо напоминавшего Шестую. Авилеро упёрся ногой в спину мертвеца и рывком выдернул меч. Тело завалилось на бок и растянулось на земле. Голова неловко откинулась, и стало видно, что обугленные части лица исчезли. Кожа трупа была синеватого мертвенного цвета. «Что за чертовщина!» – подумал Авилеро.

Он посмотрел вперед на то место, где должен был стоять Ясномысл, и увидел только его тело. Без головы. Чуть дальше – высокая тёмная фигура. Она стояла с опущенным окровавленным мечом и широко расставленными ногами: кожа словно потрескавшаяся земля дремлющего вулкана; пульсация магмы внутри. Раскалённые глаза смотрели безучастно, ибо в огне нельзя было найти эмоций.

Тело Ясномысла упало на колени и набок. Как же быстро это произошло! Буквально за секунду, он потерял одного из тех людей, благодаря дружбе с которым он и считал Байу если не Родиной, то тем местом, за которое не жалко было расстаться с жизнью. В Авилеро смешались шок от увиденного и страх, которые быстро сменили подступающий гнев и боль от потери друга. Эти чувства промелькнули и померкли перед одной единственной целью – убить эту покрытую угольной корой лаву зла. Но как можно убить то, что кажется мёртвым? У Авилеро был только один вариант найти ответ. Он пошёл вперёд. Навстречу ему стремительными рывками бросилось тёмное создание. Эльф замахнулся и, долж-

но быть, успел рубануть мечем, но создание просто увернулось от удара – оно двигалось с нечеловеческой скоростью. Оно было совсем рядом! Авилаеро подумал, что надо успеть перейти в оборонительную стойку, и он бы так и поступил, если бы не сокрушительный удар в висок, полученный в ту же секунду. Всё вокруг завертелось, и чуланная тьма поглотила его.

... Боль в голове.

Перед глазами всё шло кругом, как после бутылки крепчайшего самогона в самом грязном сивушном кабаке Дорсвиля. Его наверняка должно было вырвать, если бы не другая боль, которая затмила всё остальное.

Кто-то волочил его по земле за волосы.

Надо было бы привстать, но он не смог.

Горящий форт.

Горящий...

Все плыло перед глазами, и в этой скользкой массе он видел фигуры сражающихся насмерть людей и эльфов.

Это была настоящая резня.

Дым и крики.

Кровь разбавляла голубизну неба, отражавшегося в лужице в форме следа от сапога.

«Они прорвались... – даже не мысль, а отпечаток сознания, которое старалось вынырнуть из бездны забвения и вздохнуть. – Она обманула всех нас!»

Когда он, наконец, опомнился, он уже был в другом месте.

Он почувствовал холод земли и запах сухой травы, перемешанный со свинцовым запахом крови. Эльф приподнял с земли голову.

Сколько прошло времени?

Он на поле, за стенами форта. Байу остался позади, источая чёрные хвосты дыма из своих смертельных ран; разграбленный; с воротами Толстого Ригдара, снятыми с петель.

Придут волки и уберут падаль с улиц.

Прилетят вороны и подчистят за волками остатки.

Несмотря на связанные руки Авилеро удалось встать. Эльф заметил других пленных. Рядом с ним – кто ранен, кто нет – сбившись в кучку, сидели люди. Их охраняли несколько эльфов. Мимо проходили эшелоны Армии Петляющего Леса, побрякивая мечами и железными застёжками на лёгких латах из креэльской лепестковой стали. У некоторых темнела на одежде не обтертая спёкшаяся кровь.

Вдалеке Авилеро заметил группу из нескольких эльфов и узнал в одном из них Блёмера. Эльфы стояли и о чём-то возбужденно говорили, указывая руками то на форт, то на пленников.

Когда их взгляды встретились, Блёмер не отвел глаз.

Авилеро замутило. Он навалился спиной на кого-то из пленников и почувствовал, как его мягко кладут на землю. У него не было мыслей о своей дальнейшей судьбе. Всё перестало быть важным. Было приятно погрузиться в знакомую

темноту.

Имелик попытался открыть глаза. Сначала ему пришлось смахнуть в сторону спутанные длинные волосы, налипшие на лоб и лицо. Он приподнял голову и разлепил один глаз. Чтобы открыть второй ему потребовалась помочь себе рукой – часть головы была покрыта уже засохшей кровью. Болело всё, но особая боль повела его в нужную сторону. Проверил живот. Всё верно – рана смертельна.

Он осмотрелся и понял, что лежит на одной из улиц, у здания сгоревшего склада. С большим трудом, преодолевая боль, бурмистр отполз в сторону и опёрся спиной о стену.

«Должно быть, это следующее утро», – подумал он, пытаюсь встать. Всё тело трясло – утренний холод пробирал до костей. Встать он так и не смог и снова сел, зажав руками рану.

– Нам жаль. – вдруг донёлся чей-то голос совсем рядом.

Возле Имелика стояла кроха с полметра ростом. «Колток, – сразу понял бурмистр, глядя на второе лицо, располагавшееся на животе у карлика. – Вот уж не думал, что лесной дух живёт неподалёку».

– Мы служили господину Четвертаку много лет. Мы не можем просто уйти, – произнес дух.

Имелик не смутился.

– Ты видел, что случилось с остальными? – спросил он и поморщился. Каждое слово болью отдавало в груди и животе.

– В живых остались немногие. Их увели.

– Хочешь помочь? – спросил Имелик.

– Да, наш дом сгорел, но мы не хотим возвращаться в лес. – ответил колток писклявым голосом.

Лицо на животе приняло серьёзный вид и впервые заговорило:

– Мы хотим отплатить за людскую заботу. Этот форт был нашим домом. Для нас это дело чести.

Бурмистр на минуту задумался. Колток терпеливо ждал, переминаясь с ноги на ногу и оглядываясь по сторонам.

– Мне уже ничем не помочь, но, возможно, ты смог бы сделать что-то для тех, кто в плену?

Дух кивнул. Потом он, прихрамывая, подошёл к Имелику и положил свою маленькую ручку ему на живот. Сначала Имелик вздрогнул, ожидая резкую боль, но вместо этого тёплая волна пробежалась по его телу и вытеснила другие ощущения. Его будто бы уложили в мягкую постель и накрыли пледом. Облегчение пришло настолько неожиданно, что на миг он закрыл глаза и выдохнул.

Когда он вновь открыл глаза, колток уже исчез.

Имелик посмотрел в серое пасмурное небо. Небо сыпало последним в этом году снегом. Снежинки кружили тихо и мирно, попеременно с пеплом, и тут же таяли на траве, не

успев отдохнуть на её свежей, молодой зелени.

Теперь остаётся только ждать. Лишь бы его не вынимали из-под этого спасительного пледа.

Что-то мокрое и тёплое тронуло его руку, и он увидел Мияму – любимую кошку капитана. От неё пахло жжёной шерстью, но он не стал её прогонять.

Имелик гладил пригревшуюся у него на коленях Мияму и думал о том, когда же наступит весна.